

ГАЙ Н. СМИТ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

МИСТИКА

СОВРЕМЕННЫЙ
АНГЛИЙСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ФАНТОМ ПРЕСС ИНТЕР В.М.

Внезапно Дэвид Уомбурн почувствовал, что он уже не один. Ни движения, ни звука, только мурашки по телу: он понял, что рядом в темноте кто-то есть.

И услышал приближение э т о г о: не из штольни, а ... из пропасти! Тяжелое сопение, будто оно запыхалось, карабкаясь по скалам; шорох тела по камням. Так медленно, с таким упорством. Дэвид вскочил в смертельном страхе и сломя голову бросился бежать по штольне. Он задевал за низкую кровлю, не замечая ударов, смягченных шлемом. Пару раз упал, обдирая колени.. Он спасался бегством, не разбирая пути, лишь бы уйти от неведомой твари, преследовавшей его, как горноста́й кролика.

Английскому писателю Гаю Н. Смиту принадлежат следующие произведения:

Abomination	The Neophyte
Accursed	Night of the Crabs
Alligators	Origin of the Crabs
Bats out of Hell	Phobia
Bloodshow	Sabat 1: The Graveyard
Cannibals	Vultures
Carnivore	Sabat 2: The Blood Merchants
The Crabs: Human Sacrifice	Sabat 3: Cannibal Cult
Crabs' Moon	Sabat 4: The Druid Connection
Crabs on the Rampage	Satan's Snowdrop
Deathbell	The Slime Beast
Deathbell 2: Demons	Snakes
Doomflight	The Sucking Pit
Entombed	Thirst
The Festering	Thirst 2: The Plague
Fiend	Throwback
The Island	The Walking Dead
Killer Crabs	The Wood
Locusts	Non-fiction
Mania	The Rough Shooter's Handbook
Manitou Doll	Practical Country Living
The Master	

Наше издательство планирует в ближайшее время представить вашему вниманию наиболее увлекательные произведения этого автора.

На большую часть указанных произведений фирмой "Фантом Пресс Интер В.М." приобретены авторские права при содействии нашего партнера "PHANTOM PRESS INTERNATIONAL"

СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

• ГАЙ Н. СМИТ

ПОГРЕБЕННЫЕ

Перевод Н.Ш. Моспановой

ФАНТОМ ПРЕСС ИНТЕР В.М.
PHANTOM PRESS INTER V.M.

Москва — 1992

Переводчик — Моспанова Н.Ш.
Редакторы — Денисов Ю.М., Глобачев М.О.
Художник — Багмет Л.А. *
Корректоры — Глобачев М.О., Оксисенко И.Н.
Директор издательства — Штейнман А.И.

ГАЙ Н. СМИТ

Погребенные.

Роман./Пер. с англ. Н.Ш. Моспановой.

Москва.

ФАНТОМ ПРЕСС ИНТЕР В.М. 1992. 200 стр.

Что за писатель — Гай Н. Смит?

Его романы — прекрасное развлечение для всех, кто увлекается острыми, необычными сюжетами — мистическими ужасами, катастрофами, опасными приключениями и смелой эротикой, а также для тех, кого интересуют быт и нравы туманного Альбиона в наши дни.

На родине Г. Смита его книги популярны уже без малого 20 лет, а на нашем растущем книжном рынке — это еще одно новое имя. Первое — и будем надеяться, не последнее в серии публикаций “Фантом Пресс Интер В.М.”

Впервые роман “Погребенные“ опубликован
в Великобритании

Hamlyn Paperbacks 1982

Переиздано Arrow edition 1986

© Гай Н. Смит 1982 г.

© Моспанова Н.Ш. перевод 1992 г.

© Багмет Л.А. оформление 1992 г.

© Фантом Пресс Интер В.М. 1992 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заклинатель демонов, знаток богословских шарад, с риском для собственной жизни изгоняющий беса из тела невинного ребенка... Обаятельный юноша, рожденный от Князя Тьмы и самки шакала, дабы не допустить второго пришествия Христа...

Эти и другие столь же экзотические персонажи стали появляться в нашем книжном обиходе сравнительно недавно, как только обветшали и начали рушиться барьеры идейной цензуры. Теперь к ним прибавился сюжет, рассказанный англичанином Гаем Н. Смитом, — зло и ужас, воцарившиеся в глубине заброшенных шахт, подвиг воли, совершенный человеком, которому до того не везло в жизни, что он потерял почти все, — но решился отыграть свой шанс на грани полной катастрофы.

История смертельной схватки Саймона Рэнкина с таинственным проклятием горы Кумгилья подобна пестрому калейдоскопу. Вряд ли кого из читателей она оставит равнодушным: одни удовлетворятся захватывающими сюжетными поворотами в стиле “саспенс” (тревожное ожидание), с потоками крови и иных телесных соков; другие отыщут в ней точные бытовые зарисовки и поучительную мораль. Третьи, если отрешатся от культурного снобизма, вероятно, многое припомнят о своеобразной роли шахт, Уэльса и католических священников в литературе старой доброй Англии.

Верно, не так уж они просты — Гай Н. Смит и его герои. С одной стороны, расклад сил добра и зла в повести “Погребенные” диктуется типичным консерватизмом самого почтенного британского образца. Все люди порочны по своей природе; равенство — миф. Человек несвободный просто не способен быть ни добрым, ни счастливым (малолетние рабы, преисполнившись жаждой мести, сами превращаются в жестокое и весьма неприглядное зло). “Революционный романтизм” воплощен в обличье убогого развратника, который проповедует свою философию в грязной пивнушке, служит черные мессы и кончает земной путь, получив в лоб раздвоенным копытом Хозяина.

С другой стороны, вызов этому злу бросает необычный герой — бывший иезуит, рьяный нарушитель обета безбрачия, дерзнувший покинуть монашеский орден в поисках некоей собственной, более глубокой веры. Если “наложить” мистические экзерсисы Гая Н. Смита на классическую схему английского детектива или триллера, то окажется, что в борениях Бога и Сатаны Рэнкину досталась роль частного сыщика — непременно эксцентричного чудака, а порой и “крутого внесистемщика”, чье призвание — ловко обходить на всех виражах сюжета менее расторопных представителей официальной власти (в “Погребенных” это престарелый приходский священник господствующей англиканской церкви).

Сравнение тем более оправданно, что в финале повести, точь-в-точь как и положено в любом крепко сколоченном триллере — горы трупов зарезанных, раздавленных и удушенных персонажей обоего пола в возрасте от пяти до 93 лет. Впечатление такое, что шахтерский поселок истреблен весь целиком, и души неверных спасутся разве что для вечного покоя.

Лишь немногим суждено перейти свою Долину Смерти вопреки злу, с верой и любовью в сердцах. Закрывая книгу, остается пожелать того же и всем нам — на все будущие дни.

Михаил ГЛОБАЧЕВ.

ПРОЛОГ

“Ты не веруешь в Бога!” — что-то кричало внутри Саймона Рэнкина. Пронзительный голос впивался в него, словно хлыст, и он невольно съеживался в углу полутемной комнаты. Свеча мерцала, и дрожащие тени превращались в чудовищные образы, являющиеся из потустороннего мира, чтобы своей богохульной яростью поставить человека на колени.

И другой голос. Он не понял, чей, быть может, его собственный, только незнакомый — мягкий, но настойчивый: “Минутная слабость может стать роковой!”

Ледяная тьма обрушилась на него; живот свело, к горлу подступила тошнота. Казалось, он плывет в пустоте, потом словно ураган подхватил его и потащил в своей пасти; в миг беспредельного исчезла всякая надежда. Рэнкин уже почти сдался, уступая свою душу и жизнь. Но вновь будто издалека услышал те же слова: “Минутная слабость может стать роковой!” Тогда он начал бороться, продираясь из мрака обратно к тусклому мерцанию, зная, что свеча еще горит и не все еще потеряно.

Ты не веруешь в Бога! Бога нет. Цивилизация — всего лишь прихоть случая. Возникнув однажды, она неминуемо исчезнет, и от нее ничего не останется, словно ее и не было никогда.

“Я верую в Господа!” — голос Рэнкина перешел в хриплое завывание, жалобное, как у ребенка, взбунтовавшегося против родительской власти.

Он приник к стене, обливаясь холодным потом. Смутные видения колыхались перед глазами. Все — лишь обман, галлюцинация. Свеча, наверное, уже погасла, но он видел ее пламя, потому что хотел его видеть. А то самое нечто — чем бы оно ни было — намеренно позволяло ему бредить наяву, чтобы лишить его сил, чтобы сопротивление слабело с каждой секундой. Но он хотел, он должен был бороться. “Верую в Господа!”

Дурман туманил разум, не давая собраться с мыслями. Чтобы выжить, нужно еще больше усилий. Бессмысленные слова слетали с пересохших губ посланием в пустоту, и он повторяя, как попугай:

“Боже... Сыне Божий, смертию смерть поправ... поборов того, кто властен над смертью... — Рэнкин перевел дыхание. — Порази скорее Сатану! Избави сей дом от всех злых духов! — теперь знакомые слова вернулись к нему, и он торопился вымолвить их. — От помышлений суетных, оскверняющих, и похотей лукавых, и не дай им чинить зло, да будут изгнаны в место, им предназначенное, и останутся там на веки! Боже, облекшийся плотью, пришедший с миром, дай нам мир!” — Он громко, с облегчением вздохнул и добавил: — Верую в Господа Бога!”

Холод, казалось, немного смягчился. Пламя свечи успокоилось; странные тени отступили. Но это было всего лишь уловкой.

Священник выпрямился. От чудовищного напряжения ноги подкашивались, слабость была во всем теле. Но он преодолел ее. Он жил — он спас свою душу.

Громкий скрип за спиной заставил его обернуться. Дверь раскачивалась на петлях. Испытание... черный провал лестницы за дверью манил: беги, оставь этот дом и поселившееся в нем зло, спасай душу, пока жив!

Но Рэнкин не побегал. Он осмелел, его дыхание стало ровным, глаза отыскивали тени в пустой пыльной комнате. На улице пошел дождь, он заливал единственное окошко, неистово барабанил по стеклу.

“Я не боюсь тебя, ибо верую во Всевышнего, и Он защитит меня!” Дерзкие слова, отозвавшись эхом в тиши пустого дома, вернулись к Рэнкину из лестничного проема: “Верую... защитит... меня!”

“Ты не веруешь в Бога!”

Задрожав от ужаса, Рэнкин всматривался в тени, но издевка донеслась не оттуда. Это его душевные силы сливались с силами зла в сатанинском союзе. Он понял, что не сможет дольше сопротивляться дьявольщине. Только что силы были равны, и вот он снова начал слабеть — оттого, что испытывал судьбу.

Дверь снова скрипнула, приоткрылась еще немного и замерла. Каждый миг она могла захлопнуться, навсегда

заточив его наедине с т е м, без надежды на спасение. Ужасный исход, которого страшился Рэнкин, зная, что в конце концов будет вынужден сдаться. Наступило горькое прозрение, худшие опасения подтвердились: экзорцизм — изгнание бесов — не удался.

В комнате сделалось еще холоднее, температура упала сразу градусов на десять. Крошечный огонек свечи стелился, готовый исчезнуть. Мрак надвигался на него, простирая призрачные пальцы.

Ты потерпел неудачу, потому что тебя покинула вера. Ты отвернулся от Бога. Его ведь нет — значит, он не сможет тебе помочь.

Издевательский хохот гремел в голове. Рэнкин хотел было прикрыть глаза ладонями; руки неудержимо тряслись. Холодный ветер срывал с него пальто, грозя бросить несчастного в жуткую пустоту преисподней, страшившую род людской от начала дней, — бросить в безграничное ничто.

Но Рэнкин все еще стоял, как единственный уцелевший солдат среди трупов товарищей, как последний оплот чести перед лицом наступающего врага. Дух тления проник в ноздри; он, казалось, впитался в подстриженные усы и бородку священника, неотвязно напоминая, что т о т существует — даже если Бога нет. За спиной была лестница и свобода, впереди — лютая адова вечность, где Смерть сковывает своих невольников.

И тут Саймон Рэнкин повернулся и бросился наутек, спотыкаясь на осклизлых ступеньках, выбивая каблуками гулкую дробь. Его шаги гремели сатанинскими аплодисментами в честь победившего зла.

Оранжевое пламя оплывшей свечи указало ему путь к разошедшимся, покосившимся дверям в конце холла. Тьма тут же окутала его непроницаемым покровом, влажные холодные пальцы пытались втолкнуть его обратно. Наверху раздался грохот, что-то покатилося по полу. Чаша со святой водой, забытая хозяином, пала перед более могущественными силами. Ничто уже не могло противостоять злу, поселившемуся здесь.

Собрав последние силы, Рэнкин добрался до двери, ухватился за ручку и громко вскрикнул от облегчения, когда она поддалась. Каменные ступени словно налетали на не-

го, нанося яростные удары. Он скатился в мокрый бурьян. Высокие стебли, давно одолевшие преграду гравия, хлестали по лицу; ливень бушевал, с ног до головы окатывая священника стыдом. Позор тому, кто не выстоял — и причислен к лику павших.

“Минутная слабость может стать роковой”. Однако не стала — раз он еще жив. Здесь им до него не добратся.

Рэнкин не помнил, сколько времени пролежал там. Безудержный хаос мыслей теперь оседал в мозгу мертвой тяжестью — и вдруг взорвался, как динамит. Боже, вот предел падения, и я сам навлек его на себя! Но я верую в Господа, я лишь возроптал, но не усомнился!

Рэнкин с трудом добрался до автомобиля. В памяти не сохранился путь длиной в полсотни ярдов по извилистой, заросшей тропинке, где ветки, будто повинувшись чьему-то повелению, тянулись, пытаясь задержать его. Он тяжело опустился на сиденье и долго не мог включить зажигание и фары; буря сотрясала машину, словно силясь опрокинуть ее — стихия, взнузданная Сатаной.

Когда Рэнкину наконец удалось завести двигатель, уже светало. Дождь утих, но пришлось включить дворники, чтобы очистить ветровое стекло от опавших листьев. Он медленно ехал по продуваемой ветрами аллее конских каштанов. За ночь деревья потеряли остатки золотой листвы; их твердые несъедобные плоды отскакивали от капота машины, точно брошенные рукой злобного невидимки-домового.

Час спустя, когда совсем рассвело, Рэнкин поставил машину на короткой подъездной дорожке у своего домика в спальном пригороде. Пустой взгляд нашел табличку на деревянной калитке: “Пресвитерская”. Так он сам назвал свой дом... и здесь его ждала издевка. Никакая это не пресвитерская, жилище католического священника, а обычный дом под номером 42, такой же, как соседний 44. Выдумки все это...

Войти было страшно. Пугало не то, что было внутри, а то, чего там не было. Пустота квартиры и навязчивые воспоминания о Джули вызывали почти такой же ужас, как то, что несколько часов назад сломило его и выгнало из старого особняка.

Перешагнув порог, Рэнкин вздрогнул, охваченный стыдом, и провел ладонью по осунувшемуся лицу. Он словно наяву видел Джули, с ее обычной язвительной миной, слышал, как наверху возятся Эдриен и Фелисити, разбрасывая кубики по лестничной площадке.

“Ты что же, думал, я так вот и буду жить?” — вспоминались раздраженные вопросы, на которые он уже давно не пытался ответить. — Ты помешался на вере, такой же фальшивой, как ты сам, Саймон. Думаешь, я мечтаю, чтобы мои дети выросли иезуитами, да? Чтобы они всю жизнь тряслись от страха перед этой нелепой выдумкой — всевидящим оком Боженьки?”

Эти вечные гибельные вопросы, еще более мучительные с тех пор, как Рим наконец нехотя удовлетворил прошение Саймона об освобождении от обетов. Тогда он тоже спасся бегством — совсем как этой ночью.

“Господи, какая я была дура! — она поджала губы, рыжевато-каштановые волосы, до Рождества бывшие черными, метались по плечам в ритме нарастающей злости. — Ты меня обманул, заставил поверить, что все бросил ради меня. Ты лжешь, Саймон. Ты ушел от иезуитов, но забрал с собой все свои дурацкие суеверья и теории. Тебе надо было создать свою пресвитерскую, вести в одиночку бессмысленный крестовый поход, выставить на посмешище перед соседями и себя, и меня. Ты хочешь, чтобы мы были нищими. И твоя проклятая церковь, и ты сам — такое же зло, как те грехи, что ты замаливаешь. Ты ханжа!”

Сперва он пытался возражать. Господи, ведь масса доводов находилась — теперь все они кажутся пустыми. Он почти поверил в ее правоту.

“Так вот, я ухожу от тебя, — голос Джули срывался на визг. — У меня есть другой. Собственно говоря, он появился еще до Рождества”. Значит, тогда она и выкрасила волосы.

Саймон Рэнкин не был знаком с Джеральдом, только видел его издали. Красивый, загорелый, богатый — последнее оказалось для Джули решающим. Мирские блага: большой дом, большой автомобиль. Саймон все же надеялся, что она передумает, — надеялся до того дня, когда Джули принялась паковать вещи: свои, детей и — как он хватился позже — кое-что из его собственных.

“И вот еще что, — последний удар на прощание, когда чемоданы уже стояли в холле. — Не думай, что детям нужен охотник за привидениями вместо отца!”

Это задело и огорчило его больше, чем все предыдущее. “Я экзорцист! — гордо заявил Саймон. — Все религии нуждаются в таком служении. Сам Всевышний наделяет избранника властью, требующей всего его естества — разума, плоти и духа. Я каждодневно воздаю хвалу Господу за то, что он избрал меня орудием своего промысла”.

“Дурак несчастный! — ядовито бросила она. — Ты и вправду тронулся. Слава Богу, я забираю детей отсюда в нормальный дом”.

...Саймон запер дверь и сказал себе, что Джули здесь больше нет, а в сущности, и не было никогда — одна видимость, пустая телесная оболочка, искушавшая его, как Ева Адама. А потом ограбившая, отнявшая у него все — и веру, и детей.

Отсюда и пошла вся эта несправедливость: закон принялся безжалостно давить его железной пятой. Джули присылала счета, которые он оплачивал из своих тающих сбережений, а когда деньги кончились, запретила ему встречаться с Эдриеном и Фелисити. Три года он потратил, чтобы добиться права видеться с детьми, а когда дело дошло до Верховного суда, те успели почти совсем забыть Саймона. Место отца — нищего священника-неудачника — занял Джеральд.

Закон обязывал Саймона полностью содержать детей, а взамен не позволял даже заглянуть в их табели. Джули задаром получила развод и опеку над обоими чадами. Горечь поражения подтачивала силы Рэнкина; судебные исполнители навещали его почти так же регулярно, как разносчик молока.

“Минутная слабость может стать роковой!” О, как верны эти слова! Однажды он, поддавшись минутной слабости, поднялся в спальню с пузырьком снотворного и проглотил целую пригоршню таблеток. Но его спасла трусость: он спустился вниз и позвонил в больницу.

Саймон Рэнкин — священнослужитель, бывший муж, бывший экзорцист... бывший... бывший... Он стоял перед лестницей, напрягая слух, но больше не слышал шума детских игр. Тогда он прошел в гостиную и тяжело опустился на диван.

Мир его замкнулся, как это было минувшей ночью в той комнате, где его выворачивали наизнанку, разрывали на куски, где размазывали по полу его достоинство. Неприятель прорвал последнюю линию обороны и вступил на его территорию. Полный крах! Рэнкин никогда бы не поверил, что дойдет до такого. Он совершил в своей жизни тысячу или более изгнаний беса и лишь несколько из них не удались — такое случается с каждым экзорцистом. Но даже в самых страшных кошмарах он не встречался с таким злобным и могучим противником, подавлявшим духовно и физически, обратившим его в бегство, как Христос бесов. А может быть, — эта мысль заставила содрогнуться, — силы мрака еще не отступились от него и с наступлением ночи снова ринутся в психическую атаку? Сегодня, завтра или послезавтра — в любую ночь: предупреждения не жди...

Он опять подумал о снотворном, но преодолел искушение. Так они верней всего завладеют им. Он повторял снова и снова, что верит в Бога, пока не убедил себя в этом. Лишь тогда, соскользнув с дивана, Саймон Рэнкин опустил на колени и стал молиться. Путанный, бессвязный шепот напоминал жужжанье насекомых в запертом доме в жаркий летний день.

Он мог бы простоять на коленях до вечера, но его монотонные заклинания прервал резкий звонок у входа. Рэнкин вскочил, обернулся и увидел за запотевшим стеклом неясный силуэт. Это был, несомненно, мужчина — в синем пальто и шляпе, согнувшийся под холодным ветром.

Страх отозвался болью в груди, провалился в живот и свернулся там тугим комком. Беги же скорей наверх, спрячься в туалете и запири за собой дверь! Извергни из себя все без остатка! Но и это не поможет: от них не скроешься нигде. Как только ты им понадобишься, они найдут тебя и схватят. Единожды побежденный беззащитен.

Он с трудом заставил себя выпрямиться. Звонок раздался снова, уже нетерпеливо.

Отперев дверь, Рэнкин почувствовал облегчение — не менее опустошительное, чем прежний испуг. Человек, стоявший на пороге, был мал ростом и в своей промокшей, измятой, поношенной одежде выглядел почти жалким. Его

лицо напоминало бывшему священнику рыбу в аквариуме, утратившую всякое любопытство, смирившуюся со своей участью и окружением. Тупой, безрадостный взгляд, бледное лицо затворника.

Левингтон из фирмы "Левингтон, Холл и Ко., аукционисты, оценщики и агенты по недвижимости" воспринимал жизнь человека как рутину, которая начинается рождением и заканчивается смертью. Все, что нарушало ее размеренный ход, было помехой, которую следовало как можно скорее устранить. Верил ли он, что в доме завелась нечистая сила, — о том знал лишь он один и никому этого не открывал. Изгнать дьявола требовали домовладельцы; лишь после акта экзорцизма Левингтон мог выставить товар на продажу.

— Ну как? — равнодушно спросил он у Рэнкина.

Саймон облизал губы. Внезапно он снова почувствовал себя тем подростком в исповедальне, который решил признаться в потере невинности. Стыд, смущение, нерешительность: может быть, солгать? Нет, придется сказать правду. Но слова никак не выговаривались.

— Я... у меня... не вышло, — выдавил он наконец.

— Не вышло. — Удивление в голосе Левингтона невозможно было отличить от простой констатации факта. Еще несколько секунд длилось молчание; безжизненные рыбы глаза уперлись в другие, расширенные страхом, — и одолели.

— Не вышло, — Саймон потупил взгляд. — Не получилось.

— Просто смешно! — на лице Левингтона проступило напряжение.

— Совершенно нелепая затея. Я говорил Дэйну, но с клиентами приходится быть обходительным, так что я уступил его причуде. Что значит "не вышло"? Что, по-вашему, должно было произойти и что мне сказать клиенту?

— Он рассказал вам историю... этого дома? — В тоне Рэнкина, несмотря на все его страхи, слышалась участливость. С неверующими следовало обращаться мягко, такая была давно усвоенная им манера.

— Какую-то небылицу о двух братьях, живших там в начале прошлого века. Будто бы один посадил другого в подвал и держал взаперти много лет, пока тот наконец не

умер от истощения. После смерти злодея тем нашли прикованный к стене скелет. Никто не знает, есть ли тут хоть капля правды.

— Это правда. Я проверял по вырезкам из старых газет, но в этом не было даже особой нужды. Такие вещи я чувствую сразу, как только вхожу в дом.

— Хорошо, если бы люди перестали распускать эти сплетни! Они сильно осложняют жизнь агентам по недвижимости.

— Боюсь, мистер Левингтон, непозволительно отмахиваться от столь опасных вещей и забывать о них, — в голосе Рэнкина зазвучали гневные ноты. — Если бы вы сочли за благо убедиться, то узнали бы, что начиная с 1938 года с каждым жителем Дауэр Мэншен случались несчастья. По меньшей мере шестеро из них попали в сумасшедший дом, и было четыре необъяснимых скоропостижных смерти. Коронеры сочли причиной сердечные приступы, да у них и не было другого выбора. Не сомневаюсь, что несчастные жертвы действительно умерли от разрыва сердца.

— Какие там еще жертвы?

— Именно жертвы — жертвы очень сильного и очень злобного демона, донныне обитающего в Дауэр Мэншен. Я надеялся, что смогу изгнать его, но потерпел поражение. Страшное поражение!

— Видно, я даром теряю время, — Левингтон отступил на шаг и добавил: — Да и вы тоже. Я порекомендую мистеру Дэйну немедленно выставить дом на продажу. Благодарю за услугу.

Саймон Рэнкин проводил взглядом удаляющегося агента, вошел в дом и тихо прикрыл дверь. Безумие и смерть снова посетят Дауэр Мэншен, и вся ответственность за это падет на него. Он проиграл! Проиграл, потому что утратил веру.

Через некоторое время он принялся собирать чемодан. Он уезжает — решение не было внезапным, оно давно зрело в подсознании. Он бежал не от духовного врага, а от самого себя. Он — изгнанник в пустыне.

Глава первая

Уже был май, когда Саймон Рэнкин держал путь в уэльскую деревню Кумгилья. чемоданы он уложил через час после ухода Левингтона, но лишь шесть месяцев спустя Рэнкин вышел с ними за дверь.

Уехать оказалось не так просто, как думалось вначале. Он решил отправиться на запад, но с наступлением зимы потребовалось бы постоянное жилье — и недорогое. Здравый рассудок взял верх над душевным порывом, и Рэнкин понял, что первым делом надо обдумать, куда ехать.

Но и это нехитрое занятие было прервано. Около полудня явились два посетителя: судебный исполнитель и шустрый малый из отдела здравоохранения и социальной защиты с очередной бумагой, под которой требовалась подпись Саймона, — что-то насчет детей. Священник ошеломленно подчинился. Он больше не боролся: расписался в нужном месте и поспешно распрощался с посетителями.

Тесная гостиная погружалась в сумерки, когда Рэнкин вновь ощутил потребность в молитве — стремление, которым нельзя было пренебречь. В молитвенном порыве он просил прощения за свою неудачу, просил, чтобы кто-нибудь более сильный, чем он, изгнал злого духа из Дауэр Мэншен. Когда он закончил, было уже поздно думать о путешествии.

Наутро он проснулся в тревоге, переходящей в чувство вины. Торопливо одеваясь, он был более, чем когда-либо, настроен на отъезд. Ему попалось рекламное объявление о пансионате в деревне Кумгилья в Уэльсе, вблизи обширных сланцевых пещер, которые в течение семидесяти с лишним лет снабжали сельские дома шифером для кровли. Он набрал номер телефона; ответа не последовало. Впрочем, время было еще раннее, больше шансов дозвониться где-нибудь через час. Нацарапав номер в записной книжке, Рэнкин предался ожиданию — вяло перелистывал книги и ставил их обратно, мерил комнату шагами.

Ему захотелось увидаться до отъезда с Эдриеном и Фелисити. Он набрал номер Джеральда и уже было решил, что и здесь не повезло, когда в трубке отозвалась Джули — так холодно и официально, будто предчувствовала его звонок. О, это было бы чудесно! Сегодня утром у нее как

раз назначено посещение парикмахера и она не знает, куда пристроить детей. Они будут просто в восторге от прогулки в парке отдыха ясным осенним утром.

Уже через час Саймону пришлось пожалеть о том, что он не уехал. Последний раз он видел детей три месяца назад и тогда заметил, как они переменились; теперь это бросалось в глаза еще сильнее. Понурые, словно общество отца не доставляло им никакого удовольствия.

— А у моего папы новая машина, — нарушил затянувшееся молчание Эдриен, когда они бесцельно брели, подбирая сбитые накануне ночной бурей конские каштаны.

— У твоего папы? Твой папа — я, и у меня нет новой машины. Я не могу ее приобрести, даже если бы захотел. Но... это же просто здорово, — Саймон разламывал колючую скорлупку, словно это занятие было чрезвычайно важным. — Какая марка?

— “Даймлер”. Мама говорит, нам всем ужасно повезло, что у нас такой хороший богатый папа.

Саймон Рэнкин выронил лопнувший каштан. После этого они почти не разговаривали. Говорить и в самом деле было не о чем: ничего общего у них не осталось.

Рэнкин отвез детей в дом Джеральда и на обратном пути заехал в магазин агентства печати за утренней газетой. Выходя из машины, он почувствовал, что в душу закрадывается знакомая тревога, по коже побежали мурашки. Он замер и едва не повернул к машине. Минутная слабость может стать роковой. Порыв ветра ударил в лицо, обдавая холодом. Но в магазин он все же вошел.

Заголовки утренних новостей он успел разглядеть в тот момент, когда владелец магазинчика протягивал ему газету — на первой странице бросалась в глаза черная надпись: АГЕНТ ПО ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ НАЙДЕН МЕРТВЫМ В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ.

Разумеется, это был Левингтон. Он поехал в Дауэр Мэншен — видимо, желая все увидеть собственными глазами. После того, как он не вернулся домой к полуночи, жена позвонила в полицию. Полицейские нашли агента под лестницей — оступившись на верхних ступеньках, он упал и сломал себе шею. Самый обычный несчастный случай, ни малейших подозрений, что дело нечисто.

Саймон бросил непрочитанную газету в мусорный ящик там же, где поставил машину. Несмотря на холодный осенний ветер, он весь взмок, ледяные капли пота выступали на лбу и стекали на глаза. Он обязан был предостеречь Левингтона! Впрочем, ничего бы это не изменило: покойный был слишком упрям.

Боже, он не желал в этом участвовать, он не хотел даже читать об этом! Он уедет в Уэльс и там затеряется среди безлюдных сланцевых холмов.

Однако он и теперь не уехал. Телефон в Уэльсе по-прежнему не отзывался. А на исходе дня он повстречал Андреа.

Многие ее черты напоминали Саймону Джули: не только длинные каштановые волосы, свободно падающие на плечи, и маленькая стройная фигурка, — но прежде всего исходившая от нее уверенность. Она не ударилась в панику и даже не расплакалась, когда, разворачиваясь на шоссе, столкнулась с машиной Рэнкина, оставленной перед домом.

Это случилось в тот самый момент, когда Саймон вешал трубку после очередного безрезультатного звонка в Кумгилью. Ни та, ни другая машина серьезно не пострадали — только вмятина на бампере и царапины.

— Ничего страшного, — искренне утешал он незнакомку. — Может быть, зайдете на чашку чаю?

Следующие полчаса он откровенно и с удовольствием болтал с этой женщиной. Выглядела она лет на тридцать, но призналась, что ей ближе к сорока. Разведена, сын учится в университете. Сейчас она не работает и только что выставила на продажу свой дом, что на другом конце поселка. Решила переехать куда-нибудь, но еще не выбрала место. Переезжать нужно, потому что жизнь в пригороде ее угнетает.

Проводив Андреа, Саймон Рэнкин с удивлением осознал, что пригласил ее к себе на завтра, и она согласилась. На миг он ужаснулся, вспомнив, как Ева искушала Адама, как его самого искушала Джули. Но тут же рассмеялся — в первый раз за многие месяцы. Он был слаб, деморализован — и готов к новым искушениям.

Чтобы оценить красоту Кумгильи, требовалось время. Даже в летний солнечный день первым впечатлением туриста было серое убожество. Вздрыбленные холмы со склонами, покрытыми сланцевой пылью, напоминали гигантские кучи золы в саду. Редкие деревья удерживали свои ненадежные позиции, вцепившись корнями в каменную крошку; из осыпей создавались все новые холмы.

В начале прошлого века это был край каменистых отрогов и торфяников, сланцевые пласты укрывал ковер из вереска и можжевельника. Продутая ветрами пустошь, где жители крохотной деревушки с трудом добывали себе скудное пропитание на мелких фермах с несколькими овцами. В августе и сентябре, когда из промышленных районов Ланкашира наезжали богачи поохотиться на куропадок, эти арендаторы нанимались к ним загонщиками. Никто не помышлял о переменах, пока в 1825 году на горизонте не появился Уильям Мэтисон.

Сын подрядчика из Средней Англии, Мэтисон сразу разглядел скрытые возможности сланцевых залежей и стал обдумывать способы их выгодной разработки. Он уговорил нескольких местных жителей помочь ему пробить стофутный ход в горе — и ко времени его смерти в 1870 году Кумгилья уже обильно снабжала всю Англию кровельным материалом. Новый промысел вызвал бум, забытая Богом деревня стала шахтерским поселком. Ежедневно люди работали по двенадцать часов глубоко под землей, при свечах дробя сланец и загружая вагонетки, которые вытягивали наверх лебедками.

Поколения рабочих следовали по стопам предков, шахты все больше углублялись по мере того, как возрастал спрос на шифер из Кумгильи. Потом началась война, а после нее шифер вытеснила более дешевая искусственная черепица. Одни говорили, что сланцевые залежи Кумгильи практически выработаны, другие — что на рынке спад, и сократившийся спрос можно удовлетворять, добывая сланец в открытых карьерах. Бурное развитие Кумгильи сменилось упадком. Многие жители помоложе покинули ее в поисках более надежного заработка. В скором времени вагонетки и лебедки могли заржаветь и прийти в негодность, шахты наполниться водой и стать опасными: гора возвращала отнятое у нее.

Но этого не произошло. Артур Мэтисон, праправнук Уильяма, сохранил семейный талант предпринимателя. У добычи сланца не было будущего, зато бурно развивался туризм, — а в Кумгилье имелось все для этого. Показать публике, как шахтеры работали при свечах, воссоздать атмосферу опасностей и лишений. Вагонетки можно переделать для перевозки пассажиров и устроить световые эффекты в самых больших пещерах.

За пять лет Артур Мэтисон воплотил свою мечту. В первый же летний сезон Кумгилья принимала за неделю до двадцати тысяч гостей. На следующий год Мэтисон открыл для публики глубокие шахты, и число посетителей увеличилось еще на пять тысяч.

Но городок продолжал хиреть: сама Кумгилья была никому не нужна, всех интересовали только шахты. Жители города-призрака, чьи предки некогда приветствовали Уильяма Мэтисона, — проклинали Артура, разрушившего их привычный уклад жизни. Кумгилья погружалась в тягостное оцепенение; тем временем вновь разбогатевшие шахты процветали.

Таково было положение вещей в тот душный майский день, когда Саймон Рэнкин и Андреа наконец достигли цели своего путешествия.

Два каменных коттеджа с видом на шоссе недавно перестроили в один. Внутри смешивались запахи свежей краски и средства от древоточцев. Просторно и до смешного дешево — ведь никто не хотел проводить в Кумгилье весь отпуск.

— Сорок фунтов в неделю, на любой срок, — повторил Саймон, когда они вдвоем убрали со стола после ужина. Он чувствовал себя виноватым, потому что платила за все Андреа. Но пока иначе и быть не могло. Когда он придет в себя, поищет работу. Однако прежде нужно от многого избавиться. Прожив зиму с Андреа, он начал успокаиваться. Слабый внутренний голос звучал все тише: “Ты живешь во грехе!” Услышав его, Рэнкин уже не вздрагивал, мог даже отмахнуться. С точки зрения иезуитов, его брак был тоже грехом.

— Я видела, утром заходил почтальон, — Андреа вопросительно взглянула на него, на миг отрываясь от вытирания посуды.

— Да вот... получил письмо, — он опустил глаза, чувствуя, что краснеет.

— Счет?

— Я разберусь сам, не беспокойся.

— Нет, самому тебе не разобраться, у тебя не осталось денег. Дай его мне.

— Она зимой ездила отдыхать с детьми... — Уже несколько месяцев Саймон не произносил имени Джули: в присутствии Андреа это казалось ему кощунством. — Ей не следовало останавливаться в четырехзвездочном отеле. И в любом случае платить должен он.

— Послушай, — Андреа поставила тарелку на стол и вытерла руки. — Во всем виноваты дурацкие законы. Я же сказала, что буду оплачивать твои счета до тех пор, пока все не уладится.

Глаза Саймона затуманились. Он кивнул.

— Хорошо, но я постараюсь найти какую-нибудь работу...

— Всею свое время. Мы останемся здесь еще на несколько недель, так надо. А то еще придется выхаживать тебя от нервного расстройства.

Саймону пришлось отвернуться. Он ничуть не сомневался, что в случае необходимости Андреа нянчилась бы с ним. Так что пусть уж лучше платит пока его долги. Настанет день, и он вернет ей все с лихвой.

Душным вечером они вышли в садик и присели на скамью в уголке. На пустынной улице не осталось даже туристов, глазающих на витрины магазинов. Но это не был покой сельской глуши. Похоже, у города-призрака, пришедшего в упадок под боком у приносящих прибыль пещер, не оставалось никакой надежды.

— Зимой такие места действуют на нервы, — пробормотала Андреа. — А ты заметил, Саймон, с какой неприязнью смотрят местные на приезжих?

— Да, — он глянул в безоблачное синее небо. — Когда я впервые зашел в универмаг, мне показалось, что меня не хотят обслуживать. Будто мои деньги... грязные.

— Думаю, не стоит их винить, — Андреа по обыкновению пыталась найти во всем положительные стороны. — В наше время никто не хочет покупать их шифер, а туристский бизнес им не приносит прибыли. Люди едут только в пещеры, в Кумгилье их ничего не интересует. Эти края не так уж заманчивы, верно?

— Да. Повсюду сланец, как терриконы в угольном бассейне. В этом тоже есть свое очарование, но нужно его разглядеть. Нам с тобой удалось.

— Мы ведь до сих пор не побывали в пещерах, — Андреа зажгла сигарету. Саймон был противником курения, но на воздухе табачный дым быстро рассеивался.

Саймон Рэнкин напрягся. Первым его побуждением было отрезать: вот уж куда я не собираюсь! Нахлынули воспоминания раннего детства: экскурсия с родителями в пещеры Чеддера, их насмешки, когда он упирался, и демонстративное презрение, когда его охватил страх перед подземельем. С тех пор он больше ни разу не спускался под землю.

— Я думал, мы приехали просто отдохнуть, побродить на свежем воздухе...

— Ты прав, но хорошо бы и в шахты спуститься. Глупо сидеть всего в миле от места, куда народ толпами валит, а самим не посмотреть. Давай и мы! Это было бы просто здорово!

— Да... — У Рэнкина мурашки пробежали по спине. Зловещие тени грозили нападением, как тогда в Дауэр Мэншен. Ужас и беспомощность.

— Пойдем, раз уж ты так хочешь.

— А тебе не хочется, Саймон?

— Я этого не говорил, — у него промелькнула эгоистичная надежда, что Андреа ответит: ладно, мне, в общем-то, все равно. Но она этого не сказала.

— Давай пойдем завтра. Обещают плохую погоду, ночью с запада надвинутся дождевые тучи. Внизу мы по крайней мере не вымокнем.

— Прогноз погоды вечно ошибается! — в голосе Рэнкина помимо его воли прозвучало раздражение. Тогда, в детстве, он не хотел в Чеддер, но родители настояли. Теперь выходит то же самое.

— Решено, — Андреа взяла газету, давая понять, что разговоры окончены. — Лучше выйти пораньше с утра, чтобы не стоять в очереди несколько часов.

Рэнкин зажмурился, не в силах удержать нервный тик. Мрак. Дауэр Мэншен. его слабость и поражение.

К утру тяжелые тучи нависли над Кумгильей, из-за мелкого моросящего дождя ничего не было видно даже в двадцати шагах. С востока вереницей подъезжали машины с включенными фарами ближнего света. Унылая картина: словно отдыхающие со всего Уэльса решили провести день под землей, где погода не имеет значения.

Саймон и Андреа добирались к пещерам пешком, последнюю сотню метров шлепая по густой серой слякоти, проступившей из-под сланцевой щебенки на широкой подъездной дороге. Оба надели теплые куртки с капюшонами, чтобы уберечься от сырости.

Старые наземные постройки шахты были реставрированы. Они располагались неровным полукругом — впечатляющее преддверие с сувенирными киосками, сланцевой мельницей и формовочным цехом, музеями и фотовыставками. Тусклое и в то же время интересное зрелище прославляло давно ушедшую эпоху, лишь намекая на трудную жизнь горняков во времена королевы Виктории, которые брели на работу во мраке и холоде зимнего утра, а дневной свет видели лишь по выходным. Люди-кроты — короткая жизнь, каждодневная угроза внезапной гибели под обвалом, при неудачном взрыве. Или же медленная смерть от ужасной болезни легких, когда пыль разъедает их год за годом. А до тех пор — только тяжкий труд; единственный отдых — в пятницу вечером в трактире да в церкви в воскресные утром.

— Вот и пришли, — Андреа пробилась ко входу с двумя билетными кассами. Слева стояла очередь на “Шахтерский трамвайчик”, справа — огромная толпа решившихся совершить “Путешествие в бездну”.

— Давай выберем короткую экскурсию, — предложил Рэнкин. — На длинную надо стоять несколько часов. — Это звучало логично.

— Мы в любое время можем вернуться сюда и сходить на вторую, — согласилась Андреа, почувствовав нежелание своего спутника.

Они заняли очередь, и Андреа сунула Саймону в руку пятифунтовый банкнот. Он внутренне сжался: нелегко давалась такая жизнь. Купив билеты, они вместе с извилистой очередью вошли в соседний отсек, где люди так же толпились или сидели на скамьях, ожидая, пока прибудет миниатюрный поезд из вагонеток, высадит пассажиров и заберет новых. Никто не проявлял нетерпения: здесь они, по крайней мере, находились под крышей, тогда как выбравшие глубокий спуск остались снаружи.

— Следующий — наш, — Андреа встала, услышав в туннеле грохот приближающегося поезда. Саймон облизал губы, у него вдруг пересохло во рту. Мимолетное предчувствие заставило его вцепиться в поручни... словно надвигающийся обморок — то же самое он испытал полгода назад, когда шел в газетную лавку за утренним выпуском новостей. Своего рода предупредительный сигнал...

Толпа ринулась на платформу; им удалось занять два места рядом, в третьем вагончике. Саймон разглядывал попутчиков. Типичные курортники; большинство втайне жалеет о солнечных пляжах, сравнивая их с теперешним развлечением. Сегодня надо убить время, и только поэтому они здесь. Напротив мужчина с тяжелым подбородком курил вонючую трубку. Саймон закашлялся, но тот сделал вид, что не понимает намека. В соседнем вагончике женщина уговаривала двух малышей — они, очевидно, не хотели на экскурсию, но выбора у них не оставалось. Отца не было видно, и Саймон вдруг подумал об Эдриене и Фелисити. Депрессия, от которой он избавился с таким трудом, похоже, возвращалась. Он взглянул на Андреа — та с безмятежным видом углубилась в буклет, купленный в сувенирном ларьке.

Гидом была симпатичная девушка не старше двадцати лет, с лицом проказницы под желтым защитным шлемом, в красной кофточке и потертых джинсах. Она пересчитывала экскурсантов, обмениваясь шутками с кем-то в последнем вагончике. Машинист оглядывался со скучающим видом, ожидая, пока она сядет.

Состав дернулся и замер, потом тронулся. Темное отверстие туннеля надвигалось, как пасть голодного чудища, готового проглотить свою добычу. Саймон вцепился в подлокотник, не решаясь взять руку Андреа. По его пожатиям она догадалась бы, что старые страхи все еще таятся в нем.

...Поезд шел все быстрее, огни влажно поблескивали на скальных стенах, отбрасывая тени. Дрожь, удары учащенного пульса, кровля туннеля все круче уходит вниз, пол, изгибаясь, уносит все глубже. Потом дорога стала ровнее.

Неожиданно двигатель замолк. Поезд остановился в просторной пещере, слабо освещенной двумя лампочками с высоты сланцевых стен. В дальнем углу сгрудились люди, гид заученно произносила свой рассказ...

— Леди и джентльмены, — девушка в джинсах шла вдоль неподвижного состава. — Если вы не против выйти здесь, остаток пути мы пройдем пешком, а затем сядем на обратный поезд.

Саймон задрожал, ноги едва не подкосились, когда он ступил на неровную платформу. Андреа сама нашла его руку и ободряюще сжала.

— Тебе здесь не нравится, да? — в ее глуховатом голосе слышались извинения.

Он не ответил. Обмануть ее было трудно, как никого другого во всем мире. И они пошли вперед вместе с двумя дюжинами экскурсантов, занимать место предыдущей группы — та со своим гидом стала спускаться в одну из штолен. Девушка зажгла карманный фонарик, будто проверяя, все ли на месте, и нервно откашлялась. Наверное, она новичок в пещерах, подумал Саймон, студентка университета, подрабатывающая на каникулах, и еще не привыкла обращаться к большой аудитории.

— Вот так было в викторианскую эпоху, леди и джентльмены, — девушка щелкнула переключателем, и обе лампочки потускнели так, что их едва было видно в темноте. — Тогда горняки работали в забое по десять часов в сутки, при свечах. Если вы посмотрите вверх, то увидите муляж, представляющий внешний вид шахтера и его работу, — как это было восемьдесят лет назад.

Все посмотрели вверх. Глаза уже привыкли к темноте, и можно было различить детали. Это была восковая фигура в человеческий рост, одетая в грубую перепачканную

робу, со спасательным концом, обвязанным вокруг пояса — единственным средством, предохранявшим от падения с сорокафутовой высоты на дно пещеры. Сутулый, скорченный — ни одна подробность не была упущена.

И тут Саймон Рэнкин снова почувствовал это... Оно исходило из мокрых стен и кровли, как леденящая физическая мощь, и пронизывало его до мозга костей вместе с влажным мускусным запахом, отдававшим греховностью и тленом прошлого. Он снова очутился на миг в Дауэр Мэншен.

Он закрыл глаза и, открыв их опять, увидел обращенное к нему с высоты лицо — восковой образ зла. В широко открытых глазах отражен его собственный ужас, рот полуоткрыт в безмолвном крике боли. Влажные лохмотья зашевелились... или это сама фигура? Вниз посыпались обломки сланца, скользя и отскакивая от скалы. Электрическая свечка замигала, то потухая, то разгораясь вновь.

— Происшествия здесь относительно редки, — девушка-гид слегка запнулась, словно тоже ощущала чье-то присутствие. Люди сдвинулись тесней; Саймона толкали. Стадный инстинкт — так сгрудились бы овцы, почуяв волка, рыскающего во мраке ночи. Затем хлынули потоки света, множество ламп разорвало темноту, вытесняя ее в дальние углы, слепя глаза. Хныкали дети — те двое, что перед спуском капризничали, а мать пыталась их унять. — Здесь вам нечего бояться.

Есть!

Издалека донесся грохот. Наверное, поезд шел в обратный рейс со своим живым грузом. И снова тишина, ее нарушало лишь мерное постукиванье падающих с кровли капель.

— А теперь, если вам угодно последовать за мной, мы спустимся по этому коридору в следующую пещеру, где вы увидите, как загружались вагонетки для транспортировки сланца наверх, на мельницу.

Они двинулись за экскурсоводом, звук шагов отзывался мрачным эхом. Все застегивали пуговицы — вдруг сделалось очень холодно. Андреа вся дрожала, ее прямо трясло. Саймон обнял ее и прижал к себе. Напрасно он согласился идти, не внял туманному предостережению. Откажись он, Андреа осталась бы с ним.

Ты не веруешь в Бога! Ты потерял веру!

Эти психические волны снова катились по узкому туннелю ледяным током, вызывая дрожь озноба. Саймон боролся с растущей в душе паникой. Минутная слабость может стать роковой! Бежать некуда, разве что в лабиринт перекрещивающихся темных ходов, замкнутых, как ловчая сеть. Блуждать, отдавшись им на милость? Единственный путь к спасению — поезд. Он должен пройти все до конца.

Другая пещера оказалась больше той, откуда они пришли. Еще одна восковая фигура с теми же чертами лица, что у первой — шахтер в сланцевом забое. Наверное, мастера делали их по одному шаблону. Это выражение ни с чем нельзя было спутать. С самого начала была задумана печать нужды и лишений. Потом появился страх: таинственная сила, царившая в сырой тьме, исказила первоначальные черты.

— Горняк грузит в вагонетку сланец, вырубленный его товарищем, которого вы только что видели... — Саймон чувствовал, как Андреа жмет к нему. Она тоже ощущала это! Но теперь оно было другим. Атмосфера одиночества, словно все другие экскурсанты исчезли. Ушли все до одного. Ты один. Покинут, потерян... обречен блуждать здесь вечно.

Снова звук. Саймон понял, что Андреа услышала, по тому, как она напряглась и прижалась к нему. Это не был резкий шум поезда — скорее глухой вой.

Его слышали все. Головы неуверенно повернулись на звук. Дети испуганно всхлипывали.

— Странные звуки... — оторвавшись от заученного текста, девушка-гид потеряла уверенность. — Эхо может проделать долгий путь. Общая длина проходов превышает тридцать миль, — она напряглась в поисках приемлемого объяснения. — Ветер... он задувает в некоторые проходки... так и должно быть, иначе здесь не было бы воздуха.

Послышался отчетливый вздох облегчения. Объяснение, по крайней мере, вышло правдоподобным. Все поверили, потому что хотели верить. Кроме Саймона Рэнкина. И возможно, Андреа.

Потом они слышали обратный поезд. На сей раз это действительно был он. Фары осветили пространство, по-

хожее на внутренность древнего храма, поезд замедлил ход и остановился. Четыре пустых вагонетки сейчас умчат всех в безопасность. Двигатель глухо взвыл — тот же самый звук, что раздавался из утробы горы Кумгилья.

— Леди и джентльмены, наше путешествие приближается к концу, — девушка во главе экскурсии вела их к поезду торопливо, словно ей тоже не терпелось оказаться подальше отсюда. — Надеюсь, вы приятно провели время. Для тех, кто захочет побольше узнать о сланцевых копях Кумгилья, есть еще глубокий спуск, по которому можно достигнуть четвертого уровня разработок. Когда-то уровней было десять, но с тех пор, как прекратили добычу, остальные затоплены.

Все это болтовня, реклама большой экскурсии... Саймон дрожал, ему хотелось поторопить машиниста, чтобы тот увеличил скорость. Поезд гроыхал и нутжно тряся, будто мощная сила пыталась удержать его, остановив мотор.

Свет! Благословенный свет дня, горный туман, вдыхаемый с благодарностью, глубоко до головокружения, наполняет легкие. Ты спасен. Ты пока еще жив и здоров, а штольни и забои — лишь кошмарный сон, исчезнувший при пробуждении. Нет, ты знаешь, что они были и есть — там, внизу, `трясущиеся от ярости.

— Прости меня, Саймон, — Андреа подняла глаза и заставила себя выдержать его взгляд, когда он, поставив чашку чая на столик в кафе, сел напротив. — Я виновата... Не стоило тащить тебя туда. Я не знала, что ты... что тебе так страшно под землей.

— А тебе тоже, правда?

— Да, жутко было. Надо отдать им должное, они воспроизвели атмосферу.

— Да, атмосферу они воспроизвели. Потому что не могут от нее избавиться!

— Ты о чем?

— Там внизу есть что-то такое, что я почувствовал еще до того, как мы спустились в шахту. И оно становилось все сильней... Нечто неведомое, еще более могущественное, чем в Дауэр Мэншен.

Кровь отхлынула от лица Андреа. Рука ее дрогнула и пролила чай на столик.

— Может, это все наше воображение? — Она почувствовала, что нужно сделать эту жалкую попытку. Ведь это она уговорила его уехать в Уэльс, чтобы забыть здесь тяжелую душевную драму, — и потерпела фиаско.

— Нет, тут не игра воображения, — сказал Саймон мягко, уже успокаиваясь. — Я в этом уверен. Из той пещеры, что поменьше, злая сила словно намеренно влекла нас в следующую... будто хотела, чтобы мы почувствовали...

— Почувствовали — что?

— Безысходность. Как если бы эти штольни вели прямо в ад. Тот звук — ты его слышала так же ясно, как я, — был похож на стенания загубленных душ в преисподней. И главное, они поняли, что я здесь, что кто-то внемлет им и сострадает. Они взывали о помощи, они умоляли освободить их от того, что держит их там. А силы зла пытались изгнать меня оттуда.

— Так что же... ты собираешься делать? — в страхе прошептала Андреа.

Саймон Рэнкин уставился в свою чашку, снова томимый тайной душевной мукой. Тихий голосок издевался: ты же не веруешь в Бога — значит, ничего сделать не сможешь.

— Я верую в Бога, — он потянулся через столик и сжал ее руку. — Истинно верую, и если будет на то Его воля, я, наверное, смогу им помочь.

Андреа устало улыбнулась, подавляя вздох. На обратном пути, пока они тащились под дождем к своему коттеджу, она обдумывала разные способы заставить Саймона уехать из Кумгильи. Но в конце концов оставила эту мысль.

Глава вторая

Этого мальчишку часто видели слоняющимся по вымощенной булыжником унылой площади в центре Кумгильи. Трудно было сказать, сколько ему лет. Слишком крупная голова на плотно сбитом туловище, короткие ноги и чересчур длинные руки, почти монголоидные черты лица. Похоже, ему было около четырнадцати; неряшливая

одежда наводила на мысль о бездельниках-родителях, позволивших отпрыску шлаться по улицам.

В его бегающих глазках часто мелькало мстительное выражение; завидев прохожего, мальчишка щурился — он от нечего делать следил за людьми. Если случайно ловили его пристальный взгляд, парень сохранял невозмутимый вид.

Ральф Рис жил в мире своих фантазий, недоступном для посторонних — за исключением тех редких случаев, когда выставлял их напоказ. Сегодня он участвовал в перестрелке из вестерна, который накануне шел по телевизору. Ральф носился по улице взад-вперед, сложив пальцы наподобие револьвера, и с его толстых губ слетали резкие гортанные выкрики: пух! пух! па-пах! Потом “вскочил на коня”, сделал круг по площади, прыгая на полусогнутых ногах, и завершил его у скамейки, послужившей коновязью.

Некоторое время он сидел, уставившись в пространство с отсутствующим видом. Перестрелка окончилась и забылась, — и теперь Ральф медленно погружался в свой тайный, замкнутый мир. Случайные прохожие мимоходом поглядывали на него, но Ральф был привычным зрелищем, едва ли заслуживающим особого внимания.

Примерно через час он встал, громко зевнул и потянулся во весь рост. Похоже, в путанице его мыслей созрело какое-то решение, которое надо было немедленно выполнить.

Ральф побрел, сутулясь, пиная камешки на дороге и отбрасывая их ударом ноги. Он уходил из деревни. Один раз оглянулся, будто проверяя, не идет ли кто за ним следом, но никого не увидел. Ральф Рис никого особенно сейчас не интересовал.

Дойдя до трактира “Лагерь Карактака”^{*}, он остановился и посмотрел на пыльные окна. Дверь немного приоткрылась, показалось хмурое лицо с черной бородой. Трактирщик Илай Лилэн увидел парня, глаза его сузились и тут же расширились: в них промелькнул... страх.

^{*} Карактак — вождь бриттов в I веке н.э., воевавший с римскими легионами. Он особенно популярен в Уэльсе, населенном прямыми потомками кельтов, древнейших жителей Британии. (Прим. перев.)

Выпятив губы, Рис издал странный звук — своего рода презрительное фырканье и отвернулся. Его грубые черты искажила ненависть.

Дорога круто пошла в гору — он зашагал медленнее, тяжело дыша, словно не привык к физическим нагрузкам. Один раз обернулся, вытянул обе руки в сторону видневшейся внизу крыши трактира: пух... пух... пух... па-па-пах! За воинственным жестом последовал знак победы — два раздвинутых углом пальца... По подбородку потекли слюни, он засунул руки глубоко в карманы.

Ральф ускорил шаг, тяжело дыша от жары. Возле сланцевых пещер шесть или семь автомобилей выстроились в ряд у ворот; не дойдя до них, Ральф свернул с шоссе на узкую тропинку, которая привела его к ограде из колючей проволоки вокруг молодых хвойных посадок. Выцветшая надпись предупреждала: “Прохода нет, за нарушение — штраф”. Он плюнул и попал в плакат с двух шагов. Ральф не умел читать, но знал, что смысл надписи — предостереечь его.

Он продирался сквозь ели, не обращая внимания на колючую хвою, а места, где ветви нависали низко над землей, преодолевал ползком. Деревья постепенно редели, открылся крутой склон, негусто поросший рябинами, прозябавшими среди сланца и чахлой травы. Парень присел в тени отдохнуть, прикрыв глаза. Можно не спешить. Впереди — целый день и ночь, если понадобится, и весь следующий день. Ему удалось избежать любопытных глаз деревенских жителей — большего ему пока и нужно.

В его полусонном мозгу проносились бессвязные обрывки мыслей. В деревне не было других ребят — здесь жило много стариков, а их дети разъехались. В Кумгилье нет работы — это служило им оправданием, но на самом деле им было просто страшно остаться. Порой Ральфу тоже хотелось уехать, но он не мог. Ему придется остаться здесь, как если бы его приковали цепью к изъеденному непогодой воинскому мемориалу на площади. Его папаша каждую неделю получал на почте деньги, каким-то образом связанные с неспособностью Ральфа учиться в школе. И ясное дело, все забирал себе, не давал даже мелочи на карманные расходы, убудок! Мать каждый вечер приносила из “Лагеря” бочковое пиво в кувшинах, сидеть и пить

его там они боялись. При этом воспоминании Ральф сипло расхохотался.

Девчонок в деревне не было тоже — кроме Ди Энсон, которая училась в колледже и приезжала на летние каникулы к дяде и тете. Сейчас она находилась здесь, ей исполнилось семнадцать и она была, по словам деревенских, самым очаровательным созданием из всех, навещавших Кумгилью в последние сто лет. Ральф ухмыльнулся про себя. Уж он-то рассмотрел ее лучше, чем кто-либо из этих старых козлов. Она, конечно, ни о чем таком и не подозревала.

Два дня назад она забыла задернуть на ночь занавески в спальне, и Ральф, спускаясь с горы, заметил желтый квадрат света. Он без труда вскарабкался на плоскую крышу сарая напротив и оттуда мог безо всяких помех рассмотреть ее комнату.

Сейчас, лежа на склоне, он с волнением вспоминал подсмотренное, дыхание его участилось. Ди разделась догола, собираясь накинуть легкую ночную рубашку; тело у нее оказалось молочной белизны, гладкое и гибкое — и все прелести были при ней. Вдобавок она, словно от сильной усталости, распростерлась на кровати, легкомысленно раскинув ноги, так что Ральф увидел у нее все, что до сих пор было для него тайной. Растянувшись на крыше сарая, он впивался в нее глазами. Дрожа, как животное, он удовлетворял себя, не в силах удержаться. Кончив, он дал клятву — бессвязное обещание ночному ветру проделать с Ди Энсон то самое, что делали парочки, которые он выслеживал летними вечерами в закоулках Кумгильи. С тем большим удовольствием, что она, сучка, задается всякий раз, проходя мимо него по улице, задирает нос и отворачивается. За это он и даст ей прикурить, видит Бог! А потом... он еще не решил, что сделает с ней потом, но во всяком случае ничего хорошего.

На несколько минут он отдался буйству воображения. Затем вздрагивая, лежал в тени — рванные штаны спущены до колен. Он снова задремал, а когда окончательно проснулся, не думал больше о Ди Энсон. Ральф не забыл о ней, но шквал его страстей поутих.

Нечего было приходить сюда так рано, он вполне мог явиться и к концу дня, но в деревне ему нечего было

делать. Рострэмам удалось сдать свой пансионат на длительный срок. Только чокнутые могут провести весь отпуск в Кумгилье. Ральф задался целью выследить этих двоих. Накануне вечером он подкрался к коттеджу и заглянул в окошко на заднем дворе. Боже, ну и чудная парочка! Они, закрыв глаза, молились перед ужином. При виде женщины с ним опять стало твориться то самое, но сперва он займется Ди, а уж потом всеми остальными. С ублюдком Лилэном разделается тоже, может статься, подпалит ночью его трактир, да так, чтобы хозяин не вырвался из огня в спальне наверху. Но сначала его ждет испытание сегодняшнего вечера...

Наконец, наступили сумерки, небо заволокло дымным золотом. Ральф Рис медленно встал и побрел вверх по утоптанной овечьей тропе. Он больше не думал ни о Ди Энсон, ни о новых обитателях Кумгильи, ни даже о Лилэне. В пустоте его сознания носились, как в тревожном сне, отрывочные, бессвязные образы.

Перед ним был отвесный склон, по краю шел узкий уступ, которым пользовались лишь самые проворные горные овцы. Ни секунды не колеблясь, Ральф двинулся боком, словно краб, хватаясь за скальные выступы. Он ни разу не подумал о глубочайшей пропасти внизу и об острых скалах, о которые он разобьется, если сорвется туда. Мысль о падении вообще не приходила ему в голову.

Когда он добрался до входа в большую пещеру, уже совсем стемнело, даже звезды не освещали путь. Вокруг только глубокая тьма с затхлым запахом сырости и гниющих растений. Только теперь, стоя внутри у самого входа, он дрогнул, не осмеливаясь ступить дальше.

Она могла не прийти сегодня — минуло много ночей, когда она не приходила. Однажды, несколько недель тому назад, он в конце концов смирился с мыслью, что она никогда больше не придет, и тут, в миг его полного отчаяния, она появилась снова, будто никуда и не исчезала. Такое могло случиться всегда, порой она отсутствовала неделями.

Сидя на корточках, Ральф ждал, привалившись своей широкой спиной к шершавому камню. Он даже не пытался вглядываться в темноту, зная, что это бесполезно. Терпеливый, сосредоточенный, он был вовсе не похож на дере-

венского дурачка из Кумгильи — словно неведомая сила заставила его переродиться, оставив от прежнего Ральфа лишь уродливое тело.

Ущербная луна медленно взошла на востоке, в ее бледном серебристом свете проступила мерцающая поверхность скалы, вдалеке угадывалась деревня — серая покойническая, обитатели которой безмолвно дожидались смерти. Ральфу вспомнился еще один новосел, тот малый, что купил развалюху — она больше года стояла с вывеской “Продается” в заросшем саду. Белл... как-его-там — у Ральфа Риса была плохая память на имена.

Уже через месяц-другой жена новосела пошла по стопам всего женского населения деревни и стала вести растительное существование в четырех стенах, страшась выйти из дому даже днем. Беллмэны, вот как их звать. Он из тех, что могут стать помехой — фанатик, ползающий под землей, предпочитающий пещеры всему наземному миру. Такому могло прийти в голову исследовать катакомбы Кумгильи... Подумав об этом, Ральф хрипло захихикал. Если Беллмэн затеет такое дело, ему навряд ли удастся унести оттуда ноги.

Внезапно Ральф понял, что он здесь уже не один. Он скорее почувствовал, чем услышал шум в проходе, соединявшем гору с пещерой. Потом скрежет железа по сланцевому полу, шорох одежды. Съежившись, он обернулся, как затравленное, загнанное в угол животное. Силуэт, похожий на детский, сливался с темнотой, так что Ральф не мог толком его разглядеть. Но он знал: здесь та, кого он ждет — девочка, чье лицо всегда скрывала тень.

— Не знаю, как долго я еще смогу приходить, — в ее низком голосе была печаль, она всхлипнула.

— Я хочу тебе помочь. — Он не знал, как это сделать, но действительно хотел.

— Но тебе нельзя ходить в пещеры! — теперь в ее голосе зазвучала тревога. — Ты, Ральф, единственный, кто не должен туда ходить. — Его имя она произносила “Раф”, что всегда его озадачивало. — Он становится все сильнее, все злей, и скоро сможет добраться до нас. Твое присутствие ничем не поможет, только разозлит его еще больше. Рано или поздно он все равно нас схватит, и уже ничто нас не спасет. Когда это случится, не приходи больше сюда

— иначе тебя ждет та же участь в этом дьявольском месте.

И она исчезла. Весь дрожа, Ральф Рис проделал обратный путь. Внезапно появился страх, что он оступится, полетит в пропасть, ударяясь о скалы, и глубоко внизу расшибется в лепешку о валуны. Но он справился, добрался до безопасного места и сразу же прилег, еще дрожа всем телом.

Лишь через некоторое время он смог идти дальше. На этот раз он выбрал более длинную, извилистую тропу, потому что не слишком торопился домой.

Позже — Ральф не имел понятия, сколько времени прошло — он набрел на людей в кольце валунов между высокими соснами. Мечущиеся в лунном свете тени вполне могли сойти за очередную прихотливую игру его воображения — безумное эротическое действо, вдохновленное воспоминаниями о наготы Ди Энсон. Их было, наверное, больше дюжины — участников дикой сцены совокупления, какое и не снилось любовникам в закоулках. Вихрь тел, урчание мужчин и пронзительные оргастические вопли женщин — они совокуплялись на четвереньках, верхом друг на друге и лежа, так что невозможно было разобрать, где чьи конечности.

Один стоял посредине, закутанный в диковинные ниспадающие одежды. Лицо скрывала тень; он с видом властелина озираал шабаш — алчная бестия, ждущая апогея оргии, чтобы присоединиться к ней. Летняя ночь при этом была так холодна, будто низко плывущие тучи принесло сюда дыхание зимы; воздух пронизывали ледяные вихри.

На этот раз Ральф Рис не почувствовал возбуждения, даже когда луна полностью осветила сцену, и голые тела ее участников предстали во всех подробностях. Высокий человек как раз начал разоблачаться — и в этот миг луна осветила его лицо.

Тут ужас Ральфа достиг предела. Он упал ничком и распластался на ложе из папортника, издавая нечленораздельное мычание. Он увидел и узнал.

И быть может, понял.

Глава третья

...Саймон Рэнкин не понимал, каким это образом он снова очутился в сланцевых копиях. Его окружала густая тьма, лишь слабые отблески мелькали тут и там, будто за каждым поворотом бесконечных коридоров горела свеча. Но он ни разу не смог увидеть эту свечу, догнать блуждающий огонек, заставлявший его следовать за собой, уводя все глубже в утробу горы.

Холод был так силен, что цепенели и тело, и разум. Брести вперед стоило неимоверных усилий. Саймон непрерывно бормотал: “Я верую в Бога, он защитит меня”, — чтобы заглушить в себе дух противоречия. Но тот не унимался.

Восковой горняк все еще держался на отвесной стене. Казалось, он сползает вниз, отчаянно этому сопротивляясь. Его лицо, искаженное страхом, смотрело на Саймона — и видело его.

Рэнкину понадобилось собрать всю свою волю, чтобы отвести глаза, повернуться и убежать. Он знал, что скоро доберется до большой пещеры, этой гробницы безысходности, где стонали в муках неведомые ему проклятые. Он видел слабый свет, слышал звуки, похожие на порывы ветра или шум далекого водопада. Саймон старался убедить себя, что это все так и есть. Несколько мгновений спустя он понял, что ошибся. Эта мысль оглушила его.

Восковой горняк в большой пещере переменял позу: корчась от натуги, он пытался выполнить непосильную задачу — сдвинуть с места перегруженную вагонетку. Именно черты его лица заставили Саймона отпрянуть в страхе. В них читалось отчаяние и ужас, восковые губы беззвучно зывали: беги, пока и тебя не принудили к труду под бременем вечного проклятья!

И Саймон бежал. С трудом заставив двигаться непослушные ноги, он устремился к ближайшему выходу, не зная и не желая знать, куда тот ведет — лишь бы подальше от адской ямы. Ударился головой о низкий выступ скалы и упал на неровный пол. Гул в ушах превратился в пронзительный вой, хор нечленораздельных воплей, смысл которых, однако, был ясен: Помоги нам!

Он поднялся и заковылял дальше, вытянув руки вперед, нащупывая путь в ледяном мраке. И наткнулся на что-то движущееся. Вскрикнул, отпрянул, опять ударился головой. О Боже, избави меня...

Ты не веруешь в Бога!

Он лежал, с неожиданным облегчением прислушиваясь к суетливой возне вокруг. Крысы. Это место кишело ими. О, прекрасные крысы — осязасмые, обычные живые существа! Но крысы тоже спасались бегством. Они бежали от безликого ужаса.

Хор стенаний зазвучал сильнее — высокие голоса, женские или детские — не разобрать. Так близко...

Потом тьма сомкнулась, исчез даже манящий путеводный огонек. Он прислонился спиной к твердой стене, собрался с духом... осознал растущую в нем силу. Я верую в Господа! Молись! Это было непросто, словно чье-то незримое присутствие сковывало работу растерянного разума, смешивало слова, стремясь превратить их в хаос бессмысленных звуков. Он боролся упорно, отчаянно.

“Избави меня... от врагов, о Боже, защити... от осаждающих меня. Отче наш, иже еси на небесах... Да святится имя Твое...”

Теперь крики отдалились, холод отступил. И где-то рядом шевелилась, нетерпеливо скреблась крыса.

“Да будет воля Твоя... яко на небеси, так и на земли”.

— Ты не веруешь в Бога! — злобно выкрикнул внутренний голос, непреклонный в своем стремлении быть услышанным. Порыв ледяного ветра, пронизывающая сырость — Саймон сжался. Минутное колебание... Он закричал, чьи-то руки хватали его, трясли.

“Верую во Всевышнего!...”

— Саймон!

Тьма пропала, ее сменил ослепительный свет, больно ударивший в глаза. Вместо подземного коридора его окружали гладко окрашенные стены. Было жарко; весь в поту, он отбросил влажное одеяло и сжавшись, исподлобья взглянул на Андреа.

— Саймон, тебе снился страшный сон. Вставай, я пойду приготовлю чай.

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова, приподнялся на локтях и сел в постели. Нагота Андреа была способна

заставить мужчину забыть о чем угодно. Кроме...

— А все потому, что мы пошли в эти пещеры, — она снова винила себя и пыталась ободряюще улыбнуться, не смотря на душевную боль. — Лучше бы мне не настаивать...

— При чем тут ты, — Саймон почувствовал, как сильно он дрожит. — Время от времени всем снятся страшные сны.

Но он слишком хорошо знал, что это не был сон. Оправдались худшие страхи, произошло то, чего больше всего боится каждый экзорцист: он подвергся прямой психической атаке. Они пошли в наступление, ужасные видения были лишь началом. Будут новые кошмары. Это делается постепенно, страшно даже подумать, что будет дальше. Хуже того, ведь в любую минуту могут напасть и на Андреа, и тогда они оба погибнут.

На следующее утро Саймон почувствовал депрессию, едва проснулся. Он ждал этого, зная, что ему предстоит непрерывная борьба.

Станным образом его мысли были далеки от шахт Кумгильи и того, что таилось в их недрах. Вместо этого он обнаружил, что думает о Джули и о детях. Рэнкин с ужасом осознал, что им тоже может грозить опасность. А он слишком слаб, чтобы помочь кому бы то ни было.

Ты не веруешь в Бога! Ты потерял веру.

Господи, клянусь, это ложь! Он посмотрел на Андреа. Та мирно спала. Слава Богу! Ее сходство с Джули было необычайным, даже пугающим. Джули сперва казалась такой же надежной, такой же любящей, а потом... нет, Андреа не переменится к нему, о Боже, нет — ни через десять лет, ни через двадцать, ни через пятьдесят.

Откуда ты знаешь? Как можешь быть уверен? Не можешь: ты впал в соблазн и живешь во грехе.

Мучили угрызения совести. Разве одна Джули виновата в том, что случилось? Наверное, его собственная одержимость, давившее на него бремя сыграли свою роль. Сможет ли он быть другим с Андреа?

Вернувшись мыслями к психической атаке, Рэнкин старался убедить себя, что просто видел страшный сон. Но

безуспешно. Они настроились на его волну так же уверенно, как сам он настроился на их волну. Так просто они его не отпустят. Даже уехав, он не решит проблему. Господи, дай мне силы одолеть этого злого духа!

Он старался понять, отчего потерпел поражение в Дауэр Мэншен. Ты не веруешь в Бога!.. Верую, но возможно, вера моя недостаточно крепка. Этот демон самый сильный из всех, каких я встречал. Перед лицом такого врага нет оружия, нежели непоколебимая вера... Саймон молился с закрытыми глазами. Через несколько минут он почувствовал, что Андреа ворочается.

— С тобой все в порядке? — заботливо спросил он.

— Со мной — да, — она ласково улыбнулась. — А с тобой?

— Сейчас — вполне, — его ответная улыбка погасла. — Но, думаю, сегодня нам надо поговорить откровенно, прежде чем приниматься за дела. И не пытайся меня уверять, что прошлой ночью мне снился страшный сон.

— Ты говоришь загадками.

— Ну, конечно, нечего было и думать, что ты сразу все поймешь. Психическая атака — это когда некая невидимая, но могущественная злая сила вторгается в нервную систему человека, начиная с подсознания, которое, очевидно, слабей и беззащитней, чем сознание. На ранней стадии это ночные кошмары. Меня отправили снова в эти жуткие пещеры, продемонстрировали передо мной свою силу и мою слабость. Дальше наступает депрессия. Сейчас мое состояние — нечто похожее на тяжелое похмелье. Оно может пройти — или усилиться. С твоей помощью я избавлюсь от него через час-другой... на этот раз. Потом опять кошмары, да такие, что боишься заснуть, слабеешь и все больше изнемогаешь. В конце концов человек либо наложит на себя руки, либо проведет остаток дней в сумасшедшем доме. И это будет означать их победу.

— Нам лучше уехать сегодня же, — она села на постели. — Я начну собирать вещи...

— Нет, — он придержал ее за руку, — это ничего не дает. Бегством нам от них не спастись.

— Но если они там, в пещерах...

— Куда бы я ни уехал, они не дадут мне уйти. Если бы мне укрепить свои силы... с Божьей помощью. Единствен-

ный выход — борьба. Бороться с ними и победить. И освободить тех, кого они насильно там держат.

— Нет, Саймон. Я не пушу тебя, ты не очень-то здоров.

— Значит, надо поправиться. Без твоей и Божьей помощи это мне не удастся. Послушай, Андреа, больше всего меня тревожит то, что они могут заняться тобой. Раньше случалось, что будучи не в силах одолеть свою жертву, они сосредоточивались на ком-то из ее близких, у кого не было ни знаний, ни сил для борьбы. Внезапная трагедия подрывает силы жертвы, и она сдается. Вот почему мой долг оберегать тебя ежечасно, денно и ночью. Они и Джули могут использовать... хотя вряд ли она подойдет для их целей теперь, когда мы с тобой так любим друг друга. Остаются Эдрисн и Фелисити... — его глаза наполнились слезами.

— Может быть, ты зря так беспокоишься, — Андреа вздрогнула и побледнела.

— Может быть... Ясно одно: за меня они взялись всерьез.

— Что же ты думаешь делать? — Андреа больше не сомневалась в его правоте.

— Я должен вернуться в эти проклятые сланцевые шахты и побороть демона с помощью моей веры и оружия, которым пользуются экзорцисты.

— Нет! — у нее вырвался почти крик. — Я пушу не тебя туда, Саймон!

— Пустишь. И когда я пойду, ты должна стать очень сильной, веровать в Господа и молиться за меня.

— Я... могу ли я сделать что-нибудь еще, кроме как сидеть дома, молиться и сходить с ума от тревоги за тебя?

— Сейчас — нет. В любом случае, сначала мне надо попытаться установить природу злой силы, с которой мы столкнулись. Например, в Дауэр Мэншен это был дух человека, много лет просидевшего на цепи в темном сыром подвале. Жажда отмщения обуяла все его существо, и направлялась не только на брата, но на каждого, кто входил в дом. Когда знаешь подобные вещи, это помогает делу. Вот я и попытаюсь расследовать... возможно, гиды знают какую-нибудь легенду, которая нам поможет. Не исключено также, что сила демона ограничена одним коротким маршрутом, где курсирует так называемый шахтерский трамвайчик. Я должен исследовать глубокий спуск.

— Тогда я пойду с тобой. Ведь тебе страшно под землей.

— Нет.

— Страшно, и даже очень! И ты не запретишь мне, точно так же, как двум десяткам других экскурсантов сесть вместе с тобой в подземный фуникулер.

— Ну, что с тобой поделаешь! — Саймон вздохнул, подавляя вспышку раздражения, подобного тому, что часто испытывал в первые месяцы после освобождения от обета. — Ладно, вижу, ты все равно пойдешь, так уж лучше нам отправиться туда вместе. Так мы будем сильнее, чем поодиночке.

— Вот и хорошо, — она потянулась за одеждой. — Но сперва — плотный завтрак. Натощак нам не одолеть силы тьмы.

Рэнкин нисожданно почувствовал облегчение, депрессия стала его отпускать. Когда Андреа вышла из комнаты, он закрыл глаза и снова помолился: “Помоги мне, Господи, в этот час, ибо я боюсь. Защити ту, что я люблю, и ту, что любил, и моих детей”.

За ночь тяжелые тучи рассеялись, на голубом небе сияло утреннее солнце. Даже шахты Кумгильи выглядели по-иному, когда Саймон с Андреа поднимались по подъездной дороге мимо автомобильной стоянки, уже занятой более чем наполовину. Она казалась не просто островком безопасности в море стихий — трудно было вообще поверить, что здесь скрывается могущественный злой дух. Пока не спустишься в шахты...

Саймон пробился в вестибюль. Андреа держалась за его локоть, словно опасаясь, что их могут в любой момент разъединить. В крытом отсеке было тесно, и снова очередь на глубокий спуск оказалась длиннее. Ждать придется долго, но хорошо хоть день выдался ясный.

— Хочу для начала поговорить с той девушкой-экскурсоводом, — сказал Саймон. — Это похоже, не так-то просто — она все время носится туда-сюда по вагончикам. Надо было узнать ее имя. Ну ладно, пойдем, поищем ее.

Персидя в соседнее помещение, они увидели людей, рассевшихся в ряд. Дети жадно поедали первое за сегодняшний день мороженое, взрослые уткнулись в газеты или

путеводители. Три поезда пришли и ушли; на всех гидами были мужчины.

— Наверное, она работает посменно, — предположил Саймон.

— Так мы ее не дождемся. Давай возьмем билеты на глубокий спуск.

Он постарался отрешиться от чувства вины, когда Андреа опять вложила ему в руку скомканный банкнот. Сейчас не время для самобичевания: пора выказать веру и силу духа.

Они встали в очередь, перед ними было человек полтора-раста. Каждые десять минут прибывал и отправлялся подземный фуникулер — четыре ярко раскрашенных шестиместных кабинки. Саймон подсчитал, что ждать осталось примерно час. Было жарко, солнце нещадно пекло, будто стараясь наверстать упущенное вчера. Все кругом было окрашено в голубовато-серые тона сланца — земля, дома, громоздящиеся вдалеке холмы. Вчера эта картина была мрачной и гнетущей, а сегодня... И тут Саймона снова настигло это ощущение: вспотевшее тело под красной футболкой похолодело, покрылось гусиной кожей, его бросило в озноб. Он напрягся, чувствуя легкое головокружение, потом все прошло так же внезапно, как накатило.

— Оно здесь, — шепнул он на ухо Андреа. — Даже сейчас чувствую. Они меня заметили и дают это понять!

Андреа закусил губу, пожалев, что не взяла сигареты. Порыв ветра с гор обдал ее холодом, потом опять стало тепло. Но ведь сегодня вообще не было ветра!

— Наша очередь, — голос Саймона прозвучал почти зловеще. Андреа двинулась за ним и замешкалась у алюминиевого ящика с пластмассовыми защитными шлемами.

— Там внизу, в выработках низкая кровля, дорогуша. — Стоящий поблизости служащий в униформе заметил ее неохоту. — Существуют правила безопасности. Лучше ведь надеть шлем, чем разбить голову, а?

— Да, конечно, — она через силу улыбнулась, надела шлем и застегнула ремешок.

Фуникулер медленно, слегка покачиваясь, поднялся к площадке между двумя пролетами лестницы на платформу, пассажиры выходили с противоположной стороны.

— Прошу занять места: по шесть человек в кабине, включая детей.

На узких сиденьях было тесно. Саймон протиснулся в самый угол, освобождая место вошедшим следом. С ними ехала супружеская пара лет тридцати с двумя детьми, мальчиком и девочкой. Их радостная болтовня почти заглушила дурные предчувствия Саймона. Он взглянул на Андреа, бледную и напряженную.

Скрипнула лебедка. Фуникулер опускался с натугой: трасса шла вниз почти вертикально. Внезапное головокружение заставило Саймона схватиться за стенку кабины. Вдруг трос оборвется и они со свистом полетят вниз, во тьму? Силы зла вполне способны это устроить. Но ничего такого не происходило.

Они медленно скользили в темноту, по обе стороны шершавые стены сочились влагой, затхло пахло сыростью и стоячей водой. Остановились у ступенчатой платформы, вырубленной в скале таким образом, чтобы пассажиры могли выйти из всех кабинок одновременно. Теперь их окружал подземный мир, освещенный электролампами через каждые несколько ярдов. Впереди тянулся пологий коридор.

— Прошу следовать за мной, — высокий гид в защитном шлеме повел их, сжимая в руке факел; в некоторых местах ему приходилось нагибаться. — В первой пещере мы остановимся и слушаем информацию, записанную на пленку.

Пещера была просторной, гораздо больше тех, что они видели вчера на трамвайном маршруте, и хорошо освещенной. Манекены так же демонстрировали методы добычи сланца в викторианскую эпоху. Гид щелкнул кнопкой, и откуда-то из-под кровли раздался резкий голос; казалось, говорящий прячется наверху среди теней.

— Добро пожаловать в глубокие штольни, леди и джентльмены. Сейчас вы находитесь на глубине ста футов под поверхностью земли, на первом уровне. Здесь горняки обычно...

Саймон внимательно слушал. Может быть, вот сейчас какой-нибудь эпизод — хоть пара слов — укажет ему направление поисков. Но ничего особенного он не услышал — обычный рассказ об условиях труда и быта горня-

ков в те далекие времена. Потом, словно стадо овец, они двинулись за экскурсоводом, которому не нужно было даже открывать рот.

Вторая пещера была поменьше, но уходила дальше вглубь горы, ее стены скрывала тьма и непонятно было, где она кончается. И в ней было намного холодней. Люди жались друг к другу — наверное, чтобы согреться, а может быть, тоже почувствовали неизъяснимый страх.

Снова включился магнитофон. Качество звучания было скверное, словно пленка была изношена или возникали помехи при записи. Восковая фигура на высоте двадцати футов изображала подготовку к взрывным работам: опираясь на крохотный выступ скалы, шахтер высекал в ней отверстие для порохового заряда. Диктор сосредоточил свой рассказ на порохе — горнякам в старое время приходилось покупать его за свои деньги. Иногда происходили несчастные случаи...

И тут Саймон Рэнкин услышал звук, которого страшился — далекий заунывный вой. Будто шквал, проникший в нутро горы Кумгилья и затерявшийся в подземных лабиринтах, искал выхода, изливая воплями свою ярость.

Магнитофонная запись запнулась и со скрежетом оборвалась. Лампы потускнели, почти потухли. Сзади взвизгнула девочка. И стало куда холоднее.

Гид взмахнул факелом, как бы опасаясь, что его подопечные разбегутся, но они только теснее жались друг к другу с побелевшими от страха лицами. Андреа вцепилась в руку Саймона. Она знала в чем дело, и ей приходилось удерживать себя, чтобы не закричать во весь голос. Это началось.

— Не волнуйтесь, — гид растерянно озибался. — Под землей иногда... слышатся странные звуки, — казалось, он не слишком верит собственным словам. — Давайте продолжим осмотр.

Все последовали за ним — выбора не было: никому не хотелось оставаться одному в темноте. Свет факела рассекал тьму, его отблески влажно мерцали на шероховатых стенах. Звуки шагов отдавались глухим, жутким эхом. Плакал ребенок, мужчина бормотал проклятия себе под нос.

Пламя факела как будто потускнело, из ослепительно белого стало желтым. Завывание достигло предельной высоты, этот хор звучал уже не человечески. Но сердце подсказывало догадку: то зывали о помощи души, заточенные в глубине пещер Кумгильи.

— Нет, это не ветер! — кто-то высказал вслух то, что было у всех на уме.

Гид промолчал. Он шагал так торопливо, словно в любую секунду готов был пуститься бегом.

— Мне страшно, Саймон, — прошептала Андреа. Эхо подхватило ее слова, так что все услышали: страшно... страшно...

Саймон Рэнкин понял, что нужно молиться, иного не дано. Молиться, пока силы зла не превратили его мысли в бессвязную путаницу.

— Господь пастырь мой! я ни в чем не буду нуждаться... он водит меня к водам тихим...

Вокруг слышалось недовольное ворчание; женский голос за его спиной пронзительно вскрикнул: “К черту ваши молитвы, мистер, хватит тоску нагонять! Нам это ни к чему”.

Нет, вам это необходимо, о н и внушают, что вам это ни к чему, используют вас против меня. “... Подкрепляет душу мою, направляет на стези правды ради имени Своего...”

— Чтобы я еще раз полез в такую дыру, мать твою! — выкрикнул теперь мужской голос. Сквернословие — оружие нечестивых. Молись!

— Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня...

Факел снова разгорелся во всю силу. Саймон увидел, что они вышли из туннеля в пещеру воистину огромную — насколько можно было судить по стене справа от них. Они стояли на чем-то вроде дамбы, слева огороженной провололочной сеткой. За нею зияла... бездна. Люди отступили к стене, в ужасе перед тем, что было внизу. А завывания смолкли.

Неожиданно вспыхнул свет, такой яркий, что все зажмурились и отвернулись. У гида было бледное, напряженное лицо. “Наверно, подключили запасной генератор”, —

буркнул он, но прозвучало это неубедительно.

Что-то засверкало за оградой; мерцающее отражение света создавало впечатление, что пещера обрывается в зеленовато-черную пропасть. Потом увидев перевернутое отражение — свое и толпы спутников — каждый понял, что там.

— Подземное озеро, — экскурсовод делал героические усилия, чтобы начать рассказ, голос его дрожал. — По меньшей мере футов тридцати-сорока глубины. Оно наполнилось, когда работы были прекращены и воду перестали откачивать. Расположенные ниже уровни разработок затоплены таким же образом...

Андреа дрожала. У нее была врожденная боязнь глубокой воды. Под землей этот страх еще усилился; казалось, бездонная черная впадина, заполненная водой, скрывает непостижимые ужасы.

Саймон пристально смотрел вниз, на мерцающую зелень воды — до тех пределов, где она сливалась с чернотой, так что увидеть что-либо дальше было невозможно. Причудливые образы дрожали и переливались под поверхностью воды — человеческие лица, искаженные болью и яростью. Стертые рябью, они исчезали, и тут же появлялись новые.

Сейчас он молился про себя, вознося слова благодарности, обняв Андреа. “Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни...”

Вдалеке послышался шум; все напряглись и сдвинулись теснее. Но то был не протяжный вой, а громахание. Оно приближалось, каменный пол вибрировал, будто от страха тряслось все кругом.

— Прибыл поезд, — объявил гид с заметным облегчением. — Прошу всех следовать за мной.

За ближайшим поворотом они снова увидели освещенную ступенчатую платформу, ярко-белые кабинки, такие милые в своей обыденности. Машиниста здесь не было, так как фуникулер управлялся с пульта на поверхности — поезд-привидение.

Торопливая, бестолковая посадка, испуганные взгляды, брошенные назад, в штольню, словно каждый ждал, что в любой момент оттуда может появиться нечто невыразимо ужасное. Рэнкин прижался к Андреа, освобождая место гида, который на обратном пути сел в их кабинку. Когда фуникулер тронулся, тот явно испытал облегчение, — а Саймон снова пережил страх при мысли, что силы мрака могут нанести последний отчаянный удар, чтобы не дать им уйти, и трос оборвется. Закрыв глаза, он дважды прочел “отче наш”, и когда снова открыл их, увидел яркий солнечный свет. Все рванулись наружу, бросая в ящик ненужные шлемы.

— Саймон... — Андреа хотела что-то сказать, но ее перебил, оттесняя спиной, рослый гид.

— Ну спасибочки, мистер, прямо не знаю, как вас благодарить — там под землей от ваших молитв у всех душа в пятки ушла! Вы что, поп или просто святоша?

— Я священник, — в голосе Саймона слышалось достоинство и в то же время раздражение.

— Ну и что?! Нечего было причитать во весь голос!

— А я убежден, это было необходимо, — Рэнкин холодно взглянул на гида. — И вы, друг мой, знаете об этом не хуже меня. Ваши слова о ветре в подземных выработках вряд ли могут служить объяснением тех заунывных звуков и жуткого холода. Сегодня нет ни ветерка. И я уверен, вы знаете больше, чем хотите показать. Что здесь происходит на самом деле?

— Послушайте, вы, — голос рослого мужчины сорвался почти на визг, пальцы нервно теребили ремешок шлема. — Ничего такого тут не происходит, и нечего выдумывать! Произошло какое-то замыкание в электросети, от этого никто нигде не застрахован. А звуки — ну, бывает. И возможно, никогда уже больше не будет.

— Но то же самое было вчера на маршруте “шахтерского трамвайчика”. — Саймон задержал на собеседнике недобрый взгляд. — Вы что-то скрываете. Может быть, вы получили соответствующие указания?

— Я должен заботиться о своей работе, — ответ гида лишь подтвердил подозрения Саймона о некоей тайне. — Даю слово, тут вам нечего бояться, нет ни малейшей опасности. А если расползутся слухи, сюда перестанут приез-

жать. Все поедут в Лъечьюйд, там почти такие же пещеры, и мы потеряем работу.

— Ну, от тебя я ничего не добьюсь, — подумал Саймон и отвернулся.

— Пойдем выпьем чаю, — Андреа вновь обрела свою обычную уверенность. — Ох, Саймон, до чего жутко было там, внизу! Мне кажется, все почувствовали натиск злой силы. И это ужасное чувство безысходности, словно мы обречены блуждать там в потемках до конца жизни. Но ты стал читать молитву, и как будто возник защитный барьер, или как будто ветер вдруг переменялся.

— Да? — лицо его вдруг просияло, глаза засверкали от волнения. Внезапная эйфория наполнила его жаждой жизни. — Ты понимаешь, дорогая, что это значит? У меня есть сила! Моя вера вернулась ко мне в виду грозного противника. Она еще недостаточно крепка, но теперь я знаю, что могу бороться. Теперь, с Божьей помощью и твоей поддержкой, я способен победить и изгнать демона, который поселился здесь.

— О, Саймон, это чудесно! — она бросилась ему на шею и расцеловала его. — Я всегда знала, что ты не утратил веру. Но все равно мне страшно... — добавила она, отстраняясь.

— Мне тоже. — Он вел ее сквозь толпу, от киосков с сувенирами к кафе. — Борьба будет нелегкой. Даже и теперь я могу потерпеть поражение. Но видит Бог, я буду стараться изо всех сил.

— Саймон! — она вдруг потянула его за рукав. — Вон там, за столиком в углу — это не?..

— Наша юная красотка — гид “шахтерского трамвайчика”! — ликующе воскликнул Саймон. — Пошли скорей, не будем терять ни секунды.

Девушка удивленно вскинула глаза, когда Саймон с Андреа уселись за ее столик. Она старалась припомнить их едва знакомые лица, и не знала, заговорить с ними или нет.

— Привет! — сказал Саймон с улыбкой. — Вчера мы вместе ехали в трамвайчике.

— В самом деле, — девушка улыбнулась в ответ. — Я сообразила, что где-то вас уже видела, но не могла вспомнить, где.

— Меня зовут Саймон. А это Андреа.

— А меня зовут Фрэнсис... Фрэнсис Майетт. Я учусь в университете, а тут подрабатываю на каникулах. Сегодня у меня выходной, а так как машины у меня нет, я не могу никуда усхать. Вот и околачиваюсь тут.

— Фрэнсис, — Саймон с самым приветливым выражением лица понизил голос, чтобы их не слышали за соседними столиками. — Что это такое происходило вчера внизу?

— Вы вместе в виду... те самые звуки?

— Ну да. Это же не был ветер, как вы сказали — предположение явно неубедительное. Поймите, я ни в чем вас не упрекаю, вы старались как-то успокоить людей.

— О-о! — Фрэнсис нервно облизала губы. — Так вы мне не поверили?

— Конечно же, нет. А сегодня мы снова слышали эти звуки во время глубокого спуска. Когда я спросил о них гида, он только разозлился.

— Не хочу показаться бесцеремонной... — девушка взглянула на свои пальцы, бесцельно вертевшие пластмассовую ложечку. — Но вы, случайно, не священник?

— Да, священник, — Саймон не мог скрыть удивления. — Но при чем здесь это?

— А при том, что в двух предыдущих случаях, когда в шахте раздавались эти звуки и становилось очень холодно, в группе оказывался священник. В первый раз это был пастор-методист, и он так перепугался, что я думала, с ним случится обморок или сердечный приступ. Во второй раз — каноник англиканской церкви; он сказал, что обо всем напишет владельцам шахты. Больше я о нем не слышала, но боюсь, ему досталось на орехи, если он все-таки послал письмо.

— Потому что они хотят что-то скрыть?

— Я бы не решилась так утверждать. Но вся атмосфера там, внизу, нехорошая, и если распространятся слухи, большинство посетителей отправится в Лъечьюйд. Однажды я съездила туда в выходной, там ничего подобного нет. Откровенно говоря, мне больше не хочется спускаться в Кумгилью. С меня хватает и трамвайного маршрута, а уж на глубокий спуск я бы не согласилась и за двойную оплату.

— Но хоть кто-то что-нибудь говорит? Вы, гиды, обсуждаете это между собой?

— Да, конечно, но толком никто ничего не знает. Были случаи, когда там становилось жутко холодно и лампы тускнели, а один раз заглох двигатель и мы не могли отправить поезд. Потом он вдруг ни с того ни с сего снова заработал. Механики смотрели и не нашли никаких неисправностей. Бывает и так, что восковые фигуры перемещаются с места на место, как будто ночью там забавлялись хулиганы, хотя такое невозможно. Никто не хочет ничего делать: ведь если публика узнает, что здесь что-то не так, она будет обходить пещеры стороной. Все служащие получили строгое указание ничего не говорить, особенно прессе.

Андреа почувствовала озноб, на нее пахнуло холодом подземелий. Еще много ночей подряд ей будут сниться кошмары. Нет! Именно этого нельзя допустить. Саймон говорил, что психическая атака всегда начинается с кошмарных снов. Они должны бороться вместе, в одной команде.

— Ну, а я намерен действовать, — заявил Саймон. — Но сначала мне нужно побольше узнать об этих местах, о связанных с ними легендах — чтобы было от чего отталкиваться. Видите ли, Фрэнсис, я экзорцист.

— О! — ее лицо выразило полный восторг. — Вот, значит, чему мы обязаны вчерашним представлением!

— Несомненно. Я прочел все издания для туристов, но не нашел в них того, что искал. Мне нужно поговорить с кем-нибудь, кто знал Кумгилью в те времена, когда она еще не стала достопримечательностью для туристов. К сожалению, местные жители относятся к приезжим откровенно враждебно, и мне вряд ли удастся вытянуть что-нибудь из нынешнего населения Кумгильи.

— Пожалуй, да, — девушка поджала губы и в раздумье наморщила лобик. — Есть только один человек, который мог бы вам помочь. Если, конечно, захочет.

— Кто же это?

— Его зовут Джо Льюис. Много лет назад он работал на сланцевых шахтах. Говорят, ему уже за девяносто, он впал в старческий маразм. Это грязный старикашка, изо рта у него воняет так, что не подойти и за несколько шагов. Но по вечерам его всегда можно найти в курительной комнате

в “Лагере Карактака”. Иногда он приходит к шахтам, просто торчит у входа и почем зря кроет туристов — мол, это они разрушили весь деревенский быт. Никто на него не обращает внимания, и в конце концов он уползает, словно краб. Но если вам удастся его разговорить... то наверняка узнает от него многое. Ведь на шахтах работали и его отец, и дед.

— Спасибо. Вы нам очень помогли. Кстати, мы с Андреа остановились в том сдвоенном коттедже слева от дороги, сразу за деревней. Его недавно отремонтировали, так что не узнать его невозможно. В любое время, когда вам понадобится...

— Спасибо, — улыбнулась Фрэнсис. — Всегда приятно знать, что... есть к кому заглянуть. Видите ли... Мне здесь очень страшно. Не могу дождаться конца каникул, чтобы поскорей уехать из этого Богом забытого места.

“Оно и есть забытое — покинутое Господом, — подумал Саймон, когда они вышли из кафе и снова окунулись в солнечное тепло. — И мне выпало на долю вернуть сюда Бога”.

Но тут он весь покрылся гусиной кожей, солнце над головой больше не грело его своими лучами, внезапный холод налетел, словно порыв арктического ветра. То же самое ощущение!

— Что с тобой? — Андреа боялась высказать свою догадку.

— Демон подземелья действует, хотя мы далеко от него. Но ведь проку будет мало, если мы вернемся туда сейчас. Прежде я должен найти Джо Льюиса и попытаться разговорить его.

Глава четвертая

Дэвид Уомбурн не любил отдыхать с родителями. В свои пятнадцать лет он бы гораздо охотнее съездил куда-нибудь с одноклассниками. В школьном лагере было вполне сносно, если не считать дисциплины. А уж эти ежегодные семейные поездки к морю — просто тоска зеленая.

“Но мы же не можем оставить тебя совсем одного, — так на прошлой неделе возмущалась мать, — а он уж было понадеялся... — Мы с отцом с ума сойдем от беспокойства, и весь отпуск пойдет насмарку. А твой отец так устает в офисе, ему нужен отдых“.

Игра на чувствах. Не больно-то им и хотелось тащить его с собой, подумал Дэвид, но надо же присмотреть за ребеночком. Если он останется дома, то позовет в гости Элейн, а для его сверхбдительных стариков это может означать только одно. И тут они попали в точку, — Дэвид усмехнулся про себя. У родителей Элейн тоже розовые очки на глазах: небось, внушили себе, что их дочь в семнадцать лет еще девочка и ничего такого ей даже в голову не придет. А ведь она-то ему и показала, что к чему. Сколько дней она упорно боролась за то, чтобы у него не кончалось все слишком рано, — пока наконец он не научился давать ей то, чего желало ее тело. И этого он лишился, поехав с папочкой и мамочкой в Уэльс. Назад в спальный мешок — к обычным одиноким развлечениям пай-мальчика: главное не забываться, чтобы скрип раскладушки не услышали на приставных койках трейлера.

Больше всего беспокоило то, чем может заняться Элейн в его отсутствие. В конце концов, Дэвида она соблазнила, когда Джеф Тернер уехал за неделю. А вернувшись, обнаружил, что ему дали отставку. С Дэвидом она вполне может обойтись точно так же. Но тут уж от него ничего не зависело.

Другая обида: родители вдребезги разбили его прошлогоднюю мечту — поехать на каникулах лазить по пещерам. Уолли Дьюрант с двумя друзьями собрался в Девоншир и звал Дэвида с собой. “Там настоящий затерянный мир, — уверял Уолли, — стоит раз туда попасть, потом тебя и за уши оттуда не вытащишь, — как нас“.

— Ни за что на свете! — Если мать не успевала что-то запретить, в дело вступал отец, как будто они сговорились разрушать любые планы Дэвида, где был хоть намек на приключение. — Неужели тебе охота ползать на карачках под землей? Это и опасно, и наверняка вредно для здоровья. Ты подхватишь ревматизм и будешь всю жизнь мучиться. Тогда вспомнишь и пожалеешь, что не послушал нас. Там можно заблудиться, или упасть и сломать ногу.

С пещерами было покончено. Езжай с нами в отпуск: будет совершенно безопасно — и смертельно скучно.

Так что Дэвид не особенно обрадовался поездке на сланцевые шахты Кумгильи. Но она хоть как-то разнообразила пляжное существование. Он тихонько заржал, когда молоденькая кассирша “Путешествия в бездну” вежливо заметила отцу: “вашему сыну не полагается билет за полцены, ему больше пятнадцати, сэр”. Что верно, то верно: рост у него сто восемьдесят три и вес за восемьдесят кг — смешно вспоминать про пятнадцать лет, пока не кончатся каникулы. А в будущем году он всем покажет!

В очереди пришлось простоять почти два часа. Дэвид не возражал: это убивало время, приближая конец отпускной недели. Скорей бы суббота! Он не мог удержаться от мыслей об Элейн и очень скоро завелся. Смущало только, что кто-нибудь заметит, как топорщатся его джинсы. Жуть что будет, если мать увидит этот “тонкий намек”! Но до нее, небось, вообще не дойдет.

Шлем выглядел смехотворно на макушке у Дэвида, — но и наполовину не так глупо, как на матери: той приходилось все время его приподнимать, чтобы не сползал на глаза. А на отце шлем сидел, как котелок. Сегодня Дэвид хоть чем-то позабавился в отместку за свои страдания.

Опускаясь в шахту, он вспоминал свои безумные мечты о поездке в Девоншир. Там, конечно, все не так, как тут: туда отвезут, обратно привезут, и долбаный гид следит, чтобы ты, не дай Бог, не потерялся. Все как сговорились портить ему жизнь. Нет, если хочешь чего добиться, полагайся только на себя.

И даже при таком модерновом надувательстве кое-кто умудрялся наложить в штаны со страху. Вон как те, что выгрузились из фуникулсера до них. Белые как бумага и трясутся — видно, не сообразили, что в пещерах погода не для загара. Бородатый мужик выговаривает гиду, оба шушукаются и всех задерживают. Небось, что-нибудь вроде: “вы были обязаны предупредить клиентов, что под землей темно и холодно”.

Они высадились на платформе и ждали, пока все соберутся идти дальше. Дэвид презрительно усмехнулся. Точь-в-точь метро у них дома: и просторно, и светло. Тут он заметил боковой ход из туннеля, загороженный помятой

проволочной сеткой. Вот это уже по-настоящему интересно! В такое место он бы обязательно забрался с Уолли и его приятелями. Всего-то и дел — перешагнуть сетку, пока никто не видит, и перед ним откроется неизведанный мир. Когда хватятся, будет уже поздно. Ударятся в панику — ну и что? Любой нормальный человек может сам выбрать-ся наверх по шахте фуникулера, и никто ему не мешает. Классная идея. Дэвид сосредоточенно выжидал подходящий случай. Может, и удастся самому устроить себе развлечение, которое у него отняли.

Пока звучала магнитофонная запись, он слонялся в стороне, пиная обломки сланца, а один большой камень так отфутболил в темноту, что тот гулко ударился в стену пещеры. Все аж подскочили, мать неодобрительно оглянулась. Дэвид только ухмылялся: он стоял в тени и вряд ли его заметили.

По пути в следующую пещеру он уже все обдумал и решил. Замедлив шаг, он отстал от процессии: его привлек еще один широкий лаз в штольню. Здесь тоже была сетка, такая искореженная и перекрученная, как будто туда уже кто-то продирался, и не раз. Никто его не видел. Дэвид перемахнул через загородку и очутился в мире, где не существовало ни фонарей, ни настырного гида, а главное, родителей с их вечным ворчанием и придирами.

Он постоял, прислонившись к грубо вытесанной стене и прислушиваясь. Голоса замирали, удалялись; почудилось, что он слышит мать, но видно, ошибся: ее резкий гнусавый голос, однажды запечатлевшись в мозгу, застревал там навсегда.

Вдруг он опомнился — надо же было взять фонарь! Но тут же обрадовался: фонарь был в заднем кармане джинсов — маленький, в виде шариковой ручки с зажимом. Не ахти снаряжение для такого дела, какое он задумал, но хотя бы видно, куда идти.

Он взглянул в последний раз на тусклое оранжевое сияние, сочившееся с основной туристской трассы, и зашагал в противоположную сторону, в глубь горы, давясь смехом: вот здорово, забава что надо!

Дэвид шел медленно, кровля нависала все ниже, так что приходилось нагибаться. Иногда сланцевые выступы царапали шлем; местами сталактиты и сталагмиты были так

остры, что могли поранить. Потом свод ушел вверх, идти стало совсем удобно.

Через некоторое время он вышел на развилку, просторный ход поворачивал направо, более узкий — налево. Он посмотрел на часы, чтобы определить, далеко ли ушел. Стоят, черт возьми! Он потряс их, постучал о ладонь, снова поднес к уху — тишина. Что за хреновина, эта штука еще ни разу его не подводила, а тут как назло! Ну, неважно: скорей всего, шел он не дольше получаса, значит, одолел примерно четверть мили, а то и меньше, так как шагал медленно. Надо пройти еще немного, скажем, полчаса. Запомнить все повороты — и вернуться, все просто, как два пальца обмочить.

Фонарик стал тускнеть, он бросал желтый кружок света всего на два-три шага вперед. Одна морока с этими вшивыми игрушками для педиков! Становилось все холодней, как положено в таких местах. С кровли непрерывно капала вода, Дэвид дергался всякий раз, когда на него шлепалась ледяная капля. Он вспомнил китайскую пытку водой: не знаешь, когда упадет тебе на темя следующая капля, и все время ждешь. Не стоит об этом думать, а то можно совсем раскиснуть.

Проход расширялся, наконец Дэвид вошел в пещеру. Ее размеры трудно было определить, но луч фонарика не проникал в темноту до конца. Дэвид закашлялся. Глухое эхо, казалось, нарастало, пока не замерло вдалеке. Он обрадовался, что пещера, должно быть, большая. Услышав скользящий шорох, быстро обернулся и направил фонарик на звук. Его кашель сдвинул осыпь сланцевой крошки, не больше пригоршни. Дэвид нервно облизал губы. Обвал мог быть гораздо больше — жуть! Наверно, это место загородили не потому, что оно не интересно для туристов, а потому что тут о п а с н о .

Он сделал еще пару шагов, светя себе под ноги. Внезапно серо-голубой блеск влажного сланца сменился густой чернотой. Снизу потянуло противной затхлостью стоячей воды, как будто он стоял на берегу мертвой, отравленной реки. И тут Дэвид понял, что стоит на краю пропасти!

Он поспешно отодвинулся на несколько шагов, нагнулся за обломком сланца и бросил его во тьму. Тишина. Раз... два... три... — лишь на счете “шесть” глухой всплеск мед-

ленно всплыл, подхваченный эхом, и растаял в пустоте. А слева снова прошуршала осыпь, больше прежней.

Наспех сделанный в уме подсчет ошеломил. Камень величиной примерно с теннисный мячик падал со скоростью десять футов в секунду. Высота шестиэтажного дома! Боже милостивый, а еще вода внизу! Живот свело. Дэвид хорошо плавал, в школе он был первым на пятидесятиметровке, но при мысли о том, что ждало его внизу, внутренности стало выворачивать. Кромешный мрак, угольно-черная ледяная вода, он медленно погружается в бездонную глубину, теряя надежду когда-нибудь вынырнуть. Потом всплывает, жадно заглатывая холодный воздух, стоя удерживается в воде и плывет в сторону. И натывается на гладкую отвесную стену: не зацепиться ни рукой, ни ногой. Будет плавать по кругу, отчаянно царапая мокрый, скользкий камень, срывая ногти, чувствуя, как немеет тело от холода... вот уже первая судорога простреливает болью. И поймет неизбежное: он останется здесь навсегда. Долгие месяцы труп будет болтаться в этом озере, подобном мифическому Стиксу, и медленно гнить. Скелет останется как прекрасный образчик жителя двадцатого века, когда его найдут через тысячи лет.

Теперь Дэвиду сделалось по-настоящему страшно, он решил возвращаться — пройти обратно до главного туннеля, присоединиться к экскурсии и выбраться на белый свет. Он прикинул, что пробыл здесь не больше часа.

Фонарик уже горел не ярче, чем те свечи, с которыми работали шахтеры в старину. Дэвид светил себе под ноги, а поднятой рукой страховался от внезапного удара о потолок. Век будет помнить адскую пропасть, куда запросто мог загреметь! Но здесь уже нет провалов, все остались позади. Держась прямо по курсу, он выйдет в нужное место.

Мелькнула тревожная мысль. Он до сих пор не дошел до развилки, хотя она должна быть где-то поблизости. Или миновал ее, не заметив второго коридора, и теперь шел по большому рукаву? Тогда это не страшно.

Он опустился на четвереньки, вспомнив о резком снижении кровли в полусотне шагов от загороженного входа. Но кровля оставалась вверху — выше, чем мог достать слабеющий луч фонарика, стены были далеко, выработка

казалось, становится все просторней. И всюду мерно падали капли, пугая и дразня.

И наступил безумный миг, когда сбылись худшие страхи. Спасительный свет стал уже таким слабым, что приходилось пробираться ползком, держа фонарик на фут от неровного пола. В нескольких дюймах от Дэвида серо-голубой цвет сменился чернотой. Он чуть не полетел вниз головой с обрыва!

Сдавленный вздох вырвался из пересохшего горла, от испуга Дэвид не смог даже выругаться. Скорчившись, он пополз обратно; первой мыслью было, что он каким-то образом снова очутился в большой пещере — может быть, свернул не в тот коридор и сделал круг. Нет, не может быть: сейчас он вообще не в пещере — этот проход сразу обрывался в ужасную пропасть.

Он нащупал увесистый камень, швырнул в темноту и, напрягая помутившийся рассудок, стал считать: пять, шесть... десять... пятнадцать... двадцать. Слабый, почти неразличимый всплеск — слишком далекий, чтобы вызвать эхо. Небоскреб в сорок этажей! Этот провал доходил до следующего уровня шахты, а то и глубже.

Дэвид Уомбурн прижался к полу; каждая жилка в нем трепетала, словно бабочка за стеклом в ловушке теплицы. Отчаяние подавляло волю к борьбе. Фонарик едва светился, батарейки могло хватить от силы минут на десять. Подросток тихо заплакал; всхлипывания, казалось, разрастались в череду стенаний, опускались в дьявольский пролом и оттуда всплывали эхом. Шепот, стоны и такой холод кругом — с каждой секундой все холодней.

Голоса. Издеваются над ним. Вот мать. Куда бы он ни пошел, в самом отчаянном положении ему никуда не деться от ее плаксивых причитаний. На этот раз она повторяла слова отца: “Неужели ты хочешь ползать под землей! Там можно заблудиться, ты упадешь и сломаешь ногу”.

Он отодвинулся от пропасти и выключил фонарик: все равно батарейка вот-вот сядет, надо сохранить то, что осталось. Придется ползти назад, другого пути нет.

Тьма кромешная. Непрерывная капель, она будет длиться тысячелетия. Всклипы, несмолкающее эхо.

Теперь он услышал Элейн: “Думаешь, мне нужен малолетка вроде тебя, Дэви? Впрочем, ты свое дело сделал —

дал мне то, что надо, когда мне хотелось. Теперь Джеф опять со мной. Вот будет забавно, если я от него забеременею, а? Тогда ему придется жениться. Может, я его специально заловлю. Могла бы тебя заловить, если б захотела. Но что толку?“

Дэвид схватился за голову, пытаясь заглушить голоса. Это удалось ему с большим трудом. И тут он снова услышал плач и стоны, уже громче и ближе. Это не могло быть эхо. Тут был еще кто-то. Дети, судя по голосам. Он почувствовал внезапный прилив надежды. Он уже не один. Только бы их найти, тогда они будут вместе сидеть и ждать, пока за ними придут.

Он закричал: “Эй, вы слышите? Я тут!“

“Я тут... тут... тут...“

Он озираясь кругом — всюду темнота. Зажег фонарик; показалось, ближайшие тени отпрянули, как от огня.

“Ту... ту... тут!“ — всхлипы перешли почти в визг. Голоса раздавались отовсюду, в их хоре выделялось нытье матери: “Дэвид, ты еще мал лазить по пещерам. Ты заблудишься, упадешь и сломаешь ногу. И вообще, под землей темно и холодно, тебе не понравится“.

Понравится, еще как. Нет, не нравится. Мне холодно и страшно. Я заблудился. Без фонарика можно упасть и сломать ногу, или...

Что-то уж слишком холодно. Стенания стали глуше и превратились в тихий далекий плач. Не уходите. Вернитесь, вы мне нужны. Все будет хорошо, нас скоро спасут, вот увидите. Тишина, только капли падают.

И Дэвид Уомбурн почувствовал, что он уже не один. Ни движения, ни звука, только мурашки по телу: он понял, что рядом в темноте кто-то есть.

Он нажал кнопку фонарика — ни искорки света. Потряс его, постучал. Неожиданно фонарик словно сам выскользнул из пальцев и покатился. Потом долгая тишина и тихий всплеск. Он докатился до обрыва и упал в эту страшную пропасть!

— Кто там? — пискнул Дэвид дрожащим от страха голосом и замер в ожидании ответа. Не откликнулось и эхо; даже капель, казалось, затихла. Он не знал, сколько это длилось: секунды, минуты или часы.

И тогда услышал приближение этого: не из штольни, а... из пропасти! Тяжелое сопение, будто оно запыхалось, карабкаясь по скалам; шорох тела по камням. Так медленно, с таким упорством.

Дэвид вскочил в смертельном страхе и сломя голову бросился бежать по штольне. Он задевал за низкую кровлю, не замечая ударов, смягченных шлемом. Пару раз упал, обдирая колени, разрывая в клочья джинсы. Он спасался бегством, не разбирая пути, лишь бы уйти от неведомой твари, преследовавшей его, как горноста́й кролика.

Кровля уже не позволяла выпрямиться. В конце концов он встал на четвереньки и пополз, словно краб, волоча ноги, совсем обезумев от ужаса. Он знал: преследователь продолжает охоту. Непонятно, почему в темноте его до сих пор не схватили. Похоже, хотели загнать куда-то, подобно тому, как опытный пастуший пес возвращает в стадо отбившуюся овцу.

Снова голос матери: “Я же говорила, ты можешь упасть и сломать ногу”. Поздно. На этот раз он не мог увидеть пропасть, лишь почувствовал, как пол под ним исчезает. Он летел так медленно, словно за спиной раскрылся парашют и, гася скорость, продлевал агонию.

Тишина была прервана: не оттого, что отчаянные вопли, плач и стоны зазвучали вновь, — скорее, это он пересек в падении невидимую черту, удерживавшую голоса на дне черного провала. Они все приближались, раздирая слух: “Мы здесь. Иди к нам на вечные муки!”

Он падал, как в ледяной погреб: порывы ветра хлестали, обжигая кожу, швыряя тело из стороны в сторону. Дэвид вспомнил про воду и еще успел подумать, сколько времени понадобится, чтобы утонуть. Но если внизу люди — там не может быть воды...

Удара он не почувствовал: видно, потерял сознание. А когда стал приходить в себя, обнаружил, что лежит на острых обломках сланца. Он попытался встать, но не смог двинуться. Наверняка все кости переломаны, но боли не было, тело словно онемело. Возможно, он ослеп, но не мог проверить догадку.

Вопли стихли, но Дэвид догадывался, что они здесь, притаились в темноте, наверно, боятся подойти. Он хотел позвать на помощь, крикнуть: “Не бойтесь, нас скоро най-

дут“, — но слова застряли в горле, он не мог даже беззвучно пошевелить губами. Господи, ну пусть скажут хоть что-нибудь, дадут знать о себе...

Тогда откуда-то издали донесся жестокий смех, от которого застыла кровь в жилах. Дэвид задрожал и зарылся лицом в сланец; зазубренные осколки кололи глаза. Долго раскатывался безжалостный хохот, пока наконец не замер. Навалилась ужасная тишина.

И Дэвид Уомбурн понял тайну катакомб Кумгильи. Он лежал, не в силах шевельнуться, и чувствовал их присутствие — ледяное, как окружающий воздух. Незримые силы затаились и ждали его смерти.

Глава пятая

Саймон Рэнкин отправился в трактир “Лагерь Карактака“, уговорив Андреа оставаться дома.

— Я вернусь еще засветло. Ты же знаешь этих чудаковатых стариков. Джо Льюис наверняка предпочтет мужской разговор без свидетелей. Он, надо думать, недолюбливает всех, кто моложе его, и разговорить его все равно будет нелегко.

— Будь по-твоему, — Андреа была явно разочарована. Она любила непринужденную атмосферу сельских пивных, но пришлось согласиться с доводами Саймона.

Даже в такой приятный вечер деревенская улица была безлюдна. Закатное солнце обливало расплавленным золотом ряды серых домов, отражаясь в пыльных окнах. Опустились даже скамейки у цоколя воинского мемориала на булыжной площади. Жители Кумгильи попрятались за стенами своих мрачных жилищ, растравляя горькую память.

“Лагерь Карактака“, каменный барак с облезлой вывеской “Торговля со скидкой“, выглядел вполне в духе шахтерской старины. Саймон постоял у входа; изнутри доносился гул мужских голосов и звяканье стаканов.

Дверь шаркнула по стертому линолеуму, в носшибануло прокисшим пивом. За столиками в просторном зале сидело около дюжины мужчин; в дальнем углу играли в карты и в домино. Головы в кепках и фетровых шляпах повернулись к Саймону, враждебные взгляды скрестились на на-

рушители старческого уюта. Мертвенно-бледные лица в морщинах, из почерневших обкусанных трубок кольцами вьется едкий дым. Саймон очутился в викторианской эпохе бедности и лишений. В глазах защипало — воздух здесь был явно не для него. Он огляделся и кашлянул.

— Слушаю, — трактирщик вызывающе посмотрел на него, опершись на стойку бара. У него была тяжелая челюсть и редеющие русые волосы, но прежде всего бросались в глаза черные кустистые брови вразлет, похожие на крылья коршуна. Да, хозяин шахтерской пивной не очень-то жаловал новых людей.

— Пинту легкого, пожалуйста, — Рэнкина не смутила откровенная враждебность.

— Бочкового нет. Только в бутылках.

— Тогда бутылку.

Спиной он чувствовал впившиеся в него взгляды. Очевидно, сюда не заходили туристы, и стариков можно было понять.

Разговоры смолкли. Люди следили за каждым его движением, молча негодуя против вторжения на их территорию. Они хотели, чтобы чужак повернулся и ушел.

— Спасибо, — он взял стакан, но трактирщик демонстративно отвернулся. Саймон почувствовал неловкость, как ведущий актер на премьере, забывший реплику, и в поисках нужных слов обернулся к публике. Лица завсегдаев ничего не выражали.

— Добрый вечер, джентльмены. — Надо было сказать хоть что-то, чтобы не растеряться вконец под их молчаливым напором.

Ни слова в ответ. Смотрели молча, не отрываясь. Он подумал, нет ли среди них Джо Льюиса... Фрэнсис говорила, что старый шахтер обычно сидит в курительной.

— Мне нужен мистер Джо Льюис, — Саймон инстинктивно напрягся, ожидая реакции.

Их глаза сузились. Карты были забыты, фишки домино брошены на стол. Старики обменялись взглядами. Потом снова наступила тишина, враждебные взгляды уперлись в дерзкого незнакомца.

— Хозяин, вы, верно, можете помочь? — Саймон Рэнкин держался решительно, с подчеркнутой невозмутимостью. — Мне сказали, мистер Льюис бывает у вас почти каждый вечер.

— Вам так сказали? — выговор трактирщика определенно не был валлийским. Значит, в этот замкнутый мирок каким-то образом сумел пробраться чужак. Конечно, у трактирщика была фора: он торговал пивом и табаком. — Вы его найдете в курительной, — и он снова отвернулся.

— Спасибо. — Священник ощущал их взгляды, идя со стаканом в руке через всю комнату. Дверь захлопнулась за спиной.

В тесной курительной сидел всего один человек — тщедушный старикашка в длинном синем макинтоше, невзирая на жару. Как и другие, он был бледен, словно покойник, но еще сильнее сморщен, в складки кожи за долгие годы въелась несмываемая грязь. Драная кепка надвинута так низко, что, казалось, лишь оттопыренные уши не дают ей сползти на глаза. Он окинул Саймона пронзительным взглядом водянисто-голубых глаз и задиристо выпятил подбородок.

— Мистер Джо Льюис?

Тот поднял кружку, отпил большой глоток и поставил на стол. На безгубый рот налипла пена.

— Угу.

— Можно к вам присоединиться? — Не дожидаясь ответа, Саймон присел за столик. Похоже, будет нелегко. Его собеседник был очень стар и явно не привык к разговорам, раз сторонился даже пожилых односельчан. Его нужно как-то привлечь на свою сторону, иначе он не захочет помогать. Если захочет вообще...

— Стало быть, разрушили шиферное дело... — такое начало было ничем не хуже любого другого.

— Угу, — долгая пауза, потом старик быстро заморгал.

— Вот бы поглядеть, как было в старину.

Саймон ожидал нового "угу", но вместо этого неожиданно услышал: "Вам бы не понравилось работать внизу".

— Возможно, — первый шаг был сделан. — Но туризм отнял у людей кусок хлеба.

— Ага, — лицо Льюиса подобралось, глаза остекленели. Он возвращался в прошлое, ожили все воспоминания, и приятные, и горькие. — Загубили наши шахты. Они затоплены на две трети. Прошлых дел уж не вернуть.

— Вы сами там работали, мистер Льюис?

— Ага. — Этого-то вопроса старик и ждал. — Работал бы и нынче, кабы не придумки молодого Мэтисона.

— Ясное дело. Скажите, мистер Льюис, эти шахты на самом деле... мертвы?

— Они никогда не заработают.

— Наверное, вы правы. Но я не то имел в виду. Вот сегодня утром я совершил глубокий спуск, и это было очень... тревожно. Погас свет, слышались странные звуки — как бы человеческие голоса.

Джо Льюис со стуком отодвинул кружку, пролив пиво. Он весь напрягся, точно окаменел, с глаз сошла старческая муть — они сверкали, как синеватые осколки сланца, безостановочно моргая.

— Вам внизу не место, мистер. — Голос, полный сдерживаемой злобы, звучал так, будто старик сбросил с плеч годы. — Нечего вынюхивать по кумгильским шахтам!

— Я священник.

— Да плевать мне, будь вы хоть сам Господь Бог. Бог забросил шахты и тех, кто на них работал. Уступил дорогу им!

— Кому — им?

— Не суйте нос не в свое дело, мистер. Вы влезаете в дела, которые лучше не ворошить. — Джо Льюис поднялся на ноги и схватил свою палку, прислоненную к спинке скамьи. — До добра это не доведет. И мне оно ни к чему.

Саймон Рэнкин тоже встал. В таком настроении Льюис ничего не расскажет. Последняя отчаянная попытка:

— Я нуждаюсь в вашей помощи, мистер Льюис.

— Не видать вам ее, как своих ушей! — старый шахтер обернулся с порога, грозя палкой. — Но могу дать вам один совет. Держитесь подальше от шахт Кумгильи. Там еще не кончили умирать люди.

Джо Льюис заковылял по улице, сердито стуча палкой по плитам тротуара. Удары гулко разносились в тихом вечернем воздухе. Саймон вышел за ним и долго смотрел вслед, задумчиво кивая головой. Так близко — и ни шагу вперед. Но старик все же подтвердил, что в пещерах таится смерть: нечто столь ужасное, что он боялся говорить о нем. И вся деревня боится того же.

Саймон раздумывал, идти ли ему прямо к Андреа, как вдруг услышал где-то у шахт вой полицейской сирены. И

сразу вспомнил слова старого Джо Льюиса: люди там еще не перестали умирать.

Саймон не сомневался, что на шахтах случилось несчастье. Первым его побуждением было бежать туда, но в таком случае Андреа осталась бы одна, а этого он опасался даже при свете дня. Психические атаки случаются не только по ночам.

Через четверть часа ему полегчало: Андреа сидела в садике с журналом на коленях, делая вид, что читает.

— Ну? — все ее напряжение выразилось в этом возгласе.

— Похвалиться нечем. — Он вкратце рассказал о встрече с Джо Льюисом. — Это лишний раз доказывает, что там, как я и подозревал, творится некое действо, вокруг которого все вращается. Если бы я смог убедить старика поделиться тем, что он знает! Но боюсь, таковы обычаи всей Кумгильи. Только что к шахтам проехала полицейская машина с включенной сиреной, а может, скорая помощь.

— Почему же ты не пошел узнать?

— Не хотел надолго оставлять тебя одну.

— Тогда пойдем вместе, я только жакет надену.

Через двадцать минут они были у входа в шахты. Подъездная дорога была перекрыта полосатым барьером, пропускали только официальных лиц. Полисмен в мундире следил, чтобы никто из собравшихся зевак не проник за ограждение.

— Так и есть, что-то случилось.

— Вы что, не знаете? — обернулась на слова Саймона толстуха из толпы, по виду заядлая сплетница.

— Да нет, мы просто шли мимо.

— В пещерах потерялся мальчик. Спустился с группой и не вернулся. Говорят, мать в истерике.

Рэнкин повернулся и дал Андреа знак следовать за ним. Они подошли к барьеру, и полисмен шагнул вперед.

— Прошу прощения, сэр, сюда нельзя.

— Я священник.

— Ну, не знаю... — полисмен замаялся. — Я не о вашем сани — не знаю, можно ли вас пропустить.

— Я мог бы оказать помощь, дать духовное утешение родителям мальчика... — Он злоупотреблял положением, но приходилось использовать все возможности.

— Думаю, не будет ничего плохого... Ладно, пройдите в вестибюль, но дальше не стоит.

Они быстро прошли за ограду. В закрытых помещениях было тихо. Служащие в форме стояли группками, переговариваясь вполголоса. Они напоминали похоронную процессию в ожидании начала церемонии.

— Вот Фрэнсис! — Андреа махнула рукой. У дверей машинного отделения девушка-гид разговаривала с двумя мужчинами. Увидев знакомых, она бросилась навстречу.

— Саймон, Андреа! Я не знала, пустят ли вас. Ужасное несчастье! Мальчик пятнадцати лет остался в пещерах. Он поехал на экскурсию сразу после вас. Его ищут.

— Молю Господа, чтобы его нашли... живым, — Саймон Рэнкин перекрестился.

— Вам удалось найти Джо Льюиса?

— Да, но толку от него я не добился. Он что-то бормотал о смерти в шахтах и предупредил, чтобы я туда не спускался и не совался в дела, в которых ничего не смыслю. Ясно, что когда-то там случилось несчастье, какая-то страшная катастрофа. Но это мне поможет только в том случае, если буду точно знать. Думаю, после сегодняшнего несчастья им уже не удастся замять дело.

— Но они будут стараться, — Фрэнсис скорчила гримаску. — Если честно, меня тянет немедленно уволиться. Я с ужасом думаю о том, что предстоит завтра. Десяток “трамваев”, и все время буду бояться... Глядите, фуникулер поднимается!

В двадцати шагах от них из зияющего отверстия выползли четыре кабинки, люди на платформе бросились навстречу. Женщину средних лет поддерживал мужчина, очевидно, муж. Вышедшие из фуникулера качали головами: мальчика не нашли. Женщина зашлась рыданиями.

— Вон мистер Мэтисон, — показала Фрэнсис. Мужчина в белом полотняном пиджаке, с жестким лицом, бросил шлем в ящик. — Я уверена, он спускался только затем, чтобы отработать свою версию оправдания и прикрыть дело. Представляю этот текст: “Все опасные проходы загорожены. Мы не можем нести ответственность за тех, кто

по глупости лезет через сетку“. И увидите, он отмажется! Его волнует только огласка, а не судьба мальчика.

— Единственный выход — изгнать беса. — Саймон Рэнкин мрачнел на глазах. — Думаю, завтра мне придется серьезно поговорить с мистером Мэтисоном. С его разрешения, или без такового — экзорцизм должен быть совершен.

— Он вам не разрешит, — уверенно заявила Фрэнсис.

— Если бы это сделать раньше, мальчик был бы жив. Силы зла схватили его в отместку. Со мной не вышло, и они нашли другую жертву. Опасность растет с каждым часом. Много лет они дремали, но сейчас пробудились, и гибель подстерегает каждого, кто спустится в шахты.

Конторой Артуру Мэтисону служило строение вроде барака, примыкавшее к отреставрированному шиферному заводу. Владелец Кумгильи бывал наездами в этом неопрятном помещении с грубо сколоченным столом, заваленным бумагами. Все остальное время оно было заперто, и повседневная канцелярская работа велась в помещениях для приема туристов.

Несмотря на ранний час, в деревянном сарае было жарко и душно: крыша из рифленой жести раскалялась от первых же лучей солнца.

Раздражение Мэтисона росло вместе с духотой. Со вчерашнего вечера его преследовала полиция, журналисты, истерические наскоки отца проклятого мальчишки. Он даже отключил телефон, чтобы не беспокоили звонками. А теперь, когда глубокий спуск пришлось закрыть на целый день, чтобы продолжать поиски Дэвида Уомбурна, надо отбиваться еще и от настырного попики, чтоб он сдох!

— Постарайтесь покороче, — Мэтисон не поднял головы, делая вид, что разбирает стопку писем. — Мое время дорого стоит.

— Время не ждет, мистер Мэтисон, и я постараюсь коротко объяснить, что происходит в ваших сланцевых пещерах.

— Вы говорите загадками, — Мэтисон вытащил из стопки лист бумаги, изобразив, что внимательно изучает его содержание. — Гм... так вы, значит, тот самый человек,

который во весь голос читал молитвы во время глубокого спуска. Мне об этом рассказали. Больше не вздумайте так делать, это действует на нервы другим экскурсантам.

— Послушайте, мистер Мэтисон, — Рэнкин чувствовал, что теряет терпение, — нельзя дольше закрывать глаза на происходящее. Это очень, очень опасно, и если ничего не предпринять, будут новые жертвы.

— Новые жертвы? Никто ведь не погиб. Мальчик просто потерялся, и все говорит за то, что его найдут — перепуганным, но живым и невредимым.

— Живым его не найдут... если найдут вообще! — Саймон побледнел, а на щеках выступили красные пятна.

— Вашими пещерами завладел злой дух, в этом нет сомнений. Я хочу выяснить подробности трагедии, из-за которой там поселилась нечистая сила. Удастся мне получить эти сведения или нет — в любом случае я совершу акт экзорцизма. С вашего разрешения или без него.

— Перестаньте молоть чепуху! — Мэтисон так стукнул кулаком по столу, что разлетелись бумаги и задребезжала подставка для ручек. — Я вам запрещаю! И я позабочусь, чтобы для вас вход в пещеры был закрыт. Кумгилья — частная собственность, и я ее единственный владелец.

— В таком случае мне придется связаться с прессой, — Саймон Рэнкин повернулся к выходу. — Журналисты, несомненно, ухватятся за сенсацию.

— Я на вас в суд подам!

— Обычная угроза в наше время. Но этим вы себе не поможете. Большинство ваших служащих тоже напугано. В самом деле, у вас скоро просто не останется гидов. Может, сами возьметесь проводить экскурсии по шахте?

Артур Мэтисон втянул воздух и медленно выдохнул. Саймон ожидал нового взрыва, но ошибся. Владелец пещер вытер пот со лба, и когда заговорил снова, в его голосе не осталось и звука прежнего раздражения.

— Давайте поговорим как мужчина с женщиной, — он устало вздохнул, — впрочем, все равно я вам ничего не обещаю.

Рэнкин сдерживал торжество: праздновать победу пока рано. Но это был добрый знак.

— Много лет кряду, будучи членом ордена иезуитов, я имел дело с духами. Я совершил множество изгнаний де-

монов, большей частью успешно. — Он старался не думать о Дауэр Мэншен. — Едва я сел на “шахтерский трамвай”, как понял, что внизу находится н е ч т о. Вчера, на глубоком спуске, оно было еще сильнее. Я боролся единственным возможным способом, но оно до сих пор там. Я уверен, мальчика схватили в отместку. Завтра может случиться другое, быть может, еще большее несчастье. Умоляю, мистер Мэтисон, позвольте мне совершить акт экзорцизма! Если я добьюсь успеха, вы сможете спокойно продолжать ваш бизнес.

— А если нет?

— Тогда, боюсь, дело безнадежно и пещеры придется закрыть. Надо будет вам с этим смириться.

Артур Мэтисон глубоко затянулся сигаретой и выпустил дым из ноздрей. Руки у него дрожали.

— А как вы поймете, что добились успеха? Вы это будете знать?

— Разумеется. В случае неудачи я вряд ли останусь в живых. А если и выживу, остаток дней проведу в сумасшедшем доме.

— Хорошо... попытайтесь. Когда вы собираетесь приступить?

— Я должен подготовиться. К вечеру, когда вернутся ваши спасатели. В пещерах я должен быть один.

— А если мальчика найдут, скажем, через час-другой? Я не хочу закрывать пещеры без нужды.

— Это необходимо! Любой, кто туда войдет, рискует жизнью. И своей душой! Скажите, мистер Мэтисон, что произошло здесь много лет назад, какой трагедией все это вызвано?

— Если б я мог вам помочь! — Мэтисон помотал головой.

— Что-то такое стряслось во времена моего деда, и деревенские предпочитают об этом помалкивать. Они меня ненавидят, знаете ли. Естественно, случались аварии, как на любой большой шахте. Кровля рушилась, были неудачные взрывы. Документы не сохранились, если они и были, то давно уничтожены. В Кумгилье еще живет единственный бывший шахтер, старый Джо Льюис. Ему, верно, далеко за девяносто. Иногда он приходит сюда и выкрикивает угрозы, но в сущности, вполне безобиден. Он меня обвиняет в том, что я загубил шиферное дело, но это же

смешно, оно пришло в упадок еще до войны. Вот он наверняка знает, что здесь произошло.

— С ним я уже говорил. Боюсь, из него ничего не вытянуть. Так что придется мне просто обращаться с этим духом, как с весьма сильной нечистью, и попытаться изгнать ее из ваших мест.

— Тогда приходите вечером, — Мэтисон встал из-за стола. Казалось, он готов извиниться за свою вспышку, но он ограничился слабой улыбкой. — Я буду у себя в офисе. Хотите, кто-нибудь пойдет с вами?

— Лучше мне одному. — Несмотря на жару, по спине Саймона пробежал легкий озноб. — Если можно, устройте так, чтобы кто-нибудь из механиков спустил меня на глубокий маршрут и был на месте, чтобы поднять обратно, когда я закончу. Думаю, это все, что мне потребуется.

— Ты действительно готов бороться? — с тревогой спросила Андреа на обратном пути в деревню.

— Готов или нет, я обязан это сделать. По крайней мере, я знаю, что сохранил веру. Тот голос внутри больше не кричит: “Ты не веруешь в Бога!” Конечно, мне хотелось бы больше времени на подготовку, но теперь это невозможно. Опасность такова, что грозит любому входящему в пещеры. Поисковая группа напрасно теряет время, но не стоит говорить им об этом. Остается молить Бога, чтобы хоть они возвратились благополучно.

— Я бы хотела вечером пойти с тобой, — неуверенно предложила Андреа, зная, что он откажет.

— Нет! Больше всего мне поможет, если ты останешься и будешь непрестанно молиться за меня, пока я там.

Волна дурноты нахлынула на Андреа, она даже пошатнулась, но через секунду все прошло. Она вложила влажные холодные пальцы в руку Саймона, надеясь, что он не заметит ее состояния. Ощущение миновало, оставив слабость и страх. Это было “то самое чувство”, как его называл Саймон: предостережение, угроза. И она поняла, что очень скоро произойдет ужасное. Как и опасался Саймон, теперь они принялись за нее!

До самого дома она молчала, истово молясь в душе за спасение их обоих: приближался самый страшный миг в их жизни.

Глава шестая

Четверо мужчин спустились под землю через полчаса после того, как пропажа Дэвида Уомбурна была обнаружена. Людям в очереди на глубокий спуск объявили, что сегодня все экскурсии отменяются. В лихорадочном возбуждении все столпились на платформе фуникулера, поняв, что случилось несчастье.

Кто-то должен был отправиться на поиски мальчика; четверо экскурсоводов, очевидно, подходили для этого как никто другой.

Рон Томас, рослый гид, в чьей группе был пропавший, понимал, что вся ответственность лежит на нем: трое остальных, похоже, сговорились ничего на себя не брать. Уильямс и Ллойд слишком молоды — совсем мальчишки. Им никто не стал бы подчиняться, кроме того, они плохо знали подземелье. Собственно, с закрытыми выработками не был знаком никто: там было опасно, могли обрушиться своды, грозило падение в глубокую пропасть. Эд Портмэн подошел бы лучше всех, подумал Томас, он работает в фирме со дня открытия. Портмэна никто не любил, он был неразговорчив и вечно имел зуб на всех и вся. Сейчас, когда они, сойдя с фуникулера, направлялись по широкому и светлому входному туннелю к первому уровню разработок, Эд шел замыкающим. Оглянувшись на него, можно было двояко истолковать выражение его лошадиного лица: на первый взгляд, безразличность к черной работе. Но если присмотреться, — в нем таился страх.

— Странно, как это ты раньше не заметил, что мальчишка пропал, — проворчал Портмэн.

— А ты сам когда в последний раз пересчитывал свою группу, Эд? — отозвался Томас, и первое эхо подхватило его слова, будто сама пещера предупреждала: “свою... группу... Эд... Эд!”

— У нас не больше шансов найти этого придурка, чем кошку в аду, — гнул свое Портмэн. — Зайдя в любую из этих боковушек, попадаешь в лабиринт, который дырявит всю гору насквозь. По таким сотам целая армия может блуждать неделями. К тому же там отвесные обрывы, глубокие озера, а нижние уровни вообще под водой. Зря мы тратим время.

— Мы обязаны сделать все возможное, хотя бы ради парнишки. Это Мэтисон виноват, выработки надо было замуровать, а не загораживать полосками сетки, через которые любой запросто может перешагнуть.

Уильямс и Ллойд шли молча; чем скорее они выберутся наверх, тем лучше. Втайне они надеялись, что Рон не пощадит их в глубину горы. Если же он так решит, останется только следовать за ним.

— Думаю, придется осмотреть не одну выработку. — Опасения подтвердились: направляющий резко повернул вправо и перелез через искореженную сетку, направляя луч фонаря в темный коридор. Оттуда, казалось, исходила угроза. — Все держитесь за мной.

Дальше пошли медленно, сгибаясь почти вдвое, местами шлемы задевали кровлю. Было чертовски холодно, сланцевые стены сочились влагой. Каждый шаг отдавался бесконечным гулким эхом.

Другие звуки поначалу едва улавливались за скрипом сапог и приглушенными разговорами спасателей. Но понемногу они дошли до людей: вот свежий ветер прошумел в густой листве и завыл над вересковой пустошью. Хотя тут, внизу, не было ни леса, ни вереска. И ветра здесь не было.

— Что это? — Уильямс остановился так внезапно, что Ллойд и Портмэн налетели на него.

— Это опять... те звуки, — прошептал Ллойд, и вновь эхо разнесло его слова: "опять... звуки... опять..."

— Что ж такое, мать твою?

— Не знаю... что-то не то!

"... не то... не то..."

Рон Томас обернулся и увидел в свете фонаря глаза Портмэна. Он облизал губы, собираясь с мыслями. Прошло несколько секунд, прежде чем Рон решился произнести то, что волновало их всех много месяцев.

— Давай, Эд, выкладывай, в чем тут дело. Мы хотим знать, и знаем, что тебе это известно... потому что Джо Льюис тебе рассказал!

Воцарилось молчание. Даже загадочные далекие звуки стихли, будто тоже ждали ответа.

Портмэн попятился, выражение его лица трудно было понять. Он смотрел в сторону с видом предателя, который боится быть подслушанным.

— Ну? — торопили трое тревожным шепотом.
— Я.. не знаю.
— Врешь! — выкрикнул Томас их общий страх.
“Врешь... врешь... врешь!..”

Эд Портмэн дрогнул под тяжестью обвинения, съеживаясь на глазах.

— Не спрашивайте про это... пожалуйста. Не здесь!

— Мы хотим знать!

“... хотим... знать...”

— Не могу!

— Скажи! Мы имеем право знать!

“... право... знать...”

Портмэн беззвучно шевелил губами, выдавливая слова перехваченным горлом, будто его душила незримая железная рука. Товарищи видели это, но не могли расслышать слов в мощных порывах ледяного ветра, донесшего вздохи и стоны из глубин горы. Буря отчаянных воплей обрушилась на них и захлестнула.

Фонари бросали свет во все стороны, рассекая тяжелый, сгустившийся мрак. Белые лучи померкли до желтизны, тени наступали на них. Четверо скорчились под низким сводом; фонари уже еле мерцали.

— Что это? — прокричал Томас в ухо Портмэну. — Что такое, друг, говори, ради Бога!..

— Это... — Портмэн прилагал неистовые усилия, чтобы открыть свою тайну, ему приходилось кричать: — Господи, Джо Льюис не соврал, тут...

Раздался оглушительный грохот, будто гром небесный грянул над головами. Кровля и стены затряслись, раскололась сланцевая твердь, словно давно умершие горняки вновь вырубали кайлами старые жилы. Градом посыпались обломки, ранив лица скорчившихся людей. Эд Портмэн что-то еще кричал, но нельзя было разобрать ни слова, потом голос сорвался в визг.

Наконец все рухнуло, будто кто-то взорвал забытые в стенах заряды пороха. Со свистом взметнулся ураган разящих осколков, закружился удушливый смерч густой пыли.

Сам ад обрушился на них в крошечной тьме.

Рон Томас закашлялся и обнаружил, что может шевелиться. Под ним было что-то мягкое. Ошеломленный, он соображал с трудом. Господи, кровля обвалилась! Пошагивая в темноте, он наткнулся на человеческое тело, он лежал на нем. Невольно отдернул руку и нащупал твердое и округлое, оно покатилося. Фонарь! Но он, конечно, не работает, фонари все вышли из строя. Он надавил кнопку и дернулся: в глаза ударил слепящий свет. Боже милостивый, свет! Но я не хочу ничего этого видеть!

Все же он пересилил себя и посветил вокруг. Пыль, как густая ноябрьская мгла, мешала видеть даже на пару шагов. Его начал бить кашель. Успокоив дыхание и взяв себя в руки, Рон приготовился к худшему. Он остался в живых, это удача. Но в этой чертовой яме — не лучше ли было погибнуть сразу?

Человек, на котором он лежал, был Эд Портмэн. И он, несомненно, был мертв. Быстро осмотрев тело, Томас не обнаружил ран, на запрокинутом лице не было даже ссадин... На нем застыл дикий ужас, рот был разинут в крике, глаза вылезли из орбит. Пальцы впились в шею, так что ногти прорвали кожу. Он походил на удушенника, до последнего дыхания тщетно пытавшегося оторвать от себя душившие его руки. Что-то вышло из мрака в неумолимом стремлении сохранить ужасную тайну Кумгильи — и снова скрылось во тьме.

Тихо всхлипывая, Рон Томас принялся искать двух других. Сквозь завесу пыли он разглядел большую грудку обломков породы, которая наглухо закупорила выработку позади, отрезав ее от главного туннеля. Это была западня, но помраченный страхом рассудок еще не осознал весь ужас случившегося.

Из-под камней торчали две ноги, окровавленные, раздробленные, в изорванных до бедер штанинах. Уильямс или Ллойд?

Что-то зашевелилось за спиной, зашуршали камешки... Кто-то поднимался из-под обвала! Томас захлебнулся воплем, направив туда луч фонаря и увидев окровавленное лицо в лохмотьях кожи, свисающих со щек. Один глаз закрыт или выбит, рот перекошен мучительным стоном. Уильям или Ллойд... или кто-то еще, едва ли человек, понять невозможно.

— Помоги... — искалеченные руки протянулись к нему.

Рон Томас отпрянул, поняв, что это Ллойд. Ни хрена я не хочу тебя трогать! Ллойд выбрался из-под обломков и сел, глядя на него снизу единственным заплывшим кровью глазом. Закашлялся, сплюнул красный сгусток. У него, наверное, были поломаны ребра.

— Что... это... было? — хриплый шепот даже не вызвал эха.

— Кровля обрушилась. Уильямса завалило вон там. Портмэн тоже умер.

Наступило молчание. Завеса пыли, казалось, все сгущалась, обволакивая их.

— Что будем... делать? — просипел Ллойд.

Помирать, подумал Томас. Мы тут похоронены заживо вместе с трупами. А вслух сказал: “Назад дороги нет, так что попробуем идти вперед. Ты сможешь?”

Ллойд мужественно попытался встать — и тут же упал во весь рост, подняв новую тучу пыли, хрипя и отплевываясь кровью. Жаль, подумал Томас, но тут каждый за себя. Придется его оставить и самому идти вперед. Бог его знает, куда он дойдет. Но все лучше, чем оставаться и ждать смерти.

— Послушай, — он пытался убедить, — нам повезло, мы остались живы, но ты не можешь идти. Я пойду вперед по этой выработке, попытаюсь найти дорогу к главному туннелю. Позову подмогу и вернусь за тобой.

— Не бросай меня! — отчаянно крикнул Ллойд, снова попытался встать и бессильно плюхнулся на камни. Но Рон Томас уже не слушал мольбы и стоны. Нельзя было терять время. Больше всего он боялся, что фонарь опять погаснет. Если это случится, он просто спятит в темноте.

Он рванулся мимо изувеченного Ллойда; тот в отчаянии пытался схватить его за ноги. Поскорей уйти, чтобы не слышать, как он кричит, захлебываясь кровью.

Тяжко было даже дышать, каждый вдох наполнял легкие мельчайшей сланцевой пылью. В потрясенном сознании всплыл обрывок магнитофонной записи для туристов: “Продолжительность жизни у добытчиков сланца была низкой. Обвалы кровли, травматизм при взрывных работах... частые заболевания силикозом после многолетней работы в запыленных забоях... немногим удавалось до-

жить до шестидесяти лет“. Кроме старого Джо Льюиса. Этому придурку полагалось сдохнуть еще лет тридцать назад. Нарочно ему, что ли, дали дотянуть?

Рон Томас шел медленно, в одном месте пришлось ползти на четвереньках шагов двадцать или больше. Он старался подавить отчаяние. Если проходка закончится тупиком, он похоронен, заточен здесь до самой смерти, Ллойд умрет раньше, но Томас не собирался к нему возвращаться. Видит Бог, нету сил смотреть на такое.

Но это не был тупик: скоро потянуло свежим воздухом, без пыли, и дышать стало легче. Однако тут же сделалось чертовски холодно, он весь заоченел. Надо идти, и куда-нибудь выйдешь. Пока снова не раздался вой и не начались эти фокусы с фонарем. Может, и хорошо, что обвал помешал Эду Портмэну раскрыть секрет старого Джо: есть вещи, которых лучше не знать. Странно, что обвал начался именно в тот самый момент, будто таинственная сила хотела защититься...

Выработка свернула влево, Рон выпрямился и пошел быстрее, в надежде, что она выведет обратно на туристский маршрут. Вдруг он услышал шаги; первая мысль была, что это его собственное эхо. Он остановился, прислушиваясь. Мурашки побежали по спине к затылку и по голове, он весь покрылся гусиной кожей. Впереди кто-то был, кто-то шел навстречу.

В смертельном страхе он прижался к стене, острые чешуйки сланца вонзились в спину. Рон даже не заметил этого. Фонарь плясал в руке; вытаращив глаза в темноту, он ждал.

Сначала из мрака возник неясный силуэт, потом свет упал на него, позволяя различить черты лица. Мужчина... нет, мальчик. Ростом со взрослого, но лицо мальчишечье. Он был в рваных грязных джинсах, распахнутая рубашка открывала мускулистую безволосую грудь.

— Ох! — Рон Томас кое-как привел в действие голосовые связки и зло просипел: — Ты кто такой, мать твою? Какого ты тут?..

Тот остановился в десяти шагах, безмятежно улыбаясь. Похоже, встреча его ничуть не удивила. Взгляд голубых глаз казался мутным, но это, скорее всего, от сланцевой пыли.

— Ты что, не слышишь, или охренел совсем?

— Я вас слышу, — отозвался незнакомец. В его живом, веселом голосе слышался валлийский выговор, но не местный, скорее из внутренних районов, в сторону Макинльейда.

— Ты кто?

— Дэвид Уомбурн.

— Пропавший мальчишка!

— Извините, что доставил вам столько хлопот. Мне просто хотелось посмотреть по-настоящему интересные места в пещерах.

— Ну, парень, держись! — вслед за облегчением Рон Томас почувствовал растущую злобу. — В полиции тебе объяснят, как ты распорядился их временем. Возможно, привлекут за нарушение границ частного владения. Родители твои тоже в подходящем состоянии!

— Я рад, что заставил мать понервничать. И отца тоже. Но мать я ненавижу, она просто старая кошелка, настоящая сука! Из-за нее я попал сюда.

— Нехорошо так говорить о матери, — Рон никак не мог избавиться от озноба. Малый оказался крепким орешком, даже глазом не моргнул. — И вот еще что, парень. На твоей совести три смерти.

— Это как? — голос даже не изменился, все то же чертовское спокойствие.

— А так, — Томас яростно ткнул в ту сторону, откуда пришел, — что кровля шахты обвалилась. Мы искали тебя вчетвером. Двоих завалило. Третий тяжело ранен и, может быть, уже умер. Теперь ты понял, бля?

— Я же не виноват, что ваша кровля обвалилась, — слегка улыбнувшись, подросток повел широкими плечами. — Мне плевать.

— Ты мудила, если б мы не полезли тебя искать, то не оказались бы под ней. Ты их убил!

— Будь по-вашему, — улыбка расплылась еще шире.

Зарывав от ярости, Рон Томас шагнул вперед, замахнувшись фонарем в резиновом футляре, как дубинкой. Белый кружок света заплясал на мокрых сводах туннеля. На несколько секунд парень пропал в темноте. Но что-то удержало гида: невидимая преграда, словно ледящее силовое поле, мешала двинуться. Ярость сменилась испугом, он

опустил фонарь и направил его на парня. Дэвид Уомбурн по-прежнему невозмутимо улыбался во весь рот.

В тягостном молчании они уставились друг на друга. Наконец Рон Томас не выдержал и первым отвел глаза, его стала бить дрожь. Что-то не то было в этом мальчишке. Но нельзя выдавать испуг. Хочешь не хочешь, надо с ним разговаривать.

— Мы не можем идти назад, — Томас пытался унять дрожь в голосе, — проход завален. А что там, откуда ты идешь?

— О, оттуда мы запросто выйдем.

Бог ты мой, этот ублюдок всю дорогу знал, где выход, — и расхаживает тут, как на воскресной прогулке!

— Тогда, парень, давай выбираться поскорей. — Только не показывать раздражения, а то с такого станется ради смеха водить по кругу, если разобидится. Доверять ему нельзя.

— Ладно, но вы идите вперед, мистер, у вас фонарь. Впрочем, можете дать его мне.

Ни хрена я не отдам свой фонарь такому типу, как ты, пока жив. Вдруг тебе захочется смыться вместе с ним.

— Кстати, как тебе удалось найти дорогу в темноте? — Пауза. Может, не стоило спрашивать?

— Очень просто. В этих коридорах чувствуешь, куда идешь. Ну, ладно, мистер, ступайте вперед, а я за вами.

Рон Томас шагнул с опаской, боясь наткнуться на странную преграду, но ее не было. Он пошел, время от времени поводя фонарем, чтобы убедиться, на месте ли мальчик. Тот шел за ним. Но Рон не мог вспомнить такого, чтобы мальчишка ступил в сторону, пропуская его вперед. Будто они вмиг поменялись местами, и все! Мурашки вновь расползлись по телу, а к ним добавилось неприятное ощущение, будто мошонка сморщивается и усыхает, грозя исчезнуть. Мальчишка смотрел все с той же сосущей улыбкой, но глаза у него прояснились, в них поблескивало что-то, совсем уже не понравившееся гиду. Господи Иисусе, ну и страху же — чувствовать такого типа за спиной в крошечной темноте!

Они все шли и шли. Выработка то изгибалась, то выпрямлялась и, судя по всему, забирала вправо. Томас забеспокоился, оглянувшись через плечо: "Ты уверен, малый,

что не сбился с пути? Мы, сдается, идем в глубину горы!“

— Все в порядке, не беспокойтесь. Идите.

— Ну, надеюсь, ты не заплутал...

Сквозь шум их шагов откуда-то спереди донесся звук, вроде журчания далекого ручья. Подземные воды? Томас замедлил шаг и остановился, вслушиваясь. Господи, это были голоса!

— В чем дело, мистер?

— Я что-то слышу... как будто люди шепчутся.

— Наверно, так оно и есть, — Дэвид Уомбурн по-прежнему усмехался, но не подходил ближе, словно умышленно держась на расстоянии.

— Что ты этим хочешь сказать? Тут ведь больше никого нет.

— Ну почему же. Там мои друзья.

Рон Томас невольно отшатнулся, сердце стиснуло.

— Ты не заговаривайся!

— Это правда. Вы их скоро увидите. Они вам очень обрадуются.

— Не желаю я их видеть! Знать вас не хочу, никого: ты на меня тоску наводишь. Я хочу только одного — убраться отсюда поскорей и подальше.

Голоса раздались громче. В их хоре выделялся дискант — печальный, скорбно молящий, его нельзя было не заметить. Кто бы они ни были, они желали быть услышанными.

У Томаса вырвался вопль: “Ты рехнулся! Вы все тут спятили!“

— Идите, мистер, там разберетесь. Идите дальше. Здесь мы не можем оставаться, а назад нельзя, вы сами сказали.

Рон Томас шагнул вперед. Ноги не слушались, будто старались его удержать. В уме вертелась тьма вопросов, задать которые язык не поворачивался: что тут делают твои приятели? Почему они так странно поют? Или плачут? Я не хочу к ним. Ты что, не понимаешь, не желаю я их видеть, чтоб они сдохли!

— Они там, внизу. Видите?

Рон Томас невольно отступил — и тут же луч его фонаря упал в зияющий провал: проходка обрывалась в пропасть. Свет не доставал до дна; стены, видимо, были отвесные, тьма уходила в бесконечность.

— Дурак паршивый, я же мог упасть! Ты точно спятил, тут нет дороги. Ты сидишь в ловушке за обвалом, как и я. А говорил, что знаешь выход!

— Его нет. — Дэвид Уомбурн уже не улыбался, лицо его помрачнело, глаза снова подернулись мутной пленкой. — Никто из нас отсюда не выйдет. Н и к о г д а .

Из черной бездны, нарастая, поднимался ехидный шепот, воздух почти ощутимо дрожал. Ледяной укол ужаса заставил Томаса обернуться.

— Твои друзья... они что, там?

— Все до одного. Давайте спустимся к ним.

— Это не возможно. Никому...

— Но они же спустились. И я тоже. Теперь ваша очередь.

— Отойди от меня!

Дэвид Уомбурн медленно, со смехом приближался. Хор из пропасти гремел в ушах — псалом безысходной тоски. Томас обезумел от страха.

— Идите же вниз, мистер, просто шагните с обрыва и все!

— Нет!!!

И Рон Томас понял, что падает. Он даже с места не двинулся: это непонятная сила, исходившая от мальчишки, каким-то образом столкнула его с обрыва. Луч фонаря, зажатого в руке, чертил сумасшедшие зигзаги. Причудливые изломы скальных стен мелькали так быстро, что нельзя было различить их очертания: фигуры, лица с невидящими глазами...

Он падал все быстрее, кувырком, фонарь выскользнул из пальцев и полетел вниз, опережая его, как путеводная падучая звезда. Посланец смерти. Томас услышал удар о каменистое дно, но каким-то чудом лампа не разбилась. И фонарь светился, лежа там, как пиратский маяк, привлекающий на рифы сбившийся с курса корабль. Ледяной ветер свистел в ушах издевательским шепотом смерти.

Хрустнуло тело, кости ломались, как щепки, но вместо боли наступило оцепенение. Он лежал, отвергнутый смертью, — месиво еще живой плоти, дышащее и истекающее кровью. И видел все кругом при свете своего уцелевшего фонаря.

Они выступили из темноты — человеческие фигуры, не бывшие людьми. Они выплакивали свое горе и шипели о ненависти, оглядываясь, словно тоже боялись чего-то. А впереди шел юноша, назвавшийся Дэвидом Уомбурном, который поднялся из пропасти и вернулся назад, потому что не мог уйти. Он снова смеялся и протягивал руки к умирающему. Тут фонарь погас и навалилась тьма, как бы стараясь подавить стенания затерянных душ.

Томас был нужен им, и они поволокли разбитое тело по камням. Тонуший, пытаясь вдохнуть, глотает воду, а Рону Томасу пришлось в тысячу раз хуже. Жаждающие кислорода легкие сплющивались в затхлом каменном мешке, лишенном воздуха. Он задыхался, в ушах шумело — или то были вопли преисподней?

И откуда-то донесся приглушенный хохот. Низкие гнусавые звуки, казалось, проходили сквозь скалу, а следом раздался настойчивый стук, как если бы это не могло добраться сюда и тщетно билось в стены.

Потом все пропало в сознании Рона Томаса. Безмолвие сомкнулось над ним.

Глава седьмая

— Что бы ни случилось, не выходи из комнаты, — Саймон Рэнкин обнял Андреа. Господи, вот и настал этот миг. — Я запру дверь, а ты никому не открывай до утра. Спи на кушетке. И молись!

— Я не смогу заснуть, — вздохнула она. Уже сейчас она чувствовала слабость, но задремать все равно не удастся. Взгляд упал на голые половицы — мебель и ковер были сдвинуты к стенам по периметру пентаграммы, нарисованной мелом на старых дубовых досках. В середине кушетка и чаша с водой, больше ничего. — Значит, буду молиться.

— Хорошо. — Он внимательно осмотрелся напоследок. Пентаграмма начертана грубовато, но сойдет. Святая вода; еще немного в бутылке в его саквояже. Должно помочь, однако этот демон силен на редкость. — Оставайся с Богом, я скоро вернусь.

Он не оглядывался, зная, что иначе не сможет уйти. Рискованно оставлять Андреа одну, но взять ее с собой — в тысячу раз страшнее.

Небо было все покрыто перистыми облаками, позолоченными солнцем. Саймон посмотрел на часы: без двадцати шесть. Он будет у пещер как раз вовремя, чтобы тут же начать спуск. Мальчика Уомбурна, разумеется, не нашли; интересно, вернулись ли спасатели? Когда он приступит к изгнанию, внизу не должно быть посторонних.

На посту стоял тот же полисмен. Обменявшись с ним коротким приветствием, Саймон шагнул за барьер. Верую в Господа, истинно верую! В вестибюле по-прежнему слонялись люди, но Фрэнсис Майетт он не заметил. Рэнкин прошел мимо, к распахнутым дверям офиса, из-за которых доносился усталый голос. Мэтисон коротко и отрывисто отвечал кому-то, видимо, по телефону.

Священник дождался, пока тот положит трубку, тихо постучал и вошел. Артур Мэтисон, насупившись, сидел за столом в рубашке с засученными рукавами и отстегнутым воротничком. По лбу градом катился пот.

— Послушайте! Я очень занят. Как-нибудь в другой раз, ладно?

Рэнкин посмотрел на него с изумлением, которое тут же сменилось гневом. “Это наш долг, — ответил он. — Пещеры нужно освободить от зла любой ценой”.

— Это невозможно, — Мэтисон встал. — Мальчишку не нашли. Хуже того, рухнула кровля и завалила четверых спасателей. Мы даже не знаем, живы ли они. Сейчас разбирают завал, чтобы до них добраться...

Саймон побледнел и перекрестился.

— Я вас предупреждал, — произнес он еле слышно. — Демон сейчас смертельно опасен. Мы все под угрозой, и вы тоже, мистер Мэтисон.

— Чушь! — Мэтисон вышел из-за стола. — Я сейчас должен спуститься, посмотреть, как идут дела. Газетчики не дают проходу.

— Я иду с вами, — решительно заявил Саймон.

— Ладно, — процедил тот, — только не путайтесь под ногами. У меня нет времени на ваши штучки-дрючки.

Саймон сдержал гнев, он не мог позволить себе расходовать душевные силы: в грядущей битве они понадобятся все без остатка. Он прошел за Мэтисоном к машинному отделению. Шагах в двадцати столпилось несколько десятков мужчин и женщин; блеснула вспышка, щелкнул

затвор фотоаппарата. Репортеры жадно ловили крохи информации.

— Спускайте нас, — распорядился Мэтисон. — Фуникулер оставьте внизу. Я дам сигнал, когда буду подниматься.

В напряженном молчании они сели в первый вагончик. Саймон отвернулся, глядя на ярко-оранжевые облака, внезапно сменившиеся мокрыми, стылыми сланцевыми стенами. Воздух резко остыл, но так и должно быть: присутствие давало себя знать.

Они спустились и быстро пошли по широкому освещенному туннелю. Шум работы становился все громче. Сетка, закрывающая поперечную выработку, была отодвинута, за поворотом горел свет и раздавалась брань. Мэтисон торопился, опережая Саймона на несколько шагов, в каждом его движении чувствовалось нетерпение.

Там работали пятеро мужчин, потная команда в перепачканных комбинезонах, в защитных очках и респираторах. Ближайший опустил занесенную кирку, бросил ее и сдвинул маску с лица.

— Господи, шеф, ну и завал! Придется подпереть кровлю, прежде чем разбирать дальше, иначе полгоры завалится, пропади она пропадом.

Мэтисон кивнул и закашлялся от пыли. — Думаешь, они живы?

— Трудно сказать, — человек покачал головой. — Если не попали под обвал, могут быть с той стороны. Воздух там почти наверняка есть. Но мы пока не знаем, на какую глубину засыпало выработку. Может, несколько дней придется рыть.

В этот момент Саймон ощутил пронзительный холод; он, казалось, шел из-под завала и сочился сквозь тучи пыли. То чувство — и очень сильное, пропитавшее весь воздух в туннеле. Он незаметно открыл саквояж и приготовил бутылку с святой водой. Чем скорей он проявит свою силу и непоколебимую веру, тем лучше.

— Пусть пришлют стойки, — заговорил старший рабочий. — Мы не рискуем пробиваться дальше, пока...

Его прервал далекий гул, нараставший с каждой секундой, словно прямо из толщи горы на них несли курьерский поезд. Стены и своды задрожали.

— Берегись!

Все произошло в считанные секунды. Люди побросали инструменты и бросились бежать. Сильные руки подхватили Саймона, потащили в сторону. Фонари замигали, но он успел увидеть, как массивная осыпь породы выпячивается вверх, а кровля устремляется ей навстречу. Пол, казалось, вздыбился под ногами, густая пыль закрыла свет, все кругом окутал душный мрак, несущий ужас.

Люди толкались, падали, выкрикивали ругательства. Мощный ледяной вихрь подхватил Саймона, увлекая обратно к осыпи. Упираясь изо всех сил, он завопил, стараясь перекричать грохот: “Спаси меня от врагов моих... Боже, защити от осаждающих меня! Спаси меня от слуг порока... и тех спаси, кто со мной!”

Ураган как будто стих, он обнаружил, что снова свободен. Где остальные, погребены или успели скрыться? Он сделал, что мог, помолился за них, а теперь нужно спастись самому ради общего блага. Сзади что-то с грохотом обрушилось, осыпав его градом камешков. Он отпрянул, упал ничком и поднялся, придерживаясь за стену, пытаясь сообразить, куда двигаться дальше.

Шум позади замирал. Саймону почудились голоса, тот самый шепот, — но может быть, то был лишь мираж. Он зажмурился, потому что все равно не видел ничего. Пыль забивала легкие, его рвало. В голове мелькали малодушные мысли о могуществе противника, сумевшего опередить его, уничтожив его оружие, прежде чем Саймон смог пустить его в ход. Тонны сланца раздавили саквояж, святая вода вытекла всуе. Он устоял перед демоном, отразил его силой своей веры, но тот нанес ответный удар.

— Все в порядке, приятель? — крепкие руки рабочего стиснули его и вытащили в главный туннель. Рэнкин открыл глаза. Лампы на стенах не горели, но несколько фонарей работали, уже одно это вселяло надежду. Мэтисон, почти неузнаваемый под толстым слоем сизой пыли, в измятой и порванной одежде, пытался пересчитать людей. “О Господи, — хрипло выдохнул он. — Мы все спаслись, все до одного!”

Рабочие прислонились к стене, переводя двух, рвали на полосы грязные носовые платки и перевязывали ссадины. В наступившей тишине слышалось только тяжелое дыха-

ние. Саймон прислушался, чувствуя, как становится теплей.

— Ну что, оставаться мы не можем, — Мэтисон посветил фонарем, — давайте наверх, пока вся хреновина вконец не завалилась.

Никто не возражал. Выстроившись гуськом, они потащились к фуникулеру. Каждый понимал, как близко была смерть. Казалось, прошла вечность, пока они добрались до места. Кабинки выглядели до странности нереально — чудо техники, проникшее в подземный мир, где не было места делу рук человека.

Все забились в одну кабинку, не желая разлучаться, и плюхнулись на сиденья. Саймон откинулся на спинку, прикрыл глаза и вознес краткую благодарственную молитву. Но пока они не вышли из пещер, еще многое могло случиться. Обрыв троса — и кабинки с бешеной скоростью понесутся вниз, к затопленным шахтам. Он вздрогнул: лучше не думать об этом.

— Проклятая сука!

Артур Мэтисон бранился, без толку дергая переключатель в стальной коробке на стене возле ступенек платформы. Ругань сменилась судорожным всхлипыванием, он уронил голову на руки, словно не в силах смотреть в глаза людям в вагончике.

Спрашивать не было нужды, они все поняли и сидели без сил, тупо уставившись в пустоту. Тока не было, они оказались в западне.

Мэтисон вернулся и сел, привалившись к дверце. Фонарь он опустил, чтобы не видели его лица. Наверху он был боссом, и каждый ходил перед ним по струнке. Здесь им всем одинаково грозила гибель.

— Транспорт не работает, верно, шеф? — решил кто-то наконец.

— Да, черт возьми, — устало отозвался тот. — А как же, если тока нет. А наверху понятия не имеют и ничего не станут делать без сигнала... который мы не можем подать.

Тишина. Тяжелое сопение.

— А нельзя ли выбраться по шахтному стволу, шеф?

— Не знаю, — Мэтисон как-то сразу сник и больше не распоряжался. — Он идет почти вертикально. Это можно

при свете, когда видно, куда ставить ногу. В темноте разок оступишься и... — Он не договорил; все понимали опасность.

— Так что же, оставаться тут?

Мэтисон не ответил. Сам он не был готов карабкаться по шахте фуникулера и не хотел брать на себя ответственность, посылая других. Пусть решают сами: он не станет препятствовать добровольцам.

Но добровольцев не нашлось. Никто не отзывался, ожидание обещало затянуться: когда еще наверху догадаются что-то предпринять... Мэтисон распорядился, чтобы фуникулер не вытягивали до его сигнала. Кто посмел бы ослушаться владельца сланцевых пещер Кумгильи?

Рэнкина клонило в сон, пришлось встряхнуться, отгоняя дремотное оцепенение: во сне он был более уязвим. Молитва — единственная преграда между ним и тем, что затаилось в пропыленном мраке.

Хуже всего была тишина. Сюда не доносились ни звуки капли, ни шорох мелких осыпей в толще завала. Пустота, насыщенная опасностью, как воздух перед грозой — электричеством, тишина, готовая взорваться в любую секунду. Время текло медленно, люди уже устали поглядывать на светящиеся циферблаты часов. Энергия в них иссякла.

Неожиданно Саймон вздрогнул и стал пристально, до боли в воспаленных глазах всматриваться в темноту. На миг ему показалось, что он заснул, но нет — просто из сумятицы блуждавших в сознании опасений выделилось одно: Андреа! Внутренний голос, мучивший его все время, произнес имя, столь дорогое, что Саймон мгновенно покрылся холодным потом. Это могла быть лишь игра подсознания... Но когда по телу прошел знакомый озноб, Саймон понял: это не шутки. Боже, его завлекли сюда и держат в западне, а в это время наверху!.. Мысль об этом была невыносимой, он не мог дольше оставаться здесь. Он лихорадочно рванулся к выходу через распростертые тела, не обращая внимания на ворчание и брань. Мэтисон, прикорнувший на платформе, зашевелился и включил фонарь.

— А, это вы, святой отец. Что, не спится? — он хрипло засмеялся собственному остроумию.

— Послушайте, Мэтисон, — Рэнкин морщился от иголок в затекших ногах, — вам ведь нужен доброволец, который пойдет наверх, верно?

— Я этого не говорил.

— Тем не менее он вам нужен. Так вот, я иду.

— Вы с ума сошли. Вы же не сможете, тем более впотьмах. А эти парни привыкли лазать в опасных местах.

— Да, только ни один из них не хочет идти.

— Но вы же священник. Или... бывший священник? — Мэтисон уже не скрывал насмешку.

— Единожды рукоположенный в сан остается священником до конца своих дней. Я служитель Господа перед лицом Его. Еще и поэтому идти должен я.

— Ну что ж, — Мэтисон неуклюже пытался скрыть злорадство. — Я умываю руки. Вот, возьмите, вам пригодится.

— Спасибо, — Саймон взял протянутый фонарь. — Я сделаю все, что в моих силах. И еще...

— Что такое?

— Вы ведь знаете Молитву Господню?

— Полагаю, да.

— Это хорошо, — Рэнкин ухватился за почти вертикальный рельс и светил фонарем, ища опору. — Мой совет: читайте ее снова и снова, можете про себя, если не хотите, чтобы вас слышали.

— Я еще и колыбельные знаю, — снова послышался надтреснутый смешок. Саймон не ответил. Он почувствовал легкий укол совести оттого, что некому будет утешить демона молитвой. Но ничего нельзя было сделать: Андреа отчаянно нуждалась в его помощи. Он начал карабкаться. Через несколько минут все тело заныло; стараясь не обращать на это внимания, он стал читать молитву. Время уходило.

После ухода Саймона Андреа прилегла в одежде на кушетку. Она слышала поворот ключа в замке, удаляющиеся шаги, скрип несмазанной садовой калитки. Потом наступила тишина.

Свет лампы казался ненужным расточительством в комнате, залитой червонным золотом заката. Но Саймон по-

требовал, чтобы сюда не проникала тьма. Он также настаивал, чтобы Андреа не переступала меловую черту, — а выключатель находился за ней. Под подушкой на всякий случай лежал фонарь, но об этом даже думать не хотелось.

Она лежала, глядя, как солнечные блики расползаются по стене, потом блекнут и пропадают. Мысли вернулись к Саймону. С ним порой бывало тяжело, его одержимость казалась ограниченностью, но такова была натура идеалиста, стремящегося к совершенству. Он неустрашимо следовал своему предназначению; и вовсе не капризная Джули сманила его от иезуитов. Он сам в глубине души пожелал уйти, нуждаясь в более глубокой вере — своей собственной. Жена изменила ему, едва не погубив. Сейчас он боролся за себя: так самоубийца, бросившийся в омут, в последний миг начинает вдруг барахтаться, пытаясь выплыть. Это усилие он сделал ради Эдриена и Фелисити, а теперь детей отнял безжалостный и несправедливый закон.

И тем более он нуждался в Андреа. Господи, она бы родила ему детей, но он отказал в этом и ей, и себе, когда-то подвергшись стерилизации. Больно было думать, что больше никогда ей не родить. Во всяком случае, не от Саймона. Черт, что за мысли, словно пошлое предчувствие, что она может лечь с другим мужчиной и получить от него живое семя. Легкая дрожь поднялась изнутри и пробежала по телу. Ощущение чем-то напомнило отроческие фантазии и даже взволновало; Андреа невзначай опустила руку меж бедер и скользнула пальцами по материи джинсов...

Сумерки за окном сгущались. Нужно было молиться за Саймона, но это было непросто, когда возбуждение росло во всем теле. Может быть, пройдет само, если думать о другом? Она попробовала, но ничего не получилось. Прежде чем за что-то браться, придется избавиться от неудобства. Она со вздохом села и посмотрела в окно. Уже совсем стемнело. Любой прохожий у калитки может запросто увидеть то, чем она собиралась заняться. Предположим, неожиданно вернется Саймон. Впрочем, он-то поймет, что ей было необходимо, это каждому нужно хоть иногда. О Боже, это становится прямо нестерпимым, нужно что-то сделать.

Выключить свет или задернуть занавески? Андреа колебалась: для того и другого придется выйти за меловую черту. Что ж, делать нечего, иначе она будет чувствовать себя, как на сцене.

Выключить было проще. Всего один шаг за черту, а потом другой, чтоб снова включить. Беды не будет, и никто не узнает, Саймон со своим назойливым идеалом в самом деле зашел слишком далеко.

Мимолетное чувство вины пропало, как только комната погрузилась во тьму. Андреа, в предвкушении удовольствия, вздрагивающими руками сняла одежду и небрежно бросила на пол. Ощущение собственной наготы было пронзительным. Лежа на спине, она дотрагивалась до самых чувствительных мест, упиваясь полной свободой тела. Не торопись, вся ночь впереди. Саймон вернется не скоро.

Если вернется в о о б щ е ! Совесть слабо кольнула в последний раз и сдалась. Тогда Андреа окончательно распалась. Напряженное тело сотрясала дрожь, она выгнулась другой, с губ срывались легкие стоны. Под стиснутыми веками мелькали смутные образы. Когда они с Саймоном впервые... Нет, Боже, только не это, он ей не нужен, ни сейчас, ни вообще! До отвращения старомодный, все привык делать в темноте, как будто этого вообще не стоит делать, и к утру память об этих вещах должна исчезнуть вместе со сном. Надо было совсем с ума сойти, чтобы подцепить священника. Она ведь атеистка и никогда не верила. Саймон этого не знал, она его обманула, даже бубнила себе под нос всякую чепуху, когда он просил присоединиться к его молитве, — чтобы сделать ему приятное. У нее просто не хватило духу признаться, что она не верит в Бога.

Хватит потакать религиозным причудам Саймона! Она задрожала от страсти, вспомнив, как играла с собой в первый раз. Ей было лет пятнадцать, она давно подумывала об этом, но всякий раз, как только решалась, в голове раздавался злобный голосок матери: "Не смей трогать себя там, Андреа. Это непристойно, и это грех. Бог обязательно узнает и накажет. И представь, как ты будешь обо всем рассказывать отцу Флаэрти на исповеди".

Эмоции требовали выхода; она стала плохо спать по ночам, а в тревожных снах видела, как занимается этим, а

мать спряталась в комнате и подсматривает за ней: “Ты просто испорченная дрянь и никогда не исправишься!”

В конце концов Андреа уступила инстинктам. В тот день у нее сильно разболелась голова и пришлось пропустить школу. Даже это, по словам матери, было грехом: “у девочки в твоём возрасте не должно быть никаких головных болей”. Но после полудня мать ушла убирать церковь, и Андреа осталась одна в своей постели. При свете дня все оказалось проще, чем в темноте, прятавшей тысячи тайных глаз. Она решительным движением задрала ночную рубашку. Не твоё собачье дело, мамочка, чем я тут занимаюсь сама с собой. Если Бог захочет наказать меня, пусть наказывает. А отец Флаэрти...

Об отце Флаэрти она позабыла, как только дотронулась до себя. Наконец-то! По телу прошла судорога, Андреа закричала от незнакомого удовольствия.

Она словно балансировала на краю, зная, что упадет, и наслаждалась ожиданием, и старалась удержаться. Но вот все взорвалось и она полетела в небеса — это, конечно, и был рай, откуда ещё взяться такому блаженству и тела, и души. Там она парила, крича и плача от восторга, так что даже намочила подушку, и это длилось целую вечность...

Волна отхлынула, оставив девочку распростертой без сил — совершенно беспомощной и такой счастливой. Головная боль прошла без следа. Если бы сейчас в спальню вдруг вошла мать, Андреа тут же рассказала бы ей все без утайки. Она не стыдилась и не чувствовала себя виноватой. То, что с ней было, — наверняка один из величайших Божьих даров. Такая большая радость просто не может быть греховной.

Она стала делать это постоянно, раз в две недели, и никогда не исповедовалась отцу Флаэрти. Раз это не грех, значит, не его дело. В голове у нее начали тесниться разные вопросы. А есть ли вообще Бог? К семнадцати годам она уверилась, что нет. Теперь, двадцать три года спустя, пережив неудачный брак, Андреа наугад вступила в новую связь, — сохраняя прежнее убеждение.

Тихо, сосредоточенно постанывая, она вызвала в памяти тот сказочный день. Четверть века миновало! И сейчас все было точно так же, вот только оргазм, которого она жаждала всем существом, никак не приходил — подступал и

тут же ускользал, мучительно дразня. До вершины наслаждения было рукой подать, — но она снова и снова обрывалась вниз на предпоследнем шаге и никак не могла добраться. Дикое, безумное удовольствие, но сил больше нет, хоть бы скорей! Рука двигалась все быстрее, пронзительные, раздирающие ощущения дошли до точки кипения... И не закипали.

Закрывать глаза, сосредоточиться, отыскать ту единственную фантазию, которая поможет. Господи, бывший муж откуда-то. Ну да, она его соблазняла... ах! соблазнила после нескольких ни к чему не обязывающих свиданий. Вот он подвозит ее к дому матери, обнимаются в машине. Андреа расстегнула ему брюки и до того раздражила, что он согласился отъехать куда-нибудь в закоулок. Сдался, бедняга, поплыл на глазах. "Андреа... я, ну, это, у меня нет ничего с собой... я и не подумал, что ты... что мы..." Он все заботился об условностях — на них и попался. "Только раз — что нам мешает? Не беспокойся, я позабочусь сама". Так она его и поймала, потому что хотела забеременеть.

О Боже, не получается! Она отчаянно пыталась помочь себе, сначала шепотом, потом выкрикивая в темноту закупоренной комнатухи: "Хочу мужчину. Хочется. Мне охота. О-ой, под мужика хочу!.."

В этот момент она поняла, что не одна: то ли вдруг, то ли постепенно сознание пробилось ледяной струйкой к разгоряченному, ритмично дрожащему телу. Но не потушило желания. Андреа всматривалась в темноту, не в силах оторвать руку от мокрого и горячего. Неясный силуэт у дверей становился все отчетливей, как будто зажегся свет — бледное сияние. Но свет не горел. И кто-то был с ней в комнате. Мужчина!

Он был высокий и смуглый, с черными вьющимися волосами — внешность без малейшего изъяна. Красивое мужественное лицо, ровные зубы блеснули в улыбке. Нет, он не насмеялся над Андреа оттого, что застал ее за таким занятием, а именно улыбался по-доброму, понимающе. Только тут она разглядела, что незванный гость стоит перед ней совершенно голый, и хотела опустить взгляд, но голова не поворачивалась: шею так свело, что она не могла рассмотреть его ниже пояса.

— Я не помешал? — его мягкий веселый голос развеял последнюю тень неловкости и страха.

— Нет... ничего, — она заставила пальцы остановиться и шире развела ноги, чтобы он смотрел туда. — Я... больше не могу. Мне очень нужно. Скорей!

— Может быть, я смогу помочь, — пришелец шагнул к ней. Что-то упало, звякнув, и покатилося по полу. Андреа не видела, но поняла, что это чаша, которую Саймон перед уходом наполнил водой и помолился над ней. “Колдуй, баба, колдуй, дед...” Гость как будто не заметил этого, теперь он был совсем рядом. Пальцы Андреа снова пришли в движение помимо ее воли; изнутри живота им навстречу прихлынула волна томительной дрожи. “Я хочу тебя!” — повторила она и прибавила грязное словечко, засмеявшись той непринужденности, с которой оно вырвалось.

— Еще бы, — он понимающе кивнул и протянул руку. Чуткие пальцы легонько коснулись соска; Андреа пронзило током. Ледяные иглы разрядов сотрясли тело, безмолвно торопя мужчину.

Она наконец сумела повернуть голову и глянула вниз, чтобы удовлетворить любопытство. И едва не завопила, одновременно от восхищения и от ужаса. Господи, не может такого быть у человека, ни одна женщина в мире этого не достойна! Чудовищно... или чудесно, это как посмотреть. Разум Андреа оглох, а тело тянулось навстречу, пальцы нашли и стиснули, набухший рот впился в ужасное орудие страсти. Прикосновение обожгло жутким холодом, кольцо губ вмиг превратилось в кровоточащую рану.

Время замедлило свой бег. Любовник высвободился и властным движением опрокинул Андреа на кушетку, прокладывая губами ледяную дорожку вниз по ее телу. Она задыхалась и стонала, отдавая без остатка все, к чему он прикасался, — и протяжно взывала, когда холодный язык добрался до цели.

— Ты его не любишь, — откинувшись назад, он посмотрел ей в глаза. Это не был вопрос, но утверждение. Слабея, она не могла отвести взгляд.

— Нет. Я его терпеть не могу. Какая я дура, что с ним связалась. Я хочу еще ребенка, пока не поздно родить!

— Ребенок у тебя будет, это я обещаю.

Он склонился, и Андреа судорожно вцепилась в него, захлебываясь от страха в ожидании ужасного мига, когда он войдет. Ее плоть не выдержит! Такой холодный, как смерть, и такой огромный, он брал ее дюйм за дюймом — орудие власти, от которой нет спасения. Даже судороги ее тела не принадлежали ей: они исходили от таинственного пришельца, чья реальность уже не вызывала сомнений... Потом он безжалостно вскинул ее кверху, распяв на ледяном утесе.

Порыв северного ветра, морозный вихрь подхватил ее и понес как перышко, швыряя из стороны в сторону. Рыча в последней судороге страсти, она выкрикнула: “Возьми меня! Ребенка хочу!”

Залп арктического холода сотряс ее чрево, убивая все кругом, кроме животной жажды; она приникла к любовнику всем телом, напрягая каждый мускул, в страхе, что будет отброшена и близость прервется. Смесь неодолимого желания и ужаса...

Потом — дрожь холода, одиночество. Она так устала, что не могла открыть глаз. Рука ловила пустоту: он ушел. Пальцы снова скользнули вниз и наткнулись на ледяную каплю; все тело ниже пояса вот-вот превратится в сосульку. Но это так возбуждает!

Теперь ею овладела единственная греза. Высокий смуглый незнакомец. Король всех любовников, он заставляет трепетать и покоряться. Ни один мужчина не сравнится с ним. Его поцелуи приводят женщин в неистовство, и те умоляют подарить им дитя. Силой наслаждения он заставляет отдавать все, что потребует. Полное подчинение, во что бы то ни стало!

И наступил новый оргазм, слабее предыдущего, но иначе быть не могло. Вместо воплей — тихое хныканье: хочу ребеночка, пожалуйста, чтобы осталась со мной частица такой могучей воли, память обо этой ночи...

Вновь вспыхнули в мозгу его слова: “Часть моего существа останется с тобою, ибо ты уже не сможешь скрыться от меня. Я — это ты, и ты — это я. Но ты должна заплатить за это, посвятив себя мне, и только мне одному. Никаких ложных богов, никаких любовников. Отвергни их, и ты будешь иметь все, чего пожелаешь. Прогони лжевозлюбленного и будь моей!”

Должно быть, Андреа заснула: когда она снова открыла глаза, в них ударил серенький утренний свет из окон. Поживаясь, она потянулась за одеждой и снова задела пустую чашу Саймона. Та перекатилась по полу. Пролитая вода, выплеснувшись за пределы пентаграммы, оставила на половицах пятна сырости, словно следы постыдных снов подростка.

Как холодно! Пальцы окоченели и дрожали, несколько минут она не могла справиться с пуговицами. Каждое движение было мукой.

Господи, какой идиоткой он прожила всю жизнь! Ее дурачили, сделали из нее рабыню, почти зомби. Мать, отец Флаэрти, муж — все заставляли подчиняться. Теперь Саймон, самый требовательный из всех, пользуется своей ничемной религией, чтобы связать ей руки.

Одевшись, она выглянула в окно. Все вокруг было серым — деревня, холмы, небо затянутое облаками, словно солнце скрылось навсегда. Но это было неважно: у нее свое обновление, другая жизнь, новый путь.

Андреа рассмеялась. Эти слова звучали так положительно, так целеустремленно, будто она и впрямь собиралась что-то делать, лишь бы не сидеть сложа руки в ожидании чужих прихотей. Кто такой этот Саймон, черт побери, чтобы заставлять ее всю ночь отсиживаться за меловой чертой? Больше она не признает его власть над собой. Хорошо, что этому наступил конец. Или, во всяком случае, скоро наступит.

Мелькнуло легкое ощущение дурноты; Андреа подташнивало. Слабость по утрам — знак того, что должно произойти. Она зачала и носит в себе его семя — их будущего ребенка. Он вырастет сильным и красивым, будет повелевать другими. Его жизнь — ее жизнь.

И там, у окна с видом на вымершую улицу, неряшливые лавки и закопченные домишки, Андреа поняла, как сильно она ненавидит Саймона Рэнкина.

Полное подчинение. Она сделает то, что должна.

Глава восьмая

Саймон не чаял выбраться наверх. Руки, казалось, вот-вот отвалятся от плеч, а ботинки словно залили свинцом. Несколько раз он оступался и терял опору, чуть не падая в пропасть, зиявшую за спиной. Но не боязнь падения заставляла его держаться до последнего, преодолевая слабость. Смерть его не страшила. Страх за Андреа вытеснил все другие ужасы. Они ее атакуют. Саймон не думал, как и откуда узнал об этом; он уже давно не пытался осмысливать собственную интуицию. Просто знал и все — опасность росла каждый миг.

Он задохнулся от радости, когда в мерцающем квадрате над головой блеснули звезды и на него повеяло теплом летней ночи, необычным после подземного холода и сырости. Открылось второе дыхание, и последние ярды Саймон одолел за считанные минуты.

Вывалился на площадку и опустился на корточки, переводя дух. Дверь машинного отделения распахнулась, забухали тяжелые шаги.

— Что стряслось, приятель? — человек наклонился, помогая ему встать.

— Там у них нет тока, — прохрипел Рэнкин, размазывая пот по лицу. — Кровля упала еще раз. Скорей поднимайте фуникулер!

— Как бы не так, — тот угрюмо помотал головой. — Лебедка сломалась. Мы звонили насчет запчастей. Полицейская машина уже в пути, через час их доставят.

Рэнкин глубоко втянул воздух. Силы тьмы не упустили ни одной возможности. Поисковая партия спаслась от обвала его молитвами, но зло не сдавалось, оно вывело из строя подъемник и готовилось к новой атаке. Он произнес молитву и перекрестился.

— Вы бы показались врачу, мистер. Он сидит вон там, в карете скорой помощи, на всякий случай.

— Нет!

— Валяйте, а то на вас лица нет. И щека вся разорвана.

— В самом деле? — Саймон машинально ощупал лицо, едва замечая липкую кровь. — Дома этим займусь. Сейчас мне надо идти.

— Ну и ступайте в таком виде, мне-то что, — тот выпрямился и отошел.

После минутного облегчения вернулся страх. Саймон тяжело поднялся, волоча ноги, прошел через вестибюль, не замечая сидящих и стоящих. Вышел в ночь и взглянул в небо, словно искал у него поддержки. Звезд почти не осталось, с запада ползла лавина туч. В воздухе было сыро, к утру собирался дождь. Быстро холодало.

Он посмотрел на часы. Они, похоже, остановились: показывали двадцать минут четвертого. Секундная стрелка не двигалась. Он постучал по циферблату, поднес их к уху — молчат, наверное, повредились во время опасного восхождения. Впрочем, точное время не имеет значения: ночь опасна в любой час. Саймон глянул на восток, но не увидел приветливой ясной полосы, теснящей мрак. Внезапный ветер дохнул из темноты холодком, и в голове стало проясняться.

Оставалось пройти несколько сот шагов до шоссе по голому склону, усыпанному сланцевой крошкой. Открытое пространство было пустынно в этот час, как дикий торфяник. Словно цивилизация исчезла, и он остался совсем один. Все бесполезно и безнадежно, остается лечь и умереть.

Напрягая все силы духа, Саймон укрепил молитвой слабеющую волю. Ясно: он и были вокруг и пытались побороть его.

Внезапно он остановился и прислушался. Сначала показалось, что ветер донес голоса издалека — возможно, люди шли по шоссе вдоль подножья длинного холма. Мерный топот ног, тяжелая поступь усталых, как и он, людей. Негромкий разговор. Наверное, отряд спасателей идет на смену, или привезли запчасти для лебедки.

Стараясь убедить себя в этом, Саймон разглядел идущих навстречу. В слабом свете нескольких звезд из-за туч он увидел достаточно, чтобы, скорчившись от страха, замереть за одиноким кустом боярышника.

На него надвигались тени без лиц, внешне подобные людям, но все в них было нездешним. А воздух с их приближением застыл почти до мороза.

Их было десять-двенадцать — мужчин и детей. Мальчики и девочки-подростки, отчаянно худые, почти измож-

денные, были одеты в лохмотья, в прорехах мелькала бледная кожа в сыпи, руки и ноги тонкие, как сушняк в горах. Многие прихрамывали, неуклюже горбя искривленные спины, головы поникли в жестоком унынии.

Мужчины, жилистые и тощие, так же деревянно сутулились, привыкнув к тесноте, где нельзя выпрямиться во весь рост. Они тяжело ступали, волоча ноги, выбивая искры подкованными башмаками; низко надвинутые кепки не давали разглядеть лиц.

У Рэнкина мурашки побежали по коже. Нынешний закон не допустил бы в забой такую смену — детей-рабов. Они плакали, ныли и стонали — именно эти звуки слышались ему в глубоких пещерах Кумгильи. До него долетало ворчанье и грубая брань взрослых надсмотрщиков.

Внезапно раздалась громкая оплеуха; девочка пошатнулась и чуть не упала, но шедший рядом мальчик подхватил ее. Дети съежились, на секунду замедлив шаг. Девочка закрыла лицо руками, но не удержала болезненного стога — последней отчаянной мольбы о милосердии.

— Шахты заливают, дядя. Нижним уровням конец, во многих пещерах обвалы.

— Помалкивай, девка, а то так выпорю, что до работы будешь добираться на карачках.

Все обернулись к посмевающей возразить девочке; именно ее слова, а не тот, кого она назвала дядей, вызвали глухой ропот протеста.

— Мы с этого живем, — бубнили они. — Не будем спускаться в забой, так все помрем. Нам и так грозит голод.

Видимо, в тучах над головой показался просвет — еще несколько звезд выглянули и осветили всю сцену. Впервые рассмотрев подробности, Саймон истово перекрестился и пожалел, что не отвел глаза. Теперь его гипнотизировали старчески желтые лица детей, их взгляды, горящие страхом и ненавистью из запавших глазниц, сморщенные ямы ртов. Ветер донес до него затхлую вонь пота, гноя и мочи — запахи немытых тел. Место им было в могиле и нигде больше: они разлагались заживо.

А девочка выкрикивала, заслоняя лицо: “Скоро неделя, как они там, и никто их не попытался спасти. Обвал породы схоронил их живьем! С нами будет то же, когда спустимся!”

Тот, кто выглядел старшим в этой группе, в ярости занес кулак, но сдержался. Свет звезд упал на перекошенную физиономию пещерного человека. От него шла такая злоба, что отшатнулись даже мужчины.

— Заткнись, дрянь! — его слова хлестали, как плеть, звездную черноту ночи. — И не вздумай болтать про это чужим, а здесь тоже попридержи язык за зубами!

— Не серчай, Джетро, ребенок не замышляет ничего худого, — робко возразил тщедушный человечек. — Она правду говорит. Там они похоронены, в большой пещере, и то же самое может случиться с нами, с каждым из нас, во всякий день. Туда спускаться просто глупо, пласт уж выбран почти целиком. Надо работать выше, там безопасней.

— Молчи, болван! — Джетро развернулся и обрушил на него занесенный кулак. Раздался глухой удар, корытшка свалился с ног. — Я не велю трепаться про это в Кумгилье и разносить грязную болтовню из “Лагеря”. Ну-ка, говорите, кто думает, что я загнал их в мышеловку? Отвечайте, а то навсегда проглотите языки!

В толпе зашептались, в страхе прижимаясь друг к другу. Только девочка стояла, вскинув голову, похожая на жуткую карикатуру — высохшая с юных лет маленькая ведьма, увядший до срока незрелый плод.

— Я правду говорю, дядя Джетро, — заливался ее пронзительный голосок, — и Илай сказал правду, да больше не скажет, потому как боится. Все одно, мы все порем там, внизу. Только я молю Господа, которого мы славим по воскресеньям, чтоб мы померли взаправду, а не похороненные, как живые покойники. — Она оборвала свою речь на режущей слух ноте и умолкла, хилые плечики безвольно поникли.

Разъяренное лицо Джетро напоминало застывшую маску химеры, он обвел грозным взглядом притихших в страхе товарищей. — Ну, который из вас винит меня в том, что стряслось?

— Нет, Джетро, ты не виноватый, — забормотали они хором.

— Ну то-то же. А теперь за работу, и так потеряли время даром.

Процессия во главе с Джетро двинулась дальше, скрипя по сланцу изношенными башмаками, и прошла в несколь-

ких шагах от Рэнкина, который, скрючившись за кустом, творил про себя молитву. Вновь дохнуло холодом, потом и тленом. Девочка замыкала шествие; она хромала, подволакивая больную ногу. Дыхание со свистом вырывалось из чахлой груди, будто сланцевая пыль уже изъела ее нежные легкие. Наконец все пропали в предрассветной мгле.

Он не шевелился, ловя звуки удаляющихся шагов. Они шли на шахты. Девочка снова кричала и плакала — или это пронзительное эхо отпечаталось в мозгу? “Их похоронил обвал породы... Но я молю Господа, которого мы славим в воскресенья, чтобы мы умерли, а не были похоронены заживо”.

Как четверо спасателей. И Дэвид Уомбурн, и, наверное, другие. Мэтисон и пятеро его людей у фуникулера внизу. Они мертвые — или живые мертвецы. Саймон соображал с трудом, не в силах уловить страшный смысл увиденного. Он в оцепенении стоял на коленях, словно скованный незримыми цепями, не чувствуя свирепого холода. Небо начало светлеть, мрак отступал, открывая застывшую даль. Лишь у вершины Кумгильи клубились тучи, словно гора прикрыла голову от стыда.

Когда совсем рассвело, Саймон очнулся, судорожно вскочил и пустился бежать. Силы зла послали своих приспешников задержать его здесь, пока они исполнят свое черное дело.

Андреа находилась в их власти всю ночь. Он мог опоздать.

Андреа читала, лежа на кушетке; рядом дымилась чашка кофе. Взглянув на Саймона поверх журнала, она заметила растрепанные волосы, дикий блеск в глазах, рану на щеке, перепачканную и порванную одежду.

— С тобой... все в порядке? — тяжело дыша, он прислонился к дверному косяку.

— Со мной — да, — ответила она холодно, приподняв брови, и снова уткнулась в журнал. — А вот у тебя такой вид, как будто ты заигрался в привидения и свалился в канаву.

Рэнкин обвел комнату сузившимся взглядом. То, что он увидал, ему не понравилось. Ясно, она выходила из пентаграммы. Потир опрокинут, святая вода разлилась, свет потушен, она варила кофе на кухне. В воздухе стоял еле уловимый запах, доступный лишь тонкому обонянию. Через секунду он понял: это запах спермы. Свершилось самое ужасное, чего он боялся.

— Ты выходила из пентаграммы! — собственный голос показался ему чужим, в горле застрял ком. — Этого нельзя было делать ни в коем случае!

Андреа долго молчала, а когда подняла глаза, на лице была презрительная злоба. — Разумеется, я выходила из твоих ведьминых каракулей. Ты что же, думал, мне не понадобится ни разу за всю ночь? Ты забыл, Рэнкин, я тебе не жена. Кто ты такой, чтобы мне приказывать? Даже если бы мы были женаты, — а я позабочусь, чтобы этого не случилось, — я бы подала на развод из-за издевательств. Думаю, есть и другое объяснение, отчего развалилась твоя семья. Очень было бы интересно послушать Джули. Теперь-то я понимаю, почему она тебя бросила, дело тут не только в другом мужчине!

Саймон переменился в лице. Эти нападки, хлесткая издевка ее слов застали его врасплох, они так не вязались с мягким характером Андреа. Словно за ночь она стала другим человеком. Это ужасало больше всего: женщина перед ним была вовсе не Андреа.

— Что здесь произошло? — он шагнул в комнату.

— А ничего. Было чертовски скучно, и я уснула. Что в этом такого? — она грациозно поднялась с кушетки и прошла мимо него на кухню, покачивая бедрами. Вновь повеяло резким запахом, словно каким-то тошнотворным снадобьем. Догадка вызывала дурноту. — Я сварила кофе. На полке холодные тосты. Масло и мармелад в кладовке в шкафу.

Она озлоблена. Хочешь, приготовь сам себе завтрак, не хочешь — ходи голодный. Вот так же вела себя Джули в последние дни их совместной жизни. Внутри у Саймона все оборвалось, он машинально прошел на кухню вслед за ней. Андреа возилась в мойке, уставившись в окно, словно замороженная видом цветущей клумбы в дальнем углу сада.

— Еще раз прошу тебя, — он облизал пересохшие губы, — скажи, что случилось ночью?

— Я беременна, — ответила она со злорадным торжеством.

— Нет! Это невозможно, ведь...

— Ну, опять понес чепуху, что я не могу забеременеть, потому что ты усох после своей замечательной операции, — ее гримаса отражалась в оконном стекле, рука нащупывала что-то в грязной воде. — Ты идиот, Рэнкин! До тебя еще не доперло, что в Англии тысячи, миллионы настоящих, здоровых мужиков, готовых удовлетворить бабу, когда ей приспичит?

— Глупости, — он заметил, как Андреа напряглась, сжимая что-то в воде. — Это просто нервный срыв, тебе слишком многое пришлось пережить.

— Ночью приходил мужчина, — она расхохоталась, откинув голову, но этот смех больше напоминал звериный рык. — Я ему дала, и он меня трахнул лучше, чем кто-либо за всю мою жизнь. И я теперь беременна, я знаю.

Саймон подавленно молчал. Он понял: все так и было, они достали Андреа этим способом. Самое уязвимое в женщине — секс и материнский инстинкт. Многому он мог противостоять, но не этому. И они держали его у шахт, пока не закончили свое гнусное дело. Теперь она отречется от Бога самыми мерзкими и кощунственными словами, какие только выговорит язык.

— Наверно, у меня были не все дома, что я связалась с гребаным святошей, — продолжала она. — С заштатной церковной крысой! Он, видите, ли, хочет, чтобы женщина всю ночь торчала посреди мазни на полу, а сам уходит помолиться. Или ползет тайком к какой-нибудь сифилитичке, паршивый ханжа. Думаешь, я в самом деле верю в твоего боженьку, а, Рэнкин? Я тебе вот что скажу, чтоб тебя пробрало до самого твоего стерильного нутра. Я атеистка! Я не верю в бога. Теперь дошло?

Все было рассчитано на то, чтобы ошеломить его, застать врасплох. В большинстве случаев расчет был бы верен, но с Саймоном этот номер не удался. Опытный экзорцист, закаленный в борьбе со злом, вовремя заметил в стекле отражение острого, как бритва, кухонного ножа, выхваченного из мойки. Истошно вопя, Андреа замахнулась.

— Ты, вонючий церковный козел!

Он молниеносно увернулся, перехватил ее запястье и стиснул изо всей силы. Андреа завизжала и разжала пальцы, нож ударился о кафельный пол и завертелся волчком.

С воплем “Ублюдок!” она пнула его в голень, но удар босой ногой не причинил ему особого вреда. Они сцепились; Андреа боролась с нечеловеческой яростью, как волчица, сражающаяся за жизнь. Ощеренный рот извергал проклятья; один раз она чуть не вцепилась Саймону зубами в горло, но он успел увернуться. Наконец ему удалось скрутить ей руки за спиной и расплатать на истертой сосновой столешнице. Вопли Андреа перешли в невнятное бульканье, на губах выступила пена. Но она еще сопротивлялась, не желая сдаваться.

— Бедняжка, — ему больно было так обращаться с ней, но это был единственный способ.

— Убери руки, грязный ублюдок!

Саймон не обращал внимания на брань. Сжав ее запястья, свободной рукой дотянулся до буфета и нашарил моток веревки. Кое-как связал руки, после этого ноги были уже сравнительно легкой задачей. Лежа на полу, она не сводила с него горящих ненавистью глаз.

— Я вызову полицию!

— Пожалуйста, дорогая, — он бледно улыбнулся, — если, конечно, потом твое отношение ко мне не изменится.

Не слушая проклятий, он приступил к задуманному. Принес из комнаты потир, вновь наполнил водой и освятил ее. Андреа выкрикивала богохульства, но теперь ее слова были бессильны. Он запер дверь и вернулся.

— Будет больно, — в его голосе слышались слезы, — но с Божьей помощью я изгоню из тебя демона и мы снова будем вместе.

— Хрен тебе, — она извивалась, когда он встал над нею на колени, словно собираясь делать искусственное дыхание. — Я не верю в бога, и не поможет твое индюшачье кулдыканье! Я была с ним и рожу ему ребенка! И ничего ты не сделаешь!

— Это будет вроде аборта, скажем так, — бормотал Саймон, приподняв ей голову и святою водой рисуя на лбу крестное знамение. На всякий случай — вдруг она в самом деле не христианка — начертал также каббалистический

знак Малхут, символ Царства Божьего, и тихим, ласковым голосом вознес благодарение. Она забилась, крича на душераздирающе высокой ноте, но он был неумолим. Потом Саймон применил самое мощное средство духовного очищения.

— Боже непреборимый, отразивший всех врагов Своих, смертью смерть поправший и победивший князя тьмы. Порази Сатану, повергни к ногам нашим, изгони силу злого и не дай места деспоту, но ниспошли нам Христа.

Тело Андреа судорожно дернулось, пытаясь оторваться от пола, веревки врезались в тело. Она корчилась, изо рта хлынула пена, казалось, сознание покидает ее. Она уже не визжала, захлебываясь яростью, а страшно хрипела, ясные глаза цвета морской волны полыхали ненавистью к человеку, подвергшему ее этой пытке. Но вот они помутнели, взгляд стал пустым, отсутствующим, потом веки упали и сомкнулись.

Андреа лежала неподвижно, едва заметно дыша, смертельная бледность разлилась по лицу. Саймон наклонился и коснулся губами ее губ.

— Прости, любимая, — прошептал он. — Мне было так же больно, как тебе. Но теперь все позади. Мы победили, отдыхай.

Осторожно развязав веревки, он взял ее на руки, напрягая последние силы, отнес наверх и уложил в постель. С трудом переведя дыхание, разделся и лег рядом.

Им обоим нужно было выспаться, и единственно безопасным временем для отдыха были дневные часы. Вечером, с наступлением темноты все начнется заново. Силы зла разъярены своей неудачей, успешной контратакой противника на отвоеванном плацдарме. Они будут мстить.

Саймон проснулся первым, около полудня. Андреа мирно спала, краски вернулись на ее лицо. Она прошла тяжкие испытания, но теперь все будет хорошо. Когда он вылезал из постели, Андреа зашевелилась.

— Мы где? — она озадаченно смотрела широко раскрытыми глазами.

— Все в порядке, — он наклонился и поцеловал ее. — Все хорошо.

— Не знаю, — она потерла лоб. — В комнате внизу... да, ты там меня оставил и ушел. Потом... нет, не помню.

— И не старайся вспоминать, — ответил он с улыбкой, зная, что когда-нибудь все равно придется рассказать ей все, а до тех пор она будет переживать. — Они напали. Я нарушил их планы в шахтах. До моего прихода там заваляло еще четверых. Но совершить изгнание не удалось из-за нового обвала. Я выбрался наверх, уже зная, что они взялись за тебя.

— Что со мной было?

Он коротко рассказал, опуская некоторые подробности. Упомянул и о шахтерской бригаде, встреченной на обратном пути.

— Опять мы не победили. Но и не проиграли. — Даже после сна Саймон чувствовал физическую и духовную опустошенность. — Пока я не справлюсь с тем, что засело в пещерах Кумгильи, мы в настоящей опасности. Я и не сомневался, что ты ничего не помнишь о прошлой ночи.

— Ты еще что-нибудь узнал о том случае в прошлом?

— Не так уж много. Если бы выяснить, кто такой этот Джетро, я бы сильно продвинулся вперед. Ясно, это был какой-то негодяй-начальник, на всех наводивший страх. Широко применялся труд детей. И произошел несчастный случай, в котором винили Джетро. Шахты на нижних уровнях истощились, их стала заливать вода, но он по-прежнему гонял туда людей на работу. Злодей требовал вырубить весь сланец до последнего кусочка. Произошло несчастье, но он стоял на своем. Наверное, что-то случилось и с той группой, что я видел... возможно, и с ним самим. Думаю, как раз перед тем мы встретились.

— Может быть, Джо Льюис знает.

— Скорей всего, и я думаю — не попробовать ли еще раз что-то из него вытянуть. В любом случае, мы ничего не теряем.

— Что ты собираешься делать в ближайшее время, Саймон? Ты ведь больше... не оставишь меня одну? — спросила она, бледнея.

— Нет, — твердо ответил он. — Больше я не стану рисковать тобой. Ты будешь со мной везде, кроме шахт. А на то время, что буду внизу, оставлю тебя в надежном месте, с кем-нибудь вроде Фрэнсис Майетт. Впрочем, мне

кажется, тебя больше не тронут. Теперь они набросятся на кого-нибудь другого.

— Например?

— На Джули. Или на детей. Через них проще всего нанести мне действительно внезапный удар. Сейчас они — моя главная тревога. Я бы мог позвонить и предостеречь Джули, но что толку? Она с презрением отвернется от любых моих советов и будет делать все наоборот, а это еще опасней. Нет уж, лучше вовсе не предупреждать. Мы просто помолимся за них — мы с тобой вдвоем. Кстати, Андреа, я никогда не спрашивал, ты веруешь в Бога?

— Да, — она выдержала его взгляд. — Да, Саймон, хоть у мессы я не была с тех пор, как ушла из дома, — в основном потому, что в детстве мать меня заставляла и грозила вечным проклятием. Но я верую.

— Вот и хорошо. Теперь давай поедим. Потом помолимся за Эдриена и Фелисити. И за Джули. А после поищем старого Джо Льюиса. Как знать, вдруг именно ты вдохновишь его на воспоминания, и он все-таки что-то сообщит.

— А после всего этого, — она спустила ноги с кровати, пережидая головокружение, — опять в пещеры?

— Увы, да. Я не позволю себе отступить в борьбе с этим страшным демоном. Только вряд ли Мэтисон даст мне шанс спуститься во второй раз. А может быть, это и не выйдет из-за новых обвалов, к тому же фуникулер заглох.

— И что, если тебе не удастся глубокий спуск? — спросила Андреа с тайной надеждой.

— Тогда воспользуюсь “шахтерским трамваем”. Вся гора пронизана сетью сообщающихся ходов. Если понадобится, найму проводника, какого-нибудь скалолаза из местных, и с ним заберусь поглубже. В этот раз осечки быть не должно. В пещерах Кумгильи любой рискует жизнью. Ежедневно сотни людей под угрозой!

Глава девятая

Мэтисон взял у одного из спасателей фонарь и направил слабеющий луч в шахту фуникулера. Черная дыра была пуста, за границами светового пучка уходила кверху бесконечная тьма. Священника нигде не было видно. Но они

не слышали и шума падения. Значит, он еще ползет и, быть может, доберется до цели.

— Черт знает как холодно, — пожаловался кто-то, и эхо подхватило его слова, как будто желая до всех донести их смысл: “Черт... холод... черт... холод...”

Они сидели, съезжившись, в молчании: ни разговаривать, ни спать уже не хотелось. Артур Мэтисон давно перестал поглядывать на часы; они выключили фонари, чтобы экономить батарейки. Потные тела промерзли до костей; в застегнутых куртках, с поднятыми воротниками люди тряслись от холода.

— Должно быть, уже вылез, — буркнул один. — Вот тебе и церковная крыса. Раз не свалился нам на головы, значит, вылез.

Ответный гогот прозвучал жутко. Мэтисон включил фонарь и почти завизжал: “Да помолчите вы, Христа ради!” Но ссориться было не время, нервы у всех были на пределе.

...Прошло несколько часов с тех пор, как Саймон Рэнкин начал восхождение. Они отчаялись когда-нибудь выбраться, всех била нервная дрожь.

— Может, наверху тоже нет тока?

— Не мели чепухи. Лебедка работает от собственного генератора.

Все предположения были исчерпаны, они осознали собственную беспомощность. Все зависело от тех, кто наверху. Ясно, в скором времени придется что-то предпринять. Но они ничего не делали. Слышно было лишь монотонную капель с кровли и стен, да изредка кашель.

— Я пошел наверх!

Головы повернулись на голос из вагончика, луч фонаря осветил невысокого коренастого человека, перебирающегося через вытянутые ноги и полулежащие тела. Билл Эндрюс был новичком в шахтах, раньше он держал на побережье модную ракушечную лавку, но экономический спад погубил его дело. Обиженный судьбой, он в каждом подозревал недоброжелателя.

— Нет смысла, Билл, — вяло отозвался Мэтисон, — священник вылез, иначе мы бы услышали падение. По времени он должен быть уже наверху.

— Значит, они нас в гробу видали. Все лучше, чем торчать тут и замерзать в потемках. Видно, в конце концов

все равно придется лезть самим, так я лучше начну сейчас, пока совсем не закоченел.

— Как знаешь, — Мэтисон отвернулся, потеряв к беседе всякий интерес. — Лично я считаю, лучше нам усесться потесней.

У Билла Эндрюса был свой фонарь. Он зашагал к рельсам, не оборачиваясь — говорить было не о чем.

Первые пятьдесят футов были преодолены с ходу, на удивление быстро. Возникло обманчивое ощущение легкости, словно он взбирался по лестнице. Но еще через несколько шагов все мускулы заныли; сухожилия, казалось, вот-вот лопнут, как измочаленные веревки. Он остановился передохнуть. Господи, шахтный ствол кажется, стал еще круче, почти отвесный. Но это же ерунда, угол наклона должен быть стандартный! Билл опять замер, жадно глотая холодный воздух, по затылку текла вода из крошечного водопада в скале. Натруженное сердце колотилось, как отбойный молоток, отдаваясь во всем теле. Он пожалел, что не остался со всеми. Прав был Мэтисон: рано или поздно кто-нибудь их вытащит. Но думать о возвращении было поздно, путь вверх короче, чем вниз.

Еще несколько футов, и опять пришлось отдыхать. Господи, это никогда не кончится! А если поскользнуться, полетишь вниз до самой воды, затопившей нижний уровень. Не думать об этом! Билл обливался потом. Надо напрячь все силы и думать о чем-нибудь другом. Боже правый, а о чем тут еще думать?

Он полз вперед — и останавливался. Если бы дать отдых рукам... Нельзя — ими он цеплялся за жизнь.

Шум в ушах пугал его. С дыханием тоже было худо, не хватало воздуха. Он быстро слабел.

Что-то послышалось — он не понял из-за шума в голове, похожего на вой ветра. Прислушался; показалось, опять. Будто чей-то разговор. Он почувствовал внезапный прилив надежды. Значит, он ближе к поверхности, чем думал. Надо пару минут передохнуть и покричать наверх, пусть услышат, что он здесь.

— Эй! — из-за адского шума в голове он не понял, громко ли крикнул. — Я... ту-ут!

Разговор продолжался. Его не слышали. Надо зажечь фонарь, может, свет заметят. Он с трудом вытащил фонарь

из кармана, нажал кнопку. Слабый желтый лучик уперся в сланец, блеснул в каплях воды, ослепил Билла. Великий Боже, он и забыл, что такое свет, как какой-нибудь вшивый крот. Держась одной рукой, он направил фонарь вверх. И тут же разинул рот и едва не потерял равновесие, не веря своим глазам.

Кто-то сидел на узком выступе. Девочка в жалких лохмотьях, вся в волдырях, проступающих из-под слоя сланцевой пыли, как лунные кратеры. Не старше тринадцати, но с высохшим личиком старой карги, от запавших глазниц разбегались складки морщинистой кожи, широкие ноздри запеклись кровавой слизью. Губы раздвинулись в улыбке, открыв черные щербатые зубы и язык, двигавшийся взад-вперед, как у ящерицы. Она смотрела в упор.

Билл Эндрюс задохся от ужаса, рука затряслась, луч света заплескался по девочке, искажая ее черты, как стекло волшебного фонаря. Она засмеялась жестким, нечеловеческим смехом и грязными, поломанными ногтями отлепила от лица прядь тусклых волос.

— Ты... кто? — прохрипел Билл чужим голосом, пытаясь сглотнуть комок в горле.

— Я тебя предупреждала, дядя Джетро, — улыбка на ее лице сменилась ненавистью, в пляшущем луче глаза вспыхнули зеленым огоньком. — Я говорила, а ты меня бил, и все. Теперь ты понял, да уже поздно. Ты отсюда не уйдешь живым!

— Послушай, — выдавил он, пытаясь отодвинуться, но это была бы верная гибель, — я не твой дядя, я вообще не понимаю, о чем ты...

— Иуда! — она оскалилась, как зверь. — Иуда или Джетро — что за разница? Душегуб! По твоей милости мы стали живыми мертвецами, и ты еще думаешь уйти. Много раз ты пытался вылезти через старые штольни, но так далеко еще не забирался. Назад, сатана — вот твое настоящее имя!

— Нет... послушай меня! — голос Эндрюса выдал его отчаяние. — Я Билл Эндрюс. Мои товарищи там, внизу, они в ловушке.

— Ясное дело, в ловушке, думал, я не знаю? А все твоя проклятая жадность. Они не спасутся — но и тебе не уйти!

Боже, безумие какое-то. У этого ребенка не все дома, это, должно быть, местная деревенская дурочка, может, внучка того старика, что иногда приходит ругать Мэтисона за гибель шиферного дела. Достаточно, чтобы нагнать страху в таком месте.

— Девочка, — он постарался говорить строгим голосом, что давалось нелегко — по телу бегали мурашки, а внутренности словно рвала стая голодных крыс. — Ты мне не грози, девочка, я все равно поднимусь, и если ты к тому времени не унесешь отсюда ноги, я тебя так отделаю, что неделю не сможешь сидеть. Поняла? Теперь проваливай наверх, откуда пришла!

Губы девочки раздвинулись в вежливой улыбке, обнажив клыки, торчащие в стороны, как покосившиеся от непогоды кладбищенские кресты. Она попятилась, словно раненый паук, волоча ногу, обмотанную грязным тряпьем; под ним угадывалось что-то вроде лубка.

— Так-то лучше, — обрадовался Эндрюс. Чертовка отлично знает, что ее ждет, если... И тут горло перехватило, он едва не выпустил фонарь.

Девочка отползала по уступу, что-то толкая перед собой... увесистый обломок сланца, как только силенок хватило! Подкатив к самому краю, остановилась, глядя с ненавистью поверх камня. Усомниться в ее намерениях было невозможно.

— Ты с ума сошла? — взвизгнул Билл, зная, что не сможет помешать. — Так можно убить кого-нибудь!

“Убить... Убить... Все мы умирали тысячу раз, но еще живем“.

Ее голос звучал отдельно от нее, казалось, она только открывает рот, но сердце молотом ударяло в грудь, пронзительные дрожащие звуки проникали в самый его мозг.

— Не убивай меня! — визг придушенного животного, мольба о пощаде, которой, он знал, не будет. — Я дам тебе все, что захочешь... деньги...

“Деньги! Сколько раз после обвала ты пытался подкупить меня, Джетро! Я больше не стану звать тебя дядей, не хочу быть отродьем сатаны. Теперь ты готов все отдать, что сколотил и припрятал, лишь бы уйти на волю. Но ты — один из Погребенных, как и я, как мы все. Никогда ты не умрешь, никуда не уйдешь из Кумгильи. Вспомни,

Джетро, тот день, когда бросил нас и напрасно пытался спасти бегством свою никчемную жизнь!”

Билл Эндрюс увидел, как покатился камень, услышал пронзительный хохот маленькой ведьмы. Ее лицо скрылось во мраке, только глаза горели зеленым огнем, как у кошки. Дождем посыпались обломки, раздался глухой скрежет, воздух ударил в лицо. Эндрюс закрыл глаза, зная, что снаряд его не минует. Жить осталось три секунды, некогда даже подумать о смерти.

Защитный шлем, несмотря на жалкий вид, оказался надежным. Камень, который мог убить человека на месте, раздробив череп, оставил лишь вмятину на шлеме, но не расплющил его. Страшный удар — и камень просвистел вниз, а вслед за ним полетел раскоряченный человек.

Сознание угасало в истерзанном, немеющем теле, уже не отзываясь на ушибы при падении. Его преследовало лицо девочки — ненависть, боль, несправедливый приговор.

Падение ускорилося, Билла швыряло о стены так, что дышать он уже не мог. И отдался гибели. Последнее, что он услышал перед вечным безмолвием, были мужские голоса. Они кричали. Потом откуда-то донеслись стоны и плач.

Он умер еще до того, как упал в глубокое черное озеро далеко внизу.

— Боже милостивый!

Люди, сгрудившиеся у фуникулера, уставились друг на друга в тусклом свете фонарей. Что-то с грохотом ударилось в верхний вагончик и пронеслось дальше, как метеор.

Спустя мгновение показалось тело, неузнаваемое, если не считать помятого шлема. Нелепый силуэт с вывернутыми руками и ногами, с кровавым месивом на месте лица, пролетел головой вперед вслед за снарядом.

Побелевшие лица невольно обернулись к Мэтисону. Он начальник, он должен все объяснить.

— Это Эндрюс, да?

— Он, это точно, — Артур Мэтисон смотрел в темноту.

— А может, священник?

— Ерунда, это был Эндрюс. Священник выбрался. Он бы столько не продержался в шахтном стволе.

Снизу раздался тихий всплеск, потом еще один.

— Что будем делать, Мэтисон? Видит Бог, здесь нельзя оставаться.

— Ну так полезайте наверх. Как Эндрюс. Сами думайте, выбор у вас есть. Лично я остаюсь, пока не заработает фуникулер.

Наступило молчание. После того, что они сейчас увидели, рисковать никто не хотел.

Время потянулось еще медленней. Только монотонный стук капли в туннеле за спиной. Но вот раздался другой звук, сперва невнятный, словно эхо медленно замирало в пустоте. Но этот звук, наоборот, становился все громче, превращаясь в многоголосое бормотанье; казалось, оно раздается с главной туристской трассы.

— Что такое?

— Думаю, ветер шумит. — У Мэтисона было наготове объяснение для экскурсантов, жалующихся на жуткие голоса в пещерах.

— Нет! Это опять те самые звуки, которые никто не может объяснить. Про которые вы велели говорить, мол, ветер, если кто спросит. Теперь сами слышите, босс.

— Я вам говорю, это ветер. В горе множество проходов, целый лабиринт. Вполне возможно, их продувает на всю глубину.

— Может, и так, только не тот это звук, Мэтисон. — Их раздражение и страх росли с каждой секундой. — Мы не туристы, нас не проведешь. Ты бы не потащил сюда священника, будь тут все в порядке. Тут что-то есть, чего ты боишься до смерти, и мы имеем право знать. Так вот, мы слушаем. Говори!

Мэтисон, опершись спиной о платформу, направил луч фонаря на своих подчиненных. мрачные лица, зубы стиснуты, в глазах страх. Готовы сами вершить суд, если придется.

— Ну-ну, спокойно, — весь дрожа, он обернулся назад, к широкому туннелю. — Это могут быть те, кто остался за завалом. Живые зовут на помощь.

— Нет, это не их голоса. Потому что они все мертвы, и тот парнишка, что хотел побродить один и заблудился. Ты

слишком долго скрывал эти дела, Мэтисон. Они погибли из-за тебя, и мы все из-за тебя погибнем. Но видит Бог, ты за это заплатишься!

— Вы с ума посходили, трусы! — Мэтисон понял, что придется бежать. Он повернулся и быстро зашагал туда, где сейчас было самое страшное место на земле. Потом побежал, минуя загороженный проход по правую руку, с братской могилой в нем. Оттуда никто не выйдет живым.

Он слышал за спиной приглушенную брань преследователей, злоба победила в них страх. Они его убьют, если догонят — кулаками и пинками тяжелых ботинок выместят на нем свою ярость, молотя по избитому телу до тех пор, пока он не испустит дух. Он бежал наугад, то и дело поворачивал и, похоже, далеко оторвался от погони. Фонарь почти выдохся.

Мэтисон понял, что находится в большой пещере. Где-то наверху вечно трудился восковой горняк, балансируя на краю уступа. Другой силился сдвинуть перегруженную вагонетку, которой суждено вечно оставаться на месте. Их положение было таким же безвыходным, как у него.

Преследователи, похоже, отстали. Возможно, их отпугнул мрак заброшенных туннелей — или просто ошиблись поворотом. А владелец сланцевых пещер Кумгильи вдруг пожалел об этом! Лучше бы они сейчас набросились на него, вцепились грубыми руками. Потому что это были живые люди.

Шепот, бормотанье и стоны раздавались со всех сторон, призраки подкрадывались и кружили возле него, ловко увертываясь во тьму всякий раз, как он пытался поймать их тусклым лучом. Они тянулись к нему, прикасаясь влажными холодными пальцами; дразнили, заманивали в царство живых мертвецов.

Мэтисон хотел крикнуть, но не мог, и закрыл глаза, чтобы случайно не увидеть страшные лица. Он услышал другой звук — нарастающий грохот. Закружилась густая пыль, забивая рот и нос, не давая дышать.

Обвал. Дно пещеры дрожало, стены вот-вот готовы были рухнуть. Он пожелал себе быстрой смерти. Обрушилось сзади, там, откуда он пришел. Господи Боже! Он попробовал молиться, но не вспомнил ни слова. Лишь бы только у проклятого церковника не истощился их запас!

Голоса визжали и завывали — товарищи Мэтисона по бессрочному заточению. Призраки все приближались, выкрикивали проклятья, тыкали в него пальцами. Волны их ярости захлестнули его обезумевший мозг.

— Я не виноват! — он кричал, пытался умолять их.

“Ты, ты виноват! На этот раз, Джетро, тебе не уйти. Наша доля — твоя доля, это вечное чистилище, братская могила схороненных заживо!”

Они набросились на него, колотя и разрывая тело окровавленными мозолистыми руками, сжимая горло, чтобы задушить в нем жизнь. В последний раз он попытался крикнуть “Я не Джетро!” — но красная пелена перед глазами почернела, и он понял, что уже не сможет.

Но успел взмолиться о смерти.

Глава десятая

Саймон Рэнкин сидел на диване, когда Андреа, помыв посуду, вернулась в комнату. Ковер все еще был свернут, мебель сдвинута с места, меловая пентаграмма на полу напоминала о кошмаре прошлой ночи.

— Пожалуй, нам пора отправляться... — Слова замерли на губах, ее встревожил унылый вид Саймона.

Он сидел, наклонившись вперед, уронив голову на руки: “Может быть, нам не стоит больше беспокоиться. Ни о чем”.

— Что на тебя нашло, Саймон? Пять минут назад ты был готов стоять насмерть. А сейчас вдруг пошел на попятный! — Андреа говорила резко, жалость — плохое лекарство от депрессии.

— А что изменится, если мы уничтожим эту малую частицу зла? Со всем злом в мире нам все равно не совладать. Все эти проповедники пути Господня — лжепророки и больше ничего. Иезуиты отвергли меня только потому, что я посмел следовать собственным убеждениям. Для них не имело значения, что мы молимся одному Богу. Они предали меня так же, как жена. Я изгнал дьявола из тысячи мест, но на эту тысячу найдется пять тысяч других, где зло нетронуто. Что эти шахты? Капля в море.

— Возьми себя в руки! — готова была закричать Андреа. Однако сдержалась, поняла, что следует действовать осторожнее. Возможно, сейчас, при свете дня они снова воздействуют на него, но уже иным, более коварным способом. Теперь они стараются довести его до депрессии, заставить сдаться добровольно. Саймону ли не знать, что очень часто психические атаки начинались именно так? Ей стало страшно.

— Ты опять вспоминал Джули, правда? — Андреа опустилась на диван рядом с ним. — Не отпирайся.

Он молчал, не глядя на нее.

— Так что?

— Зачем впутывать ее во все это?

— Не я впутываю, а ты. Ты жалеешь о прошлом, Саймон?

— Нет, дело не в сожалениях. Андреа, тебе не понять всей горечи и несправедливости случившегося. Одиночество, тоска, беспомощность, потеря веры — не в Бога, но в других людей. По отношению к Джули и детям у меня остались только обязательства. Как я могу любить ближнего после того, что пережил, как могу изгонять дьявола, если у меня тяжело на душе? Уйдя от иезуитов, я как бы лишился права на экзорцизм. Но я не сдавался, я боролся, чтобы вернуть себе силу экзорциста. Но много ли мог достичь, если все против меня?

— А как же я? — Андреа положила руку ему на колено. — Ты ведь не думаешь, что я такая же, как все? Я и раньше помогала тебе отражать удары, буду помогать и впредь. Не забывай, что у меня тоже был и неверный муж, и развод, и сын встал на сторону отца и не желает меня видеть. В конце концов надо собраться с духом, подобрать то, что осталось от твоей жизни, и начать все сначала. Именно это я пытаюсь сейчас сделать, как ты не понимаешь? Я нужна тебе, а ты нужен мне. У тебя есть вера в Бога. Поверь же и в меня, и давай биться вместе. В этом и заключается смысл борьбы со злом, мы воюем друг за друга. Мы не можем сейчас отступить, неужели ты не видишь, что мы зашли слишком далеко? Я надеюсь на тебя.

Он долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Затем его рука нашла ее руку и крепко сжала. Андреа чувствовала, он с трудом удерживает плач.

— Спасибо. — В глазах Саймона стояли слезы; губы приблизились к ее губам. — Нелегко верить в будущее, когда ты одинок.

Не выпуская его руки, Андреа помогла ему подняться и повела к узкой лестнице в холле.

— Куда мы идем? — Недоумение отразилось на загорелом, обросшем бородой лице.

— Если сам не догадываешься, я не собираюсь тебе растолковывать. — Она улыбалась, глаза ее сияли. — У нас сегодня полно дел, но я думаю, часок-другой ничего не изменит ни для Джо Льюиса, ни для пещер Кумгильи.

Дом Джо Льюиса стоял на отшибе, к нему вела крутая извилистая тропа. Саймон и Андреа шагали спокойно и неторопливо. Деревня выглядела, как всегда, пустынной — на этот раз более, чем обычно, из-за укороченного рабочего дня. Немногочисленные магазины имели столь заброшенный вид, словно не собирались когда-либо открыться вновь. Обшарпанные двери “Лагеря Карактака” были заперты, заведение будто наслаждалось кратким отдыхом от горестных пересудов старшего поколения. Город съёжился до размеров деревни, и та теперь медленно умирала. И казалось, последние жители этой деревни сами желают ее смерти.

— Не хотела бы я тут жить, — Андреа невольно вздрогнула. — Как красиво могло бы быть здесь, даже несмотря на эти суровые горы. Но вместо этого какая-то злокачественная опухоль убивает все вокруг.

— Вот дом Джо Льюиса, — Саймон показал на полуразваленное каменное строение в стороне от дороги, два этажа над землей, два — под землей. Над домом витал дух запустения, на крыше не хватало шифера, крыльцо со шпалерами так непрочно крепилось к стене, что казалось, первый же сильный порыв ветра разрушит его окончательно. Окна плотно прикрыты выцветшими, дряхлыми занавесками, точно старик решил отгородиться от внешнего мира и провести остаток жизни отшельником. Саймон отодвинул щеколду на садовой калитке, и та повисла на единственной петле. Клочок земли за оградой густо порос щавелем и уже отцветающей наперстянкой. Сад не возделывался годами.

Они подошли к массивной парадной двери, Рэнкин постучал. Напряженно прислушиваясь, они ждали ответа.

— Скорей всего, он вообще не подходит к парадной двери, — пробормотал Саймон. — В глухих деревнях принято входить с заднего двора. Давай попробуем.

Они обошли дом и оказались у унылом дворике. С трех сторон он был обнесен стеной, а в центре стоял переполненный мусорный ящик. Сквозь закопченное оконное стекло с трещинами, заклеенными полосками коричневой бумаги, невозможно было разглядеть, что делается в доме.

— Смотри, — сказал Саймон, — задняя дверь приоткрыта. Постучим.

Опять им пришлось ждать. Напряжение обоих нарастало, они слышали удары собственных сердец. В глубине души им хотелось, чтобы в этой грязной норе никого не оказалось, хотя они осознавали жизненную необходимость увидеться со стариком.

Священник водил глазами по стене дома, невольно замечая прорехи меж кирпичами, прогнивший подоконник под разбитым окном. Маленький веревочный треугольник, подвешенный на ржавом гвозде. Бог мой!

Андреа похолодела, услышав его встревоженный возглас. Она проследила за его взглядом: “Что это?”

— Вот до чего они дошли, сражаясь против нас! — прошептал он.

— Что это? — повторила Андреа испуганно. — Какой-то обрывок веревки...

— Это и х знак. Треугольник, который удерживает заклятого крепче любых запоров! Мы не знаем, сколько времени Джо Льюис был заточен в своем доме. Возможно, с того самого вечера, как вернулся из пивной после разговора со мной. Я должен попасть внутрь! Он не мог выйти из дома с тех пор, как это появилось здесь.

— Я пойду с тобой! — Андреа была исполнена решимости.

— Нет, тебе нельзя. До сих пор мы не встречались с такой опасностью. Ты останешься снаружи, так будет лучше для нас обоих. Если... что-то пойдет не так и я не появлюсь, позвони священнику. Постарайся объяснить ему, что произошло, и потребуй, чтобы он нашел экзор-

циста. Ничто другое не поможет. Ты поняла?

Она покорно кивнула. Облако, весь день плывшее по небу, теперь набухло и потемнело, начало моросить. Было холодно и уныло, как в середине ноября.

Саймон стоял в дверном проеме, осеняя себя крестным знамением. Глаза его были закрыты, голос, вначале тихий, постепенно набирал силу: “Боже, Сыне Божий, смертью смерть поправший, победив того, кто властен над смертью. Порази скорее Сатану. Избави сей дом от всех злых духов, от помышлений суетных, оскверняющих, и похотей лукавых и не дай им чинить зло, да будут изгнаны в место, им предназначенное, и останутся там на веки. Боже, облекшийся плотью, пришедший с миром, дай нам мир!”

Он вошел внутрь, как можно шире распахнув скрипучую дверь, теперь его голос звучал тихо и монотонно: “Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня”.

Андреа с трудом подавила крик, когда каменный пол поплыл у нее под ногами, и она услышала заунывный скрип деревянных перекрытий. Внутри раздался шум, как будто треснула балка; оторвавшаяся плитка покатилась с крыши и, ударившись о землю на другой стороне, разбилась вдребезги. Затем наступила полная тишина и неподвижность.

Она отпрянула, готовая бежать, чтобы исполнить наказ Саймона. Но тут из дома послышались голоса: один — старческий, жалобный, бормочущий что-то бессвязное, другой — голос Саймона, успокаивающий, вопрошающий. Она поняла, что ее любимый цел и невредим. Все остальное не имело значения. Его вера выдержала испытание.

Злой дух покинул дом внезапно. Саймон Рэнкин сравнил его с диким кровожадным зверем, которого ткнули горячей веткой в морду, и он, скалясь, в страхе и ярости обратился в бегство. Саймон почувствовал дрожь и слабость во всем теле, затем облегчение — беда миновала, он был в безопасности.

В комнате, куда он вошел, стояли запахи кухни и грязного белья. Низкий потолок заставил его пригнуться. Маленькое окно почти не пропускало света пасмурного дня, и ему пришлось подождать, пока глаза привыкнут к полумраку.

Он вздрогнул, когда различил в темноте Джо Льюиса, тот сидел на продавленном диване рядом с камином из графита. Саймон уже не надеялся увидеть старика живым.

Льюис сильно сдал с тех пор, как Саймон видел его в последний раз. На нем были лишь длинные шерстяные брюки, черные от грязи и распространявшие тошнотворный запах. Полуголый старик был страшен. На исхудавшем теле выпирали кости, кожа шелушилась, как у отвратительной рептилии. Ввалившиеся глаза злобно смотрели на вошедшего. Лицо казалось сплюснутым, из перекошенного рта текла слюна, прилипая к худому подбородку. Тем не менее калека делал отчаянные попытки заговорить.

Саймон понял, что со стариком случился удар. Льюис тем временем не переставал издавать нечленораздельные звуки, пытался пошевелить правой рукой, видимо, побуждаемый непреодолимым стремлением.

— Все в порядке. — Саймон опустился на колени рядом с ним, его едва не стошнило от мерзкого запаха. — Вы в безопасности. Они ушли. Я отправил их восвояси.

В старческих глазах мелькнуло облегчение. Губы зашевелились, изо рта потекли слюны и бессвязная речь. Рэнкин старался смотреть на старика так, чтобы тот не догадался по выражению лица, сколь сильное отвращение он вызывает и как недолго ему осталось жить. В интересах Саймона было выпытать у него все, что он знал. Еще немного — и будет поздно.

— Скажите, мистер Льюис, — голос Саймона звучал мягко и успокаивающе, — кто был Джетро?

Глаза старика вспыхнули, как горящие угли. На искаженном лице застыл ужас.

— Джет...ро...ро... плохо... — Ответ потонул в бессвязном мычанье.

— Да, да, я знаю, что Джетро был плохой. Но кто он был?

— О...о...теф... плохо... — Снова невнятное бормотанье.

— Ваш отец?

Старик кивнул, подтверждая правоту Саймона. Тот продолжал: “какие-то люди погибли в шахте в тот день. Джетро был одним из них”.

Кивая, как болванчик, старик пытался преодолеть внезапную немоту. Этому человеку удавалось последние четыре с половиной десятка лет оставаться в живых исключительно благодаря молчанию. Теперь же, видимо, осознав, что смерть близка, он решился заговорить. Он не мог больше хранить тайну.

— О..отеф... плохо... болел... тот день...

— Вы или он?

Скрюченный палец постучал по впалой груди: “Не... пошел... Все... там... Джетро... убил”.

— Давайте я вам помогу, — Саймон Рэнкин почувствовал прилив надежды. — Вы были больны, потому не пошли с ними. Джетро завел их вглубь, где было опасно. Случился обвал, и всех завалило.

— Не Джетро. Он... за мной... копали... ничего... снова обвал... только я... живой... — Обессиленный, Джо Льюис откинулся назад.

Саймон колебался, продолжать ли расспросы. Он слышал хрип в горле старика и знал, как мало осталось времени у старого шахтера, почти ничего.

— И все-таки, почему он был плохим? Глупец, эгоист, но ведь вы не можете сказать, что он был злым?

Снова слышались слова, но так тихо, что Саймону пришлось вплотную приблизиться к старику. Голос слабел с каждой секундой.

— Бога... не было... шахты его... черная... фе...ферковь... — Остальное потонуло в хрипе. По запаху тления Саймон безошибочно распознал приближение смерти. Он отодвинулся. Тело старика безвольно поникло. Все было кончено для Джо Льюиса.

Когда Рэнкин появился на пороге, Андреа радостно бросилась ему навстречу: “Саймон, слава Богу!”

— Да, нам и впрямь следует возблагодарить Господа, — он перекрестился. — У старика был удар, но мне удалось поговорить с ним прежде, чем он умер. Джетро был его отцом. Все сходится, как в головоломке. Как я и думал, злой Джетро и его несчастные рабочие были погребены отдельно. Однако дело обстоит намного хуже, чем я предполагал. Впрочем, я догадывался, что будет нелегко.

— Что такое... ты хочешь сказать?

— Старый Джо Льюис сказал, что Джетро нес в себе зло, что шахты были его черной церковью. А это может означать только одно: этот тип заключил договор с силами зла. Похоже, он сознательно принес им в жертву и взрослых, и детей.

— Боже, какой ужас!

— Такое бывало и раньше, наверняка будет случаться и впредь. Но меня больше беспокоит то, что произошло сегодня, — эти треугольники из веревок. Я почти уверен, что у парадной двери есть еще одни, такой же. Понимаешь, незримые силы зла не могут развешивать их сами, им для этого нужны люди — посланники, что означает одно: в Кумгилье существует секта поклонников сатаны! Враждебные жители, их запертые дома — все здесь скрывает ужасное зло. Пещеры — это их храмы!

— Не обратиться ли нам в полицию?

— Они ничем не смогут помочь. Мы должны вырвать черное сердце зла, что бьется в сланцевых пещерах, и уничтожить его. Когда это произойдет, остальное само зачахнет и погибнет. А пока мы не должны терять бдительность, потому что помечены ими, как был помечен Джо Льюис после разговора со мной. Они следят из укрытия за каждым движением. Их намерение погубить нас так же несомненно, как мое — избавить Кумгилью от проклятия Джетро Льюиса.

Глава одиннадцатая

— Мы давно не видели папу Рэнкина, — Эдриен слез с пластмассового медведя на колесах и потащил его за уши. В парке по мягкой траве ехать было трудно. Он почесал голову, взъерошив густые пепельные волосы, и подумал, что лучше бы взял с собой игрушечный катер. Но мама не любит, когда он приносит в парк всякие лодки, боится, как бы он не упал в большое озеро.

— Нам больше не нужно видаться с папой Рэнкином, — Фелисити переживала новое чувство ответственности с тех пор, как им разрешили приходить в парк одним. В семь лет девочка уже большая, если у нее есть пятилетний братик, за которым нужно присматривать, несмотря на его бесконечные капризы. — Джеральд теперь наш папа. Ма-

ма говорит, что он гораздо лучше папы Рэнкина и у него много денег, поэтому он может покупать нам новые игрушки и одежду. Я больше не хочу видеть папу Рэнкина... никогда! — Она даже топнула ногой, чтобы придать вес своим словам, но все равно они прозвучали неубедительно.

— Но папа Джеральд не играет с нами, — Эдриену хотелось пожаловаться на жизнь. — А еще он дерется с мамой.

— Не говори глупостей, — Фелисити строго взглянула на него. — Я знаю, он так не делает, потому что он любит маму. Мне мама сказала.

— А он дрался с мамой сегодня утром, — Эдриена было нелегко остановить. — Я знаю, я видел. Я пошел к ним в комнату, пока ты еще спала. Ты ведь знаешь, они иногда пускают к себе в кровать утром в воскресенье. Так вот, на них не было одежды, и папа был на маме, а она что-то громко говорила. И плакала тоже.

— Ты ничего не понимаешь, — Фелисити изо всех сил старалась говорить, как взрослая, надо же было образумить Эдриена. — Они не дрались, они любили. Ну, то, что обычно делают, когда хотят детей. Я знаю, мне моя школьная подруга Лайза рассказывала. Ее папа и мама занимаются этим каждое воскресенье, и если она тихонько заберется наверх, а они оставят дверь открытой, она может видеть их в зеркале.

— Нет, они дрались, — повторил Эдриен упрямо. — Мама бы не кричала, если бы это было не так.

Они могли спорить целый день. Чтобы прекратить разговор, Фелисити оставила брата одного, однако отошла недалеко, чтобы не терять его из виду. Она помнила, что обещала маме. Парк ей уже порядком надоел, в последнее время они больше никуда не ходили. Джеральд убедил маму, что здесь с ними ничего не может случиться. Они были достаточно разумны, чтобы не играть у озера, впрочем, у берега глубина не превышала нескольких дюймов. Фелисити вздохнула. Слоняться по парку было скучно. До ленча им не велели появляться дома, а потом снова отправят гулять в парк. Раньше все было не так, когда у них был настоящий папа. Ей приходилось все время напоминать себе, что она больше его не любит.

Она уселась на спиленное дерево, лениво наблюдая за Эдриеном. Он забавлялся тем, что пытался протолкнуть медведя по растущей пучками жесткой траве так, чтобы тот не упал. Иногда он бывает таким глупым, как маленький. Слезы навернулись у нее на глаза; она повторяла снова и снова, что не хочет видеть своего настоящего папу, но в такие минуты, как сейчас, понимала, что это неправда. Он бы не позволил им всегда ходить в парк одним. Раньше воскресенье было самым счастливым днем. По утрам надо было обязательно бывать в церкви, но днем они непременно шли куда-нибудь вместе. Парк не был единственным местом для прогулок между едой и сном. У них было столько интересных дел! Они кормили уток, и те, побрякивая, выбирались из воды на траву и ходили за ними по пятам. Или ловили рыбу самодельными удочками. Охотились за насекомыми и ловили бабочек. А иногда летом приезжал большой фургон с мороженым и леденцами на палочке, и все ребята в округе сбегались к нему, привлеченные веселой музыкой.

Сперва казалось, что жить с Джеральдом весело. Особенно когда он подарил им столько игрушек на Рождество, что у них глаза разбежались. Но Джеральду в голову не приходило помочь им разобраться с какой-нибудь сложной игрушкой, а мама как будто потеряла интерес к их играм. Она теперь проводила много времени вдвоем с Джеральдом. Может быть, они хотят, чтобы у них был еще один ребенок. Слезы покатались по щекам Фелисити; это будет самой большой катастрофой в их с Эдриеном жизни. Тогда они станут не нужны Джеральду. Он даже может — резкая боль сдавила ей желудок — прогнать их! Только на прошлой неделе к ним приходила женщина, у нее была жестяная банка, в которую она собирала деньги для одного дома, где живут такие дети. И мама дала ей целых пять фунтов. А вдруг она и Джеральд уже подумывают о чем-то таком.

Фелисити плакала навзрыд. Папочка, пожалуйста, вернись! И зачем только мама променяла тебя на Джеральда? Теперь она хочет, чтобы мы совсем не виделись с папой. Но мы увидимся с ним. Непременно. Мы убежим и поедem к нему, потому что знаем, как сильно он нас любит. Если маме и Джеральду мы не нужны, то почему они не отпра-

вят нас к папе? Мы сами поедem к нему, он нас спрячет и не позволит забрать обратно.

— Ну, будет плакать.

Фелисити резко обернулась — позади стоял мужчина. Слезы мешали ей, фигура незнакомца дрожала и расплывалась, но девочка заметила, что он улыбается. Она шмыгнула носом, вытерла слезы тыльной стороной ладони. Теперь она могла разглядеть его получше.

Фелисити никогда раньше не видела этого человека, но он почему-то казался ей знакомым. Высокий, смуглый, с черными вьющимися волосами. Он улыбался, но только ртом. Глазами он впился в девочку, как будто хотел проникнуть в ее затаенные мысли. Она вздрогнула, этот взгляд пугал ее. И мама всегда говорила, чтобы она ни за что не вступала в разговоры с незнакомыми людьми. Но этот человек напоминал ей кого-то и, значит, не был совсем уж незнакомым.

— Вытри слезы, так-то лучше, — у него был веселый, успокаивающий голос, и если бы он не смотрел так, он был бы довольно милым; однако Фелисити была не в силах оторвать взгляд от его глаз. — Что у тебя стряслось? Неужто ты так сильно скучаешь по настоящему папе?

— Откуда вы знаете о моем настоящем папе? — Фелисити изумленно уставилась на него. — Он... он что... ваш друг?

— Да, — мужчина огляделся: народу в парке было немного, всего несколько человек выгуливали собак или наслаждались утренней воскресной прогулкой. Несколько детей, среди них Эдриен, который умудрился-таки запутать поводок между ушей медведя и теперь в приступе раздражения дергал и пинал игрушку. — Я очень хорошо знаю твоего папу. И ему так вас не хватает, что вот сейчас он сидит дома и плачет.

— Ох! — Глаза Фелисити снова увлажнились. — Мне не нравится, когда мой папа плачет.

— Знаешь что, и ты, и он, вы оба плачете зря. Хотела бы ты вернуться к нему и снова жить вместе с ним?

— Да! — закричала она радостно. — Хочу! И Эдриен тоже хочет.

— Конечно, мы и его возьмем с собой, — мужчина странно усмехнулся. — Мы и не думали оставлять его здесь.

— Вы хотите сказать... вы собираетесь отвезти нас к папе?

— Только если ты действительно этого хочешь. Если нет, мы никуда не поедem. Понимаешь ли, пока я не увидел тебя плачущей, я думал, что ты вполне счастлива с новым папой. У него большой дом, новая машина, а у тебя такие игрушки, о которых ты раньше и мечтать не могла.

— Это совсем не так, — выражение лица Фелисити сделалось очень взрослым. — Сначала нам было хорошо, и мы любим маму. Но Джеральду мы на самом деле не нужны, он покупает нам всякие подарки только для того, чтобы порадовать маму.

— Так оно обычно и бывает. Но мы можем все изменить прямо сейчас. Позови брата, и не будем больше терять времени.

— Эдриен... Эдриен! — громко крикнула Фелисити. — Иди сюда! Тут друг папы Рэнкина, он хочет отвезти нас к нему. Беги сюда скорей.

Эдриен от изумления вытаращил глаза и произнес ругательства, подслушанные у Джеральда. Сначала он решил, что неправильно понял сестру. Но в следующий момент медведь был забыт, и Эдриен уже бежал со всех ног: "Мы правда поедem к папе Рэнкину? Честно?"

— Честно, — сказала Фелисити. — Этот человек отвезет нас.

— Это правда, — незнакомец смахнул соринку со своего темного костюма. Он вдруг заторопился. — Однако нам пора в путь. Ваш папа готовит для вас вкусный ленч.

Фелисити взяла его за руку, Эдриен — за другую, и они быстро зашагали к воротам парка. У выхода мужчина оглянулся, у него вырвался вздох облегчения.

Дети весело забрались на заднее сиденье ничем не примечательной "картины". Мужчина сел за руль и завел мотор. Вместе с мотором заработало радио, звук был таким громким, что они не слышали друг друга.

Дома, незнакомые улицы неслись мимо, расплываясь в глазах, когда машина набирала скорость. На остановках у светофоров мотор, пожалуй, тархтел слишком часто. Фелисити выглянула в окно и увидела, что город почти закончился, они ехали по пустырям. Она удивилась, но не испугалась. Возможно, незнакомец ошибся, свернул не туда и пока не понимает своей ошибки.

— Мы едем неправильно, — она постаралась перекрыть орущее радио.

Мужчина за рулем не отозвался на ее крик. Он смотрел вперед, дергая переключатель скоростей, как только красный свет сменялся желтым, и срываясь с места на зеленом, так что Эдриена и Фелисити отбрасывало назад.

Фелисити вцепилась в спинку переднего сиденья и, перегнувшись через него, отчаянно крикнула: “Мы не туда едем! Папа Рэнкин живет в другой стороне!”

Водитель искося взглянул на нее и нахмурился, густые черные брови сошлись на переносице. Он больше не улыбался, выражение лица и глаз стало одинаковым. Он громко приказал: “Заткнись и сядь на место!”

Фелисити не поверила своим ушам, и теперь почувствовала пронзительный страх, во рту вдруг пересохло, она с трудом выговорила то, что терзало ее душу: “Я вам говорю, мы едем не туда. Или мы едем вовсе не к папе Рэнкину? Остановите машину и выпустите нас!”

Водитель не остановился. Теперь они мчались по широкой автостраде в сельской местности, стрелка спидометра дрожала на отметке семьдесят миль в час. Фелисити ничего не могла разобрать на проносившихся мимо дорожных указателях. Она не понимала, куда они едут, но точно знала, что этот путь не приведет к “Пресвитерской”. Эдриен, казалось, ничего не замечал; он сосал палец, как обычно, когда ехал в машине.

Фелисити встряхнула брата и крикнула ему в ухо: “Этот человек едет не к папе. Он едет в какое-то другое место. Он — нехороший человек, он гадкий!”

Но малыш и тут не выказал тревоги. Он лишь непонимающе взглянул на сестру; все происходило слишком быстро для его маленького ума. К тому же он привык во всем следовать за сестрой, и всегда все кончалось хорошо.

Проехав еще несколько миль, водитель сбавил скорость и свернул с автострады на проселочную дорогу, подняв при этом клубы пыли, как будто специально, чтобы скрыться от любопытных глаз. Встав на колени, Фелисити испуганно выглядывала в окно. Пустынная местность, выгоревшая трава, кое-где чудом уцелевший куст. Кругом ни души. Как будто они попали на другую планету. Фелисити заплакала, младший брат последовал ее примеру.

Они не сразу заметили старый, обветшалый фермерский дом. Он стоял в самой глубине лощины, по которой они теперь ехали. Мрачный, неприветливый дом казался брошенным, словно прежние обитатели, покинув его однажды, больше не вернулись. Или умерли здесь, и никто их не обнаружил. Крыша зияла дырами там, где шифер сдуло ветром, древесину точили жучки. Треснувшие, а кое-где и выбитые оконные стекла; коричневая краска хлопьями отставала от подоконников, входная дверь перекосилась.

Даже сорнякам приходилось здесь несладко. Поникший под тяжестью семян чертополох нуждался в ветре, который бы разнес по земле его потомство, а пожухлая крапива — в неосторожном путнике, чтобы ужалить его. Когда-то двор перед домом был вымощен, но теперь булыжник покрылся толстым пушистым ковром темно-зеленого мха, примятого колесами автомобилей.

“Кортина” остановилась, мотор и радио заглохли одновременно. Водитель вышел, хлопнув дверью, и направился к дому.

— Скорей, — дрожащими пальцами Фелисити пыталась справиться с дверной ручкой, — выбирайся отсюда, Эдриен, и беги. Он вошел в дом. Беги и спрячься, пока он не вышел.

Но через несколько секунд надежда на спасение умерла. Дверь не поддавалась. Фелисити поняла, что замок стоит на предохранителе, как в “даймлере” Джеральда.

— Не плачь, — Эдриен тщетно пытался утешить сестру. — Может быть, это папин дом. Папа купил его, чтобы мама и папа Джеральд не могли нас найти и чтобы мы жили с ним всегда.

Но Фелисити знала, что это неправда. Она была уверена, что папы там нет. Потому что их папа был хороший, а это место — плохое, даже солнечные лучи не могли проникнуть сюда, чтобы рассеять холод и мрак.

Незнакомец вернулся, рывком открыл заднюю дверь, и по его лицу дети поняли, что надо вылезать из машины. От страха они не могли произнести ни звука. Они больше не помышляли о побеге, этот человек мог бы догнать их в два прыжка. Он шел впереди, уверенный, что дети следуют за ним.

Внутри было так темно, что они почти ничего не видели. Они шли по длинному, покатоному коридору, вымощенному грубым камнем. Все было пропитано затхлым, едким запахом, напоминавшим гниющие растения.

Со скрипом распахнулась дверь в щербатой стене. Дети съежились от страха, увидев в темноте горящие глаза их похитителя. Он остановился, пропуская их вперед: "Вы оба, заходите сюда".

Эдриен попятился было назад, но Фелисити схватила его и потащила за собой. Они не должны сердить этого ужасного человека, иначе он сделает с ними что-нибудь очень плохое. Он уже много раз их обманул, и он, конечно, не папин друг.

Дверь с шумом захлопнулась. Они слышали скрежет засова и удаляющиеся шаги, гулко отдававшиеся в пустом доме. Затем наступила тишина.

Они жались друг к другу, не смея оглядеться кругом, из боязни увидеть что-то страшное. Свет проникал в комнату через единственное маленькое окошко высоко в стене, квадратный фут грязного стекла. Вся мебель — кривой стол с откидной крышкой и диван в углу.

Фелисити повела Эдриена к дивану. Ноги больше не держали ее, а садиться на грязный, разбитый пол не хотелось. Диван отсырел, пятна плесени покрывали толстую обивку. Она села и взяла Эдриена на колени. Он прижался к ней и затрясся в рыданиях.

— Не бойся, я с тобой, — сказала она и подумала, как было бы хорошо, если бы вдруг появился папа Рэнкин. Или хотя бы Джеральд, или мама. Но они не придут. Никто не придет, кроме этого человека с колючим взглядом, и это угнетало больше всего. Потому что он хотел сделать с ними что-то ужасное.

Тишину нарушало лишь ее собственное дыхание и всхлипывания Эдриена. Он скоро заснет, зажав большой палец во рту. Но она должна бодрствовать, чтобы охранять брата.

Папа часто говорил: если будешь хорошей и будешь помогать другим людям, Бог защитит тебя. Фелисити попробовала прочесть молитву, но здесь это было трудно, не то что в церкви, где все молились вместе и самые лучшие слова находил папа. Видно, Бог их оставил, иначе он не

позволил бы этому человеку увезти их. Может быть, это наказание за то, что они давно не были в церкви. Джеральд говорит, что ходить в церковь — пустая трата времени.

В комнате стало совсем темно, наверное, уже вечер, значит, они пробыли здесь уже много часов. Эдриен спал, сжавшись на коленях у Фелисити. Она сняла кофточку и укутала его.

Дальнейшее она видела смутно, как во сне. В плохом сне, какие снятся во время болезни. Фелисити трясло от страха. Рядом с ней дрожал, как в лихорадке, Эдриен.

Какие-то люди, и тот с дурными глазами среди них, грубо оторвали детей друг от друга. Их лица сверкали в темноте, будто были намазаны светящейся краской, в отвратительных усмешках не было веселья. Мелькающие лица призраков.

Фелисити хотела закричать, но не могла. Их несли, чужие пальцы впивались в тело, ни одного ласкового прикосновения. Вниз по коридору, потом вверх по лестнице. Невнятные голоса, как шепот на ветру.

Их внесли в просторную комнату, слабо освещенную, однако достаточно, чтобы разглядеть то, что в ней было. Странные пометки на полу, начертанные мелом; Фелисити подумала, что они напоминают линии в школьном спортзале, только смысл здешних линий ей был совершенно непонятен. Оклеенные черной бумагой стены увешаны какими-то фигурками, похоже, вырезанными из серебряной фольги. Все было похоже на театр со сценой, напоминавшей алтарь в церкви папы Рэнкина, с той лишь разницей, что этот “алтарь” был задрапирован черной тканью.

Эдриену удалось крикнуть, и тут же женская рука зажала ему рот. Он слабо сопротивлялся, пока его несли к сооружению в виде алтаря. У Фелисити же было такое ощущение, что она перенеслась по воздуху и опустилась на высокий помост рядом с братом. Сильные пальцы крепко держали обоих за щиколотки и запястья. Потом появились грубые, натирающие кожу веревки; их связали, накрепко затянув узлы, так что руки и ноги тут же стали

затекать. А чтобы они не вздумали кричать, рты им заткнули тряпками.

Люди, которые проделали все это с ними, отошли назад, словно для того, чтобы полюбоваться на свою работу. Фелисити искоса взглянула на них сквозь полуприкрытые веки, и дикий ужас, какого она никогда не испытывала раньше, охватил ее. Они все были совершенно голые! Мужчины и женщины, молодые и старые, с упругими торчащими грудями и с обвисшими, старыми. Их глаза, блестевшие неестественно ярко, выражения лиц, как у диких зверей, — все подавляло и вызывало страх. Переговариваясь между собой, люди с благоговейным трепетом взирали на того, кто стоял на возвышении напротив — на смуглого мужчину, того самого, что похитил детей и привез сюда.

Широкими лилово-пурпурными одеждами, украшенными рисунком, он напомнил Фелисити папу Рэнкина. Лицо смуглого человека было неподвижно, только взгляд менял направление, он падал то на пленников, то на два десятка человек, собравшихся в зале. Повинуясь его воле, толпа затихла, подавленная пронизывающим, как осенний ветер, холодом, исходившим от этого человека.

Над ним висел гобелен с изображением козлиной головы и знаков Зодиака. Потайная подсветка ткани производила странное впечатление: глаза чудовища вспыхивали, оживая; казалось, они все видят и понимают.

Люди расprostерлись ниц, бормоча непонятные заклинания. Лишь тогда Фелисити поняла, что они находятся в какой-то церкви, только здесь служат не Богу. Здесь не возникало чувство покоя и безопасности, как в папиной церкви. Здесь царили холод и яростная злоба, исходившая от безобразной головы козла, наделившей своей властью того единственного человека, на котором была одежда.

Фелисити взглянула на Эдриена: расширенные от ужаса глаза; крик, заглушенный кляпом. Священник — именно им был человек в ризах — медленно обернулся, его губы сложились в подобие улыбки. Он встал позади Эдриена, держа в каждой руке по предмету. В левой — нечто вроде чаши из черного металла, в правой — длинный нож. Сталь клинка утратила первоначальный цвет, как если бы долго лежала в сырости и заржавела. Господь смилостивился над

девочкой: она не узнала пятен свернувшейся и засохшей крови.

В комнате опять стало темней, однако вышитая козлиная голова была хорошо видна, особенно отвратительные красные глаза, устремленные на алтарь. Страшный холод сковал Фелисити. Она не понимала, что происходит. Она только знала, что эти люди хотят причинить зло ей и брату. А она обещала маме присматривать за ним!

Эдриена повернули на бок, так что он едва держался на краю помоста, чаша оказалась под нежным детским горлом, нож — занесен. Гул голосов постепенно нарастал, пока не стал подобен реву толпы на рок-концерте: к р о в и... крови... дай нам крови!

Фелисити смотрела и не верила своим глазам; надрез — и кровь фонтаном брызнула в подставленную чашу, немного пролилось мимо и закапало пол. Разве это дергающееся тело — ее братик? Такого просто не может быть.

Это дурной сон. Вот сейчас она проснется и увидит у своей кровати маму, с тревогой заглядывающую ей в лицо: “Тебе нехорошо, милая, я принесла тебе аспирин, а завтра можешь не ходить в школу. И мы попросим доктора Вудворда прийти посмотреть тебя”.

Но мама не появлялась. Чья-то фигура с неясными очертаниями склонилась над ней. Доктор Вудворд? Все расплывалось у нее в глазах, однако девочка догадалась, что это не он. Может быть, другой доктор пришел вместо него? Огромную черную посудину прижали к ее горлу пониже подбородка. Он что-то говорил ей, но ветер на улице завывал так сильно, что она не могла расслышать. Однако догадаться было нетрудно. “Я держу это на случай, если тебя будет тошнить. А сейчас я хочу посмотреть твоё горлышко, поэтому прижму тебе язык вот э т и м “.

Что-то сверкнуло на свету. Оно было непохоже на ложку. Может быть, мама дала ему нож по ошибке, потому что расстроилась и не понимала, что делает. Надо сказать ему, что это опасно, нож острый и может поранить язык. Но она не могла говорить, что-то зажимало рот. Что ж, тем лучше, он не сможет сунуть ей нож в рот, пока не уберет то, что мешает говорить, и тогда наверняка заметит свою ошибку.

Острая боль пронзила горло. Наверное, у нее гланды не в порядке, и ей делают операцию в больнице. Нет, непохоже, перед операцией усыпляют.

Что-то струей лилось в чашу, разбрасывая брызги. А ужасная звериная морда с красными горящими глазами усмехалась, глядя на нее. Конечно, теперь ясно, это сон, и она вот-вот проснется.

Горло невыносимо болело. Она зажмурилась, но и с закрытыми глазами чувствовала на себе пристальный взгляд чудовища. Как будто козел был живой и наблюдал за ней, и угрожал ей.

Сон пришел быстро, притупив боль. Фелисити чувствовала, что улетает куда-то. Скоро она проснется, и мама будет рядом. Мама растолчет ей аспиринку в пластмассовой чашечке. И тогда боль пройдет насовсем.

Глава двенадцатая

— Конечно, я мог бы спуститься с вами в шахты Кумгильи, ваше преподобие...

— Отец, — поправил Рэнкин низенького человека с заросшим щетиной подбородком. — Можете звать меня просто Саймон.

— Годится, Саймон, — тот слегка покраснел от смущения и невольно глянул в окно, будто желая убедиться, что Кумгилья не провалилась сквозь землю. — Я уже несколько лет не лазил по пещерам — с тех пор, как они превратили это место в туристский аттракцион. В былые годы, когда шахты закрылись и еще не были снова открыты для публики, я там частенько бывал. Это опасно для простых ротозеев, а для умельца — хороший кусок хлеба с маслом. Все туннели прорыты людьми, и нужно только знать, как доползти до определенного места. Большинство пещер соединяется друг с другом, однако если пропустить нужный поворот, вы будете блуждать по кругу до второго пришествия. Когда-то были карты подземелья, но, я думаю, Мэ-тисон собрал их все и спрятал под замок. А как бы они нынчегодились! Никому сейчас так не нужна карта, как ему там, внизу.

— Вы, похоже, не очень-то верите в то, о чем я рассказывал, мистер Беллмэн? — Саймон взглянул на Андреа, сидевшую рядом. Она выглядела смертельно усталой.

— В привидения? Ну, я думаю, на земле и на небесах есть много такого, о чем мы не догадываемся. Я готов допустить, что в шахтах есть что-то в этом роде, но оно не удержит меня от спуска под землю.

— Что нового слышно о Мэтисоне и других? Я ходил туда, но полиция никого не пропускает.

— Насколько я знаю, произошел обвал в туннеле фуникулера, так что никто не может ни подняться, ни спуститься. Полагают, что завал частичный, и там работает бригада спасателей. Если лавина не добралась ниже, то нет никаких причин беспокоиться о людях.

— Но нам не позволят воспользоваться спусками для туристов, — продолжал Саймон, — поэтому я рассчитываю, что вы найдете вход где-нибудь в другом месте.

— Кажется, я припоминаю один такой лаз, он бы нас вполне устроил, — Малькольм Беллмэн потер щетину на подбородке. — Правда, придется протопать не меньше полутора миль. Он выходит на поверхность в верхнем слое глубокого спуска.

— Вот и отлично. Когда мы отправимся?

Андреа напряглась и открыла было рот, но промолчала, решив, что свое участие в вылазке обсудит позже.

— Я смогу не раньше завтрашнего вечера, — решительно заявил Беллмэн. — Сегодня мне надо быть на заседании общества спелеологов в Конвее. С утра пойду на работу. Скажем так, завтра в шесть вечера. Заходите за мной сюда, и мы отправимся.

Саймон вздохнул. Он терял самое важное — время. За двадцать четыре часа злые демоны, исполнившись жажды мщения, могут разрушить шахты до основания.

— Может быть, — он заколебался, — вы покажете мне дорогу, и я все сделаю сам?

— Так не пойдет, — Беллмэн был неумолим. — Вам оттуда не выбраться. Либо заблудитесь, либо попадете под обвал. И меня всю жизнь будет мучить совесть.

Саймон Рэнкин неохотно кивнул в знак согласия: “Хорошо, придется ждать до завтрашнего вечера. Но я хотел вас спросить кое о чем, Малькольм. Что происходит с обитателями Кумгильи?”

— Что вы имеет в виду?

— Почему люди здесь такие скрытные, почему они все время прячутся взаперти, боятся собственной тени? Ведь не потому же только, что потеряли сланцевый промысел. За этим кроется нечто более страшное.

— Не знаю, — Беллмэн снова взглянул в окно. — Я здесь живу всего год. Жена ненавидит это место, что правда, то правда. Если б мы нашли покупателя на дом, завтра же уехали бы. Но недвижимость идет туго, спроса нет. Да и кто захочет жить в Кумгилье? Мы-то думали, что нашли спокойное место, когда переехали сюда из центральных графств, но оказалось, что ничего хуже нельзя было придумать. Мне бы раньше догадаться, что тут что-то не так, когда я увидел в объявлении цену дома — его продавали дешевле грязи, но по оценке инспектора все было высший класс. И пока мы не переехали, я ни о чем не догадывался. Деревенские обращаются с нами, как с прокаженными. Джун до того дошла, что совсем не хочет выходить, вот я и отослал ее на недельку к матери. Она рехнется вконец, если останется тут. Но один Бог знает, когда мы сможем отсюда выбраться.

— Завтра утром хоронят старого Джо Льюиса, — сказал Саймон, — я думаю пойти на похороны. Интересно, кто там еще будет. Кстати, я хотел бы познакомиться с викарием.

— Со стариной Брэйтуэйтом, — Малькольм Беллмэн коротко хохотнул. — Он довольно безобидный, в возрасте — ему далеко за семьдесят, да и какой молодой парень согласится губить здесь свои лучшие годы? Бог ты мой, на воскресные службы собирается по полдюжины человек, для такого количества, пожалуй, и не стоит трудиться на органе играть. Народ в Кумгилье не склонен посещать церковь... может даже показаться, что они боятся ходить туда. Брэйтуэйт и по домам больше не ходит. Наверное, слишком часто у него перед носом захлопывали дверь.

— Значит, здесь, в Кумгилье, избегают Бога, — задумчиво пробормотал Саймон Рэнкин, а про себя подумал: "Все совпадает". Он встал и помог подняться Андреа.

— Ну что ж, спасибо за помощь, Малькольм. Завтра в шесть буду у вас.

— Ага, — Малькольм Беллмэн проводил их до двери, — и оденьтесь потеплей. В пещерах чертовский холод.

Темная туча опустилась еще ниже, окутав деревню туманом, какой бывает зимой; серые холодные испарения казались воинством призраков, окруживших людей, чтобы отнять у них жизнь. Дрожа от холода, Андреа глубже нагнула капюшон.

— Саймон, — она взяла его за руку, — я хочу завтра спуститься в шахты вместе с тобой.

Он резко прервал ее: “Я уже говорил тебе, это не место для женщины, тем более, мы пойдем по трудному маршруту”.

— Я не хочу быть одна, не хочу расставаться с тобой. Неужели ты не видишь, как опасно оставлять меня одну? Вспомни прошлую ночь. Несмотря на все предосторожности, они проникли в меня. И это может повториться. Пусть тебе пока не удалось победить, но ты достаточно силен, чтобы отбиваться от них. А если... если что-нибудь случится... пусть это случится с нами обоими.

— Конечно, ты права, — он обнял и прижал ее к себе, — как всегда. Честно говоря, я думаю, опасность одинаково угрожает тебе и внизу, и наверху, тем более теперь, когда мы подозреваем, что в деревне живут прямые носители зла. Хорошо, пойдем вместе. И должен сказать, я очень признателен за то, что ты хочешь быть со мной.

— Куда мы идем? — Она вдруг заметила, что они не поднимаются на холм к своему коттеджу, но, дойдя до пустынной мощеной площади в центре Кумгильи, поворачивают налево.

— Хочу побеседовать с преподобным Брэйтуэйтом. Возможно, он тот самый человек, который поможет нам выяснить, что здесь происходит на самом деле.

— Чрезвычайно рад вас видеть, — преподобный Брэйтуэйт провел Андреа и Саймона в просторную гостиную. Он был высок и костляв, годы оставили на нем свой отпечаток: редкие седые волосы, легкая сутулость; дрожание рук наводило на мысль о начинающейся болезни Паркинсона. Голосом он слегка играл, возможно, приобретая эту покровительственную манеру в прежние годы, когда проповедовал с амвона, и она осталась на всю жизнь. Изможденное лицо с глубокими морщинами наводило на

мысль о понесенной им утрате — возможно, он пережил смерть любимой жены, оставившей его в одиночестве завершать труды земные.

Он непременно захотел напоить их чаем и сервировал угощение на маленькой тележке из красного дерева. Старик явно был рад неожиданным гостям.

— Иезуит? — Укор тут же уступил место снисходительности. — Что ж, все мы слуги Господа, не так ли? — Он положил сахар в чай, подал им чашки и присел сам.

— Стало быть, вы тот самый молодой человек, который обнаружил несчастного мистера Льюиса, — Брэйтуэйт покачал головой и довольно шумно отхлебнул из чашки. — Бедняга, лучше бы ему уйти пораньше. Немногие люди осознают трагедию старческого слабоумия. Человек теряет достоинство, самоуважение. В октябре ему исполнилось бы девяносто четыре. Какие страшные дни переживаем мы сейчас в Кумгилье! Эти люди потерялись в шахтах, а теперь и сам мистер Мэтисон пропал. Я только что оттуда, в душе молился Господу об их здравии; боюсь, это все, чем я могу им помочь.

— Жители Кумгильи отвернулись от Господа, не так ли, ваше преподобие? — Саймон старался придать голосу небрежность, однако глаза смотрели на старого священника в упор.

— Отвернулись от Господа! — согбенная спина напряглась, чай пролился в блюдо. — Голубчик, с чего это вы взяли?

— Да с того, всего-навсего, что если на богослужение соберется полдюжины прихожан, можно считать, что вам повезло. И во многих домах вас не приветчают. Они отвергли вас так же, как и Бога.

— Вот как! — Священник поставил чашку с блюдцем на столик, посуда дребезжала в дрожащих руках. — Больно слышать такие слова.

— Но мы не можем отворачиваться от правды. Это не ваша вина, викарий, но почему бы нам с вами не попытаться сделать что-нибудь?

Старик в полном изумлении уставился на Саймона: «Нам с вами?»

— Как вы совершенно верно изволили заметить, мы оба — слуги Господни. Давайте говорить начистоту, ваше пре-

подобие. Деревня поражена ужасной злокачественной опухолью, свирепое чудовище таится среди нас. Его питает очень мощная сила, творящая зло. Она пребывает в шахтах, и завтра вечером я надеюсь изгнать ее.

— Вы имеете в виду Джетро Льюиса и тех людей, которых он бросил вниз перед тем, как бездна поглотила и его?

— Так вы знаете! — удивился Саймон. — Я должен был идти к вам в первую очередь.

— Старый Джо рассказал мне об этом несколько лет назад. Тогда я не знал, можно ли верить его бессвязным речам. Но прошло время, и я понял, что он говорил правду. А в прошлом месяце церковь была осквернена, ворвавшиеся нечестивцы богохульствовали в глазах Господа, творя святотатство.

— Вы обращались в полицию?

— Зачем? — Старик печально покачал головой. — Моя задача — обращать в веру жителей Кумгильи, а не предавать их в руки правосудия. Могильные плиты были забрызганы краской, а одну очень старую могилу раскопали и вытащили скелет. Кости использовали для... с а т а н и н ского обряда.

— Вот об этом я и пришел поговорить с вами, викарий, — Саймон заметил, как лицо священника побледнело от нахлынувшего гнева. — Зло, посеявшееся в шахтах Кумгильи, — первопричина того, что происходит сейчас в деревне. Если я смогу побороть его, то вся остальная нечисть зачахнет и отомрет. В этом я уверен.

— Но те, кому Джетро Льюис уготовил столь ужасную участь, не были злом. Среди них были дети, в том числе юная племянница Джетро.

— Тогда они не были злом, — Саймон старался говорить как можно убедительнее, — но за годы, что они были погребены в этом ужасном месте, у них возникло огромное желание отомстить Джетро. Оно исполнило их горечью, а затем и злом. Теперь они так же опасны, как сам Джетро.

Саймон Рэнкин коротко рассказал о том, что с ним случилось и к каким выводам он пришел.

— Я вам верю, — сказал Брэйтуэйт, выслушав Саймона, — и не сомневаюсь, что вы верно определили, откуда исходит угроза. Однажды я предпринял попытку изгнать

злого духа, не очень опасного, однако изрядно досаждавшего обитателям того дома, где он пребывал. С тех пор о нем больше не слыхали, поэтому смею думать, что я добился успеха. Возможно, я мог бы помочь вам в вашем деле, отче.

— Нет, — Саймон отрицательно покачал головой. — Прогулка в шахты была бы слишком обременительной для вас, ваше преподобие. Однако ваша помощь может понадобиться завтра утром. На похоронах.

— На похоронах Джо Льюиса?

— Именно. Он прожил всю жизнь среди этих людей, работал с ними, служил им. Будет небезынтересно узнать, сколько и особенно, кто из них придет отдать ему последний долг.

— Я не совсем понимаю...

— Вам наверняка известно, ваше преподобие, что не могут пребывать в Боге преломившие хлеб с дьяволом. Избравший путь мрака не может войти в церковь или в иное святое место, если только не приходит с целью осквернения. Завтра мы посмотрим, сколько людей явится, и методом исключения сможем определить тех, кто запятнал себя непотребством.

Преподобного Брэйтуэйта трясло, и причиной тому была не только болезнь.

— Момент истины близится, — пробормотал он, — воззовем же к Господу, да не покинет нас.

На следующее утро Саймон Рэнкин проснулся с легкой головной болью. Он застонал; за окном клубился туман, и он почувствовал, как его охватывает тоска, словно как-то связанная с этим туманом. В кровати рядом с ним никого не было. Он резко сел, но, услышав шаги Андреа, вздохнул с облегчением. Слава Богу! На секунду он испугался, что те пришли ночью и похитили ее. Сегодня день похорон — судный день для этих угрюмых людей, когда один из них, столько лет хранивших постыдную тайну, будет предан земле.

— Погода отвратительная: туман и сырость, — Андреа открыла ногой дверь и внесла поднос с чаем. Саймон заметил, что на ней лишь нейлоновый домашний халатик,

накинутый на голое тело; значит, она снова собиралась лечь в постель.

— Нам нет нужды спешить, — он заставил себя улыбнуться. — Служба начнется не раньше половины двенадцатого. Как тебе спалось?

— Я спала как бревно, без снов, по крайней мере ничего не могу вспомнить.

— Я тоже. — Это было странно; если силы зла пытаются подорвать их веру, этой ночью им должны были бы сниться тревожные сны. Значит, их бдительность хотят усыпить ложным чувством безопасности. Он не мог поверить, что их оставят в покое. А головная боль могла быть простым совпадением, следствием нарастающей усталости.

Андреа выпила чай и откинулась на постель, поставив чашку на столик. Она принялась освобождаться от халата, обнажая гибкое, чувственное тело. Саймон знал, чего ей хочется, и улыбнулся. Хороший способ начать день — даже такой, как сегодня, когда густой, неприглядный туман окружил их со всех сторон. Это также неплохое средство от головной боли. Он повернулся к Андреа и прижал ее к себе.

В начале двенадцатого Саймон и Андреа вошли в церковь. В ней было сумрачно и пусто. Скамьи кое-где были сильно поцарапаны, как будто их ковыряли острым ножом. Единственная свеча у алтаря не позволяла видеть его целиком, а в стенках амвона недоставало нескольких досок.

Тихо звучал орган, его окружала легкая занавесь, из-за которой виднелась лысеющая макушка. Казалось, органист стремится скрыться от глаз прихожан, боясь быть узнанным.

Они сели в заднем ряду и огляделись. Церковного служки нигде не было видно. По-видимому, прихожане сами должны были брать молитвенники и псалтыри у входа и класть их обратно, выходя из церкви. Служили здесь лишь викарий да органист, в этой безбожной юдоли фигуры малозначимые, обреченные на поражение.

Часы на увитой плющом башне пробили четверть двенадцатого, снаружи удары заглушал туман, но в церкви долго раздавалось их эхо. Саймон и Андреа напряженно

вслушивались. В ризнице слышался шорох, видимо, священник готовился к службе.

Медленно текли минуты. Им показалось, что они слышат гул снаружи, но никто не вошел в церковь. Послышался шум приближающегося автомобиля, он остановился; тормоза явно нуждались в смазке. Звуки стали громче и отчетливей. Вот по дорожке, ведущей от покойницкой, покатился катафалк, поскрипывая на сланцевой крошке; раздались невнятные голоса.

Двери церкви широко распахнулись, органист заиграл громче, будто стараясь заглушить отголоски мирской суеты. Двое носильщиков в мешковатых серых костюмах подкатали гроб к подножью алтаря. За ними следовал высокий человек с болезненным лицом, профессиональный поминальщик, он прошел в первый ряд.

Брэйтуэйт широким шагом направился на свое место в конце хоров. Его высокий голос вибрировал: "Бог дал и Бог взял..." Он склонился перед распятием и, обернувшись, встретился на миг глазами с Саймоном. Ошибки быть не могло: во взгляде старого священника застыл страх.

Когда они преклонили колена, Андреа взяла Саймона за руку. В похоронах всегда есть нечто пугающее. Смерть. Извечный человеческий страх перед неизвестностью. У нее из головы не шли сланцевые копи Кумгильи, царившие в них холод и мрак. Они создавали ощущение вечных похорон, а липкие, холодные щупальца тумана разносили его повсюду, проникая даже в церковь. Андреа вздрогнула.

Саймон чувствовал растущее напряжение; те немногие люди, что собрались в церкви, будто замерли в тревожном ожидании. Глупо, однако, было так думать. Похоронных дел мастера ничего не могли чувствовать, они посещали в день не менее дюжины церемоний, это была их работа. Они научились искусно выражать печаль на лицах, в уме подсчитывая вознаграждение за каждую службу. Кумгилья была для них лишь местом, где они получают очередной чек, а Джо Льюис — трупом, который требуется зарыть в землю.

Никто из деревенских так и не появился. Брэйтуэйт явно испытывал трудности: то ли ему отказывали голосовые связки, то ли зрение. Уткнувшись носом в молитвенник,

он бормотал что-то монотонно и нервазумительно. Необходимо было включить свет. Внезапно Саймон Рэнкин почувствовал запах растопленного воска и встревожился. Боже — единственная свеча погасла, и лишь струя едкого дыма поднималась к потолочным балкам. Дыма становилось все больше, он принимал странные формы, наконец стал таким густым, что грязновато-серый свет дня уже не мог проникнуть в небольшие окна. Этот дым напоминал уличный туман, он так же клубился и погружал все во мглу.

Саймон ощутил присутствие зла: пронизывающий холод, мерзкий запах, будто тело в гробу уже начало разлагаться. Он хотел встать, распахнуть пошире двери, впустить свет и воздух, включить лампы. Но не мог пошевелиться и почти ничего не видел... Рядом застыла в оцепенении Андреа, неподвижно глядя в пустоту.

Теперь они были не в церкви, а в какой-то большой комнате с темными драпировками на стенах. Там тоже был алтарь, поэтому на первый взгляд это место можно было по ошибке принять за церковь. Кто-то снова зажег свечу, она отбрасывала дрожащие тени. У алтаря толпились люди — обнаженные мужчины и женщины с вкрадчивыми повадками голодных хищников.

Там был и священник, вовсе не похожий на Брэйтуэйта. Он был выше ростом, подвижнее, а глаза блестели так, что хотелось отвернуться. Но это не удавалось: сила его взгляда гипнотизировала.

На алтаре шевелились две связанные фигурки, казалось, они хотели освободиться, но не могли. Остальные, тесно прижавшись друг к другу и встав в круг, злобно шипели, как ядовитые змеи перед схваткой: "дай нам крови... дай нам крови!"

Свеча вспыхнула ярко, будто слышала их и подчинилась силе, гораздо более могущественной, чем пожиравшее ее пламя. Теперь можно было разглядеть, что на алтаре связаны веревками двое детей, мальчик и девочка, кляпы во рту скрывали их лица.

Высокий человек обернулся, взгляд его искал кого-то за пределами освещенного круга. Саймон Рэнкин почувствовал сильный удар, его прижало к сиденью, но он по-прежнему не мог пошевелиться.

Это смуглое лицо, такое знакомое и такое сатанинское. Зло из пещер, принявшее обличье человека, который с нескрываемым торжеством приближался к маленьким пленникам, держа в одной руке чашу, а в другой — занесенный нож.

И в следующее страшное, помутившее рассудок мгновение Саймон Рэнкин понял, кто эти предназначенные в жертву дети — Эдриен и Фелисити. Каждый нерв, каждый мускул напрягся в нем, но все тщетно: крик так и не вырвался из разинутого рта. Его рассудок балансировал на грани безумия, почти перейдя ее.

Кровь брызнула в чашу; зловещий человек в священнических ризах, потешаясь, наблюдал за Саймоном. Затем настала очередь Фелисити. Все повторилось, только медленней: вязкая алая жидкость пузырилась и переливалась через край. Наполненную чашу пустили вкруговую. Отвратительные твари пили, дрались из-за нее; напившись вволю, вампиры довольно скалились, размазывая красные слюни по подбородкам.

В церкви стало светлее, едкий дым взмыл кверху и вышел через открытый люк в потолке; рассеявшись по темным углам, мрак сменился сумрачным светом. Саймон Рэнкин обнаружил, что может пошевелиться, хотя конечности двигались вяло, как после сильной судороги.

Брэйтуэйт стоял на своем месте, обернувшись к удручающе малочисленной пастве. Дрожащим голосом он произносил бессвязные слова, которые могли бы служить утешением, если бы хватило сил вдуматься в старческое бормотанье.

— Если я пойду и долиною смертной тени... не убоюсь зла... потому что...

Прижавшись к Рэнкину, Андреа выдохнула: “О, Господи! — Она чуть не упала, ослабевшие ноги едва держали ее. — Ты... видел?”

— Я... видел... — Саймону пришлось схватиться за спинку скамьи, чтобы удержаться на ногах.

Люди зашевелились, катафалк катился по проходу чуть быстрее, чем следовало бы. Брэйтуэиту и поминальщику пришлось прибавить шаг, чтобы догнать его. Саймон и Андреа пристроились сзади — странная процессия нестройным шагом вошла в холодный туман. Не задержива-

ясь, они поспешили вниз по склону к кладбищу, к зияющему прямоугольнику могилы, пропитавшей воздух дурманным запахом мокрой земли.

— Пепел к пеплу... прах к праху, — мямлил Брэйтуэйт, с трудом подбирая нужные слова. Носильщики бросили в яму по горсти земли. Мелкие камешки застучали по крышке гроба, и на миг показалось, что это не камешки, а Джо Льюис стучит изнутри, отчаянно требуя, чтобы его вызвали оттуда, пока не поздно.

Лежавшие наготове лопаты пошли в ход. Головная боль вернулась к Саймону с удвоенной силой, как отмщение, пульсируя в такт ударам земли о гроб. С негромким стуком покатился назад пустой катафалк. У могилы, не в силах сдвинуться с места, остались только они двое и викарий.

Саймон Рэнкин заметил какое-то движение в стороне, за живой изгородью из тиса. Сквозь густо разросшуюся листву виднелись лица; иссиня-бледные, враждебные, они наблюдали за ними.

Андреа прижалась к нему. Викарий, казалось, не замечал, что на них смотрят. Он пребывал в оцепенении, опершись на древко лопаты и неотрывно глядя в могилу, будто намеревался в одиночку перебросать всю кучу земли.

За изгородью собралось немало народу. Стоявшие сзади вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Они в упор разглядывали Саймона и Андреа. Их губы неслышно шевелились. Кто-то смачно плюнул в просвет между листьев, кто-то грязно выругался. В задних рядах раздался смех, прозвучавший как распев: дай нам крови!

Одно лицо выделялось среди прочих. Саймон узнал его по глазам, по пронизывающему, пылающему взгляду. Невомверная сила этих глаз, порожденная злом, проникала всюду и подчиняла своей воле.

И в этот миг Саймону стало окончательно ясно, что Эдриен и Фелисити погибли мученической смертью, их кровь пролилась в чашу Сатаны и была выпита поклоняющимися ему. Он зашатался и упал бы, если бы Андреа не поддерживала его. Припав к ней, он корчился под градом насмешек, беззвучно сыпавшихся на него из-за кладбищенской ограды. Но когда его рассудок едва не сорвался в пропасть, откуда нет возврата, внезапная догадка вспыхнула в нем и заставила повернуть назад. Тот человек,

темнокожий, ужасный, зло сделало его почти неузнаваемым. Почти, но не совсем! Лишь одна примета отличала прислужника тьмы от местного жителя, прячущегося за изгородью. Черная борода. Дьявольская сущность жреца обитала в оболочке из плоти и крови здесь, в Кумгилье. И Саймон Рэнкин знал, он не мог ошибиться: Илай Лилэн, хозяин “Лагеря Карактака”, был главной фигурой, державшей Кумгилью в страхе.

Саймон отошел от края бездны, когда его сердце наполнилось жаждой отмщения, желание расплаты взяло верх над ужасом и отчаянием. Отныне только полное уничтожение неслыханного зла успокоит его душу!

Глава тринадцатая

В течение дня Саймон Рэнкин несколько раз пытался дозвониться Джули из телефонной будки на площади, но телефон Джеральда не отвечал. К четырем часам он понял: дальнейшие попытки бесполезны. Либо Джули отправилась на поиски пропавших детей и, возможно, нашла их. Либо она не подходит к телефону, а уж с ним тем более не захочет разговаривать.

Он отдался во власть мучительных переживаний. Удар был слишком силен. Саймона мутило от непереносимой боли и отчаяния. Если бы он тогда не струсил, если бы довел до конца попытку самоубийства, его дети сейчас были бы живы. А он бы покоился с миром.

“Ты не веруешь в Бога!”

Давно он не слышал этого голоса, но теперь тот вернулся и хрипло визжал внутри, злорадно, с вызовом.

Саймон вошел в дом и стал подниматься по лестнице; из кухни показалась Андреа. Она попыталась улыбнуться, но тоскливый страх не сходил с лица.

— Ну что?

— Не отвечают. — Он резко повернулся и поднялся еще на две ступени.

— Саймон!

Он остановился, но не обернулся: “Что?”

— По радио сообщили. Ищут двух пропавших детей. Пока не нашли. Они пропали вчера.

Он зашатался и, чтобы не упасть, вцепился в шаткие перила: “Значит, это правда, то, что мы видели. Я и не сомневался”.

— Может быть, их найдут, живых и невредимых, — как она ни старалась, слова прозвучали неуверенно.

— Нет. Они погибли. О Боже, что им пришлось пережить! Если бы это случилось как-нибудь по-другому, хотя бы в дорожной аварии! Но они победили, сделали со мной, то, что хотели. Разрушили силу, которой я обладал, восстановили меня против...

— Нет, Саймон! Они не восстановили тебя против Бога! Ты не можешь сейчас устранишься. Ты обязан продолжать из-за детей. И ради меня. Ты думаешь, я сдамся теперь, когда они зашли так далеко? Если ты не будешь бороться, то я буду. Я сама спущусь в шахты и положусь на мою собственную веру. Горю не поможешь, тебе придется это пережить. Жизнь полна страданий. Но неужели ты хочешь оставить этих извергов рода человеческого без наказания?

Несколько минут он стоял, согнувшись, уронив голову на руки. Наконец выпрямился. Глаза покраснели, но губы были решительно сжаты, такого выражения ей еще не доводилось видеть на его бородатом лице.

— Ты права. Как ты говоришь, утраченного не вернуть, но они заплатят за то, что сделали. Мне отмщение, сказал Господь. Но это и будет Его отмщение, а я стану Его слугой, посланным исполнить волю Его. И пусть я пройду долиной смерти, но не убоюсь! До встречи с Беллмэном остается несколько часов. Давай проведем это время в приготовлениях, ибо сегодня вечером будем нуждаться в помощи Господа нашего.

Андреа почувствовала огромную радость, но благоразумно не показала виду. Вслед за ним она поднялась вверх. Для нее последняя битва уже началась.

С того времени, как случился обвал в туннеле фуникулера, Фрэнсис Майетт подумывала уехать из Кумгильи. Она твердо решила больше ни за что не спускаться под землю, однако, похоже, никто и не собирался просить ее об этом. Глубокий спуск был закрыт, и покататься на “шахтерском трамвайчике” вряд ли нашлись бы охотники.

Публика явно отвернулась от подземного аттракциона.

От нечего делать она забрела в кафе рядом с сувенирной лавкой. Сидя над остывшей чашкой кофе, она читала вчерашнюю газету, которую нашла на столике. Пресса не обошла поселок вниманием, в газетах писали о “злосчастной шахте”. Что ж, каждый, кто работал в Кумгилье, знал, что это недалеко от истины.

Она посмотрела в окно. Вокруг подъемника на площадке фуникулера суетились люди. Среди машин, съехавшихся к месту происшествия, выделялись две полицейские и “скорая помощь”, стоявшая тут со вчерашнего дня. Группа мужчин у подъемника оживленно беседовала. Крутизна спуска усложняла из задачу, не позволяя использовать оборудование в полную силу.

Вздыхнув, Фрэнсис снова подумала о возвращении домой. Нет, пожалуй, она повременит. Жалованье ей все еще платили, и, возможно, когда гидов будут рассчитывать, к последней выплате добавят премию, что-то вроде “позолоти ручку на прощанье”. Так или иначе, атмосфера здесь оставалась удручающей, а густой туман, спустившийся с гор, ее не улучшал.

Она вспомнила Саймона, в последние дни его не было видно. Скорее всего, его не подпускают к шахтам. А ведь именно он выбрался наверх из чертовой ловушки и поднял тревогу. Все дело в том, что он им не нравится; Мэтисон боялся его, потому что он высказывал вслух то, что думали все.

Но это правда... в шахтах водятся привидения. Банальная фраза. Привидения — это нечто, вызывающее скорее интерес, чем отвращение. Однако внизу все было по-другому — полнейший ужас!

Она допила кофе, но продолжала сидеть, уставившись в окно. Как здесь чертовски скучно, нечем заняться, некуда пойти. Машины нет. Она могла либо вернуться в комнату, которую снимала в одиночку, либо остаться здесь. О второй чашке кофе противно было подумать. Лучше выйти прогуляться. Это наименьшее из зол, по крайней мере она будет на свежем воздухе, пусть даже в сырости и тумане. Фрэнсис не любила сидеть в четырех стенах.

Она поднялась и вышла на площадку для посадки в “шахтерский трамвайчик”. Здесь не было ни души, мини-

атюрный поезд стоял неподвижно, кругом царило запустение. Наверное, так выглядела Кумгилья после того, как прекратилась добыча сланца, — пустота и заброшенность, будто люди ушли навсегда. Невдалеке слышался скрип работающего подъемника, звяканье цепи. В глубине души Фрэнсис была уверена, что никого не поднимут. Даже Артура Мэтисона, большого босса, чье слово было законом для Кумгильи.

Фрэнсис остановилась, сама не зная почему. Ей сделалось грустно. Не то чтобы ей когда-нибудь нравились эти вылазки под землю, с первого же дня она чувствовала себя там не в своей тарелке. Саймон Рэнкин был прав: внизу есть нечто такое, чего никто не сможет понять. Даже он.

Она подошла к поезду и заглянула в пустые вагоны. Ей почудились лица — возбужденные, любопытные, тревожные. “Леди и джентльмены, сейчас мы отправимся по маршруту, которым пользовались горняки в начале века. Имейте в виду, единственным источником света во время их работы была свеча, весь день они проводили почти в полной темноте”. Уф! Ее передернуло.

Фрэнсис ступила на рельсы позади последнего вагона и взглянула в туннель. Чернота, ни единого огонька. Что ж, этого следовало ожидать; туннели освещались только с девяти утра до шести вечера, а в отсутствие туристов владельцы не станут жечь электричество попусту.

Вода монотонно капала с кровли. Она уже собралась повернуться и уйти, как вдруг услышала шум, слабый шорох, похожий на скрип башмаков, будто кто-то шел внизу. Вот он остановился. Ей показалось, что она слышит дыхание, как если бы этот кто-то в свою очередь прислушивался к ней. Она чуть не крикнула “есть там кто-нибудь?” — но это прозвучало бы глупо.

Замерев в ожидании, она говорила себе, что ей померещилось, наверное, это какое-нибудь мелкое животное шныряет в поисках пищи. Фрэнсис терпеть не могла крыс. Когда на экскурсиях замечала, как они шарахаются от света, она старалась не подавать виду, чтобы туристы ни о чем не догадались. Большинство людей боится крыс, поэтому надо делать вид, что в пещерах их нет.

Но там был человек! Теперь он шел быстрее, явно приближаясь. Фрэнсис пристально смотрела в туннель, любо-

пытство взяло верх. Он должна узнать, кто это.

То была маленькая темноволосая девочка в домотканном льняном платице, помятом и разорванном на боку. Она выглядела немного странно. Ей исполнилось не больше восьми-девяти лет, но выражение лица было не по возрасту взрослым, как у ребенка, пережившего войну и навсегда отмеченного этим опытом. Она обезоруживающе улыбалась и вовсе не казалась испуганной, хотя вышла из крошечной тьмы.

Фрэнсис взглянула на ноги ребенка и не столько удивилась, сколько пожалела девочку. На ней были тяжелые рабочие башмаки, доходившие до середины лодыжки и подбитые огромными гвоздями. Судя по изношенности и многочисленным трещинам, они были повседневной обувью.

— Привет, — голос у нее был с хрипотцой, то ли от простуды, то ли от сланцевой пыли. Нет, последнее невероятно: чтобы заработать профессиональную болезнь шахтеров, нужно провести под землей десятки лет.

— Что ты там делала? — Фрэнсис вспомнила, что все еще работает на фирму, а потому имеет право делать замечания нарушителям правил. — Тебе нельзя спускаться вниз. Это опасно.

— А вот и нет. Другие же дети спустились.

— Другие дети?

— Ну да. Они вон там, за поворотом в большую штольню. Хочешь с ними познакомиться?

— Конечно! — Растерянность Фрэнсис сменилась возмущением. Не хватало только, чтобы дети играли в шахтах, когда там пропадают и гибнут взрослые. Как они туда попали? Наверное, охрана оказалась не такой бдительной, как говорили, и не заметила, как стайка детей проскользнула внутрь.

— Меня зовут Пенелопа. Пенелопа Марстон.

— Очень приятно, Пенни, но думаю, лучше тебе поскорей отвести меня к твоим друзьям, пока они не ушли дальше и не заблудились.

— Не, они не заблудятся, — самоуверенно заявила девочка, повернулась и зашагала вниз по туннелю.

Фрэнсис сунула руку в карман и, нащупав маленький фонарик, с которым не расставалась, вздохнула с облег-

чением. А затем сообразила нечто, от чего мурашки побежали у нее по спине. У Пенни Марстон не было фонарика, однако она вела себя так, будто отлично видела в темноте.

Под ногами скрипел сыпучий сланец. Луч фонарика освещал маленькую фигурку впереди. Пенни шла быстро, видимо, торопясь к своим друзьям.

— Эй, нельзя ли помедленней! — Фрэнсис приходилось почти бежать, чтобы не отстать. Они подошли к повороту, однако никаких детей там и в помине не было. — Ты, кажется, говорила, они за поворотом.

— Может, ушли подальше, — девочка даже не взглянула на нее.

“Подальше... дальше... дальше...” — уныло отозвалось эхо, словно заманивая их все глубже.

Пенни Марстон теперь почти бежала, уверенно ступая, даже ни разу не споткнувшись.

— Вернись, — Фрэнсис направила луч фонарика вперед; девочка была уже в конце прямого длинного штрека, в двадцати шагах от нее. — Я не верю, что там дети. Ты просто задумала какую-то дурацкую проделку, и когда я тебя поймаю, ты у меня...

Но тут до нее донеслись голоса, и злость немедленно сменилась стыдом. Тихий гул, так шепчутся школьники в классе, надеясь, что учитель не услышит. А в этом гуле послышался знакомый стон.

Фрэнсис остановилась. Инстинкт подсказывал, что надо повернуться и бежать обратно что есть сил. Но она не могла оставить Пенни одну в таком месте. К тому же дети в самом деле были здесь.

Пенни продолжала идти вперед. Фрэнсис направила луч фонарика под ноги. Рельсов там не оказалось, один голый камень, за долгие годы отполированный подошвами до гладкости. И своды здесь были ниже. Она с испугом поняла, что это не трамвайный туннель. Должно быть, они где-то ошиблись поворотом и оказались в незнакомой части подземелья. Ей стало не по себе. Но она должна вернуть Пенни.

Впереди над головой забрезжил свет, но не резкий от фонаря или электрической лампы, а мягкое желтое свечение, такое тусклое, что едва было видно. Свеча!

Они сидели на земле в кружок у свечи, прилепленной к плоскому выступу скалы. Скала служила им столом, на котором лежали корки хлеба и кучка то ли яблок, то ли луковиц.

— Вот, — Пенни Марстон показывала на людей, — что я тебе говорила? А ты не верила!

Фрэнсис почувствовала озноб. Их было восемь: семеро детей обоего пола, старшему не больше двенадцати; единственный взрослый склонился над ними, как бы опекая. Повадки мужчины — то, как он сердито ворчал, как жадно хватал еду, — привлекали внимание Фрэнсис. Она стала разглядывать его: асимметричное лицо в морщинах, такое бледное, будто лучи солнца никогда не падали на него, слишком близко посаженные глаза, крючковатый нос со злобно раздувающимися ноздрями, густые щетинистые усы, черные обломанные зубы. Его одежда превратилась в лохмотья, из прорехи на рубаше вылезала свалывшаяся шерсть, штаны заправлены в изношенные кожаные гетры, а на ногах было нечто вроде грубых деревянных башмаков.

Фрэнсис показалось, будто она перенеслась в прошлый век... однако все выглядело таким знакомым. Она напрягла память, силясь вспомнить, где видела все это раньше. А когда вспомнила, похолодела от ужаса. Этот человек был почти точной копией восковых фигур — той, что стояла у стены в забое, или той, что склонилась над перегруженной вагонеткой. Дети как будто пришли сюда прямоком со стендов шахтерского музея, только эти двигались и болтали, испуганно замолкая каждый раз, когда мужчина смотрел на них.

От них шел затхлый, едкий дух, похожий на запах мочи и пота, вид у детей был хрупкий и болезненный. Один мальчик закашлялся, и Фрэнсис вздрогнула. Внезапно она почувствовала, что надсмотрщик разглядывает ее в упор. Однако в глазах под кустистыми бровями не было удивления, только гнев.

— Эй! — он говорил с набитым ртом, из которого сыпались крошки. — Садись ешь. Нечего зря время терять, работать надо.

— Спасибо, — она смутилась, чувствуя свою неуместность здесь, как будто нарушила уединение семейного пикника. — Я не голодна.

В его глазах вспыхнула ярость: “Садись и ешь, сука!”

К собственному изумлению, Фрэнсис Майетт подчинилась приказанию, ослабевшие ноги подвели ее к людям, сидевшим в кружке тусклого света. Она не хотела быть среди них, но ничего не могла с собой поделать, она повиновалась как робот. Сев рядом с детьми, она задрожала от холода, исходявшего от сгрудившихся тел. Запаха она больше не чувствовала, видимо, уже успела привыкнуть. Все казалось сном.

Люди внимательно смотрели на нее, ей было неловко и очень страшно. Однако способности думать она пока не утратила. Что она здесь делает? Кто эти странные существа, одетые, как манекены в пещере? Если бы она могла вскочить и убежать, она бы так и сделала, но невидимая сила удерживала ее на месте.

Она взяла ломоть хлеба, лежавший перед ней, не потому что хотела есть, а просто необходимо было чем-то занять руки. Ломоть был похож на кусок сланца. Фрэнсис помяла его — он не крошился, поднесла ко рту и понюхала. Уф, черствый, заплесневелый и такой жесткий, что она не смогла бы откусить ни кусочка, даже если бы хватило духу. Положив хлеб обратно, Фрэнсис потянулась за одним из круглых предметов, пытаясь на ощупь определить, что это такое. Пальцы погрузились в липкую массу. Ее затошнило. Что бы это ни было, яблоко или луковица, оно совсем сгнило. Однако остальные, даже Пенни Марстон, ели с аппетитом, жадно чавкая.

— Хватит рассиживаться! — Сердитый человек достал часы из кармана драной жилетки; изо рта, дробившего черствый хлеб, вновь посыпались крошки. — За работу, или вы хотите, чтоб я вас плеткой угостил?

Дети вскочили с мест и схватились за инструменты, сложенные рядом: молотки, зубила, кайла, казавшиеся слишком большими для них.

— А ты что, сучка?! Плетки захотела, а?

Фрэнсис не сразу сообразила, что мужчина обращается к ней. Перегнувшись через стол-скалу, он свирепо глядел на нее. Она увидела перед собой лицо в сетке заскорузлых морщин, немигающие рыбы глаза, ощутила зловонное дыхание — и вспомнила о египетских мумиях, существах из загробного мира.

— Я... — она не знала, произносит ли слова вслух, или они лишь звучат в голове — слабая попытка воспротивиться, порожденная безысходным ужасом, — не работаю здесь.

— Нахальная тварь! — яростно заорал он, обдав Фрэнсис мерзким запахом истлевшей плоти, отчего ее чуть не вырвало. — Коли Джетро велит работать, будешь работать до упаду. А сейчас марш в забой с остальными, не то выпорю по голой заднице!

Вновь, сама того не желая, она покорилась неодолимой, страшной силе. Присоединившись к детям, она обнаружила в руке небольшое кайло, которое, видимо, взяла из кучи инструментов. Они выстроились в шеренгу, справа от нее стояла Пенни, а слева — девочка, похожая на ведьму. Все работали, откалывая куски твердого сланца, какстая дятлов в лесу; жуткое, монотонное позвякивание инструментов перемежалось равномерными ударами падающих капель.

Фрэнсис подумала, что сошла с ума, всего этого просто не могло быть на самом деле. Отлетевший камешек больно ударил по щеке — значит, случившееся с ней было явью. Она напрягла разум, пытаясь постичь смысл происходящего, но безуспешно. Что это, идиотский розыгрыш? Нет, все было взаправду, и ей было страшно оттого, что ее опутали незримые нити, душой и телом завладела непонятная сила.

Теперь она знала, чьи крики и стенания так часто слышала под землей, знала, откуда они раздавались — из запретных глубоких пещер. Но узнала это, оказавшись в смертельной ловушке. Если бы здесь был Саймон Рэнкин! Но нечего и надеяться, что он или кто-то другой придет на помощь.

Через несколько минут невыносимо разболелись пальцы, и ей пришлось поменять руку. Дети работали прилежно и, казалось, совсем не уставали — от страха перед человеком по имени Джетро. Они были рабами этого гнусного чудовища.

В полутьме она видела лишь черную, мокрую, блестящую стену, которую надо было долбить кайлом. Осколки разлетались во все стороны, и когда она прерывала работу, чтобы вытереть пот со лба, на пальцах оставалась липкая кровь.

— Не останавливайся, — слышался хриплый предупреждающий шепот Пенни, — а то он тебя высечет.

— Сколько... еще? — Френсис была в полном изнеможении, она тяжело и прерывисто дышала.

— Всегда! — ответ, отнявший последнюю надежду, разнесло эхо: “Всегда... всегда... да...”

Теперь Фрэнсис долбила твердую стену, сжимая инструмент обеими руками, удары становились все слабее, ноги подкашивались, и она могла в любую секунду рухнуть на землю. Необходимо было остановиться, продолжать уже не хватало сил. Она испуганно оглянулась, ожидая увидеть корявую фигуру Джетро, приближающегося к ней с занесенной плеткой.

Она утерла пот, заливающий глаза, и увидела вдалеке, высоко на противоположной стене пещеры светящуюся точку. Там мог быть только этот изверг; она взмолилась, чтобы он упал. Но им не суждено было избавиться от него так просто.

— Он собирается устроить взрыв, — зашептала Пенни. — Этот забой почти выработан. Он найдет другую жилу и пошлет нас ее рубить.

От этих слов Фрэнсис стало дурно. Раньше у нее, бывало, кружилась голова от одного вида восковой фигуры наверху. Она не полезла бы туда и за тысячу фунтов, но знала, что выполнит любой приказ Джетро.

— Он спускается, — торопливо, испуганно прошептала Пенни. — Смотри, он запалил шнур. Не стой, работай и не беги, пока он не даст команду. Даже виду не показывай, что знаешь, чем он занимается.

Кайло, казалось, потяжелело фунтов на десять, Фрэнсис едва царапала стену, так ослабели руки. Она услышала, как Джетро с шумом спрыгнул вниз, изрыгая отрывистые проклятья. И снова наступила тишина, нарушаемая лишь звяканьем инструментов.

Тревога перешла в мучительный страх. Где-то наверху шипел шнур, огонек медленно приближался к пороховому заряду. Она слишком хорошо знала, что произойдет; сотни раз она рассказывала туристам о добыче сланца. С оглушительным громом взорвется стена, разбрасывая осколки, грозящие гибелью; порой случались обвалы или рушилась кровля; потом шахтеры вернутся ползком, карабкаясь по

валунам, чтобы посмотреть на результаты взрыва. Однако на этот раз работники никуда не уходили, они оставались на месте неминуемой катастрофы и, казалось, ни о чем не подозревали.

— Где Джетро? — Фрэнсис выронила кайло и оглянулась: надсмотрщика не было видно.

— Ушел, — невесело засмеялась Пенни. — Бросил нас. Он всегда так делает. А мы должны оставаться.

Фрэнсис в панике бросилась бежать, но вдруг обнаружила, что не может сделать ни шагу, как будто подошвы намертво приклеились к полу. Силы внезапно покинули ее, понадобилось неимоверное напряжение, чтобы высказать терзавшую ее мысль: “Мы все погибнем”.

— Мы все погибнем, — на этот раз ответило не эхо, а стоявшая рядом высокая девочка.

Все погибнем!

Страшный грохот раздался над ними, слепящее оранжевое пламя на долю секунды осветило всю пещеру. Для Фрэнсис это мгновенье длилось вечность, адское пламя жгло ее тело, уподобляя его черной высохшей плоти маленьких товарищей по несчастью. По стенам поползли огромные трещины, посыпался сланец. Потом все погрузилось в темноту, даже свеча потухла, а густая черная пыль забивала ноздри и рот.

Должно быть, их завалило. Но нет: пол вздыбился и задрожал, огромные глыбы откалывались от стен и, падая, с треском разлетались на куски. Невредимые, они жались друг к другу в темноте. Но в близости тел не было утешительного тепла, лишь всепоглощающий холод, как от трупов в море.

В наступившей тишине Фрэнсис слышала, как дети ворочаются, тихо постанывая. Обожженные глаза невыносимо болели, она не могла разжать веки и пробиралась на ощупь с вытянутыми руками, с отвращением отдергивая их каждый раз, когда натыкалась на движущееся и холодное. В куче сланцевых обломков она нашла углубление, втиснулась в него и почувствовала себя спокойнее. Может быть, скоро к ней вернется способность думать, и тогда она сумеет сообразить, что делать дальше.

Послышались удары, кто-то стучал с другой стороны завала. Надежда затеплилась в измученной груди, помощь

было близка. Фрэнсис хотела крикнуть, но голосовые связки не слушались, и она лишь просипела: “Ради всего святого, вызволите нас отсюда!”

Глухие удары не прекращались. Затем послышался сердитый голос, как будто знакомый, но смысл слов не доходил сквозь толщу завала. Она поняла, что это Джетро сыплет бешеными проклятиями. В безумном бреду он пылал жуткой ненавистью и вовсе не собирался их спасать. Он желал добраться до них лишь затем, чтобы жестоко наказать; это была поистине сатанинская ярость.

Фрэнсис подумала о детях, не успокоить ли их? Но представив, как холодные, словно в мертвецкой, тела прижмутся к ней, она почувствовала отвращение. Опустившись на колени, она закрыла лицо руками. О Господи, она сама была холодна как лед... как мертвая!

Ее стала бить дрожь, по щекам потекли ледяные ручейки, рыдания сотрясали тело. Вдруг она услышала разговор совсем рядом. Это не были дети, низкий голос принадлежал мужчине, но не Джетро. Говорил кто-то знакомый, нарочито гнусавя под американца: “Мы ни в жизнь не выберемся из сволочной ямы. Мы здесь застряли навсегда, так что лучше тебе, парень, смириться с этим”.

В ответ тихо прозвучало: “Я знаю. Я здесь был до вас”.

Разговор отпечатался в воспаленном мозгу, дав новый проблеск надежды. Первый голос принадлежал Артуру Мэтисону, второй — пропавшему юноше Дэвиду Уомбурну. С ними были еще мужчины, постарше. Она знала, кто это, даже не прислушиваясь к их угрюмому ропоту, — это был попавший в ловушку спасательный отряд.

О Боже, здесь находилась могила всех пропавших в Кумгилье, последнее пристанище проклятых душ!

— Я здесь, — крикнула она изо всех сил, не зная, услышат ли ее, — это я, Фрэнсис Майетт!

Голоса умолкли, она услышала, как кто-то приближается. Она вжалась в сланец, не открывая глаз, в темноте все равно ничего нельзя было увидеть.

— Не прикасайтесь ко мне!

— Ему до нас не добраться, — сказал Мэтисон. — В любом случае он не пробьется через завал. Он, как и мы, в мышеловке, но с другой стороны, а это самое главное.

— Я не хочу оставаться здесь! — вместо вопля раздался жалкий всхлип отчаяния.

— У тебя нет выбора. Нас не найдут. Они будут пытаться, но в конце концов отступятся. Тем не менее держись подальше от детей. Им не нравится наше присутствие, но мы ничего не можем поделать, черт побери. Со временем нас станет больше, это точно. Джетро сумасшедший, но здесь мы в безопасности от него. Помоги Господь тем, кого он заманивает в туннели. Четверо, что были со мной, остались где-то там. Спаси, Господи, их души!

Владелец пещер Кумгильи был благочестив только на словах, но Фрэнсис не усомнилась в его искренности: сомнения лишь усугубили бы отчаяние.

Снова стало тихо. Она не знала, остался ли Мэтисон в пещере, но, собственно, уйти ему было некуда. Не доносился даже плач детей.

Пыль больше не раздражала легкие, в горле перестало першить. Она попыталась глубоко вдохнуть, но ничего не получилось, как если бы она поднесла к губам чашку и, сделав глоток, вдруг обнаружила, что та пуста.

Безысходное отчаяние окнчательно овладело Фрэнсис Майетт. Вместе с остатками воли она лишилась страха и покорно приняла свою судьбу.

Физически все они умерли, но в их телах, как в клетках, томились души. Живые мертвецы!

Глава четырнадцатая

Стаффорд понял: они погибли. Все, и Мэтисон тоже, черт бы его побрал! Все из-за этого ублюдка, и придется им подыхать тут, как перепуганным кроликам в забитой норе. Все выходы были закупорены огромными глыбами.

Он опустил на пол и выключил фонарь, решив экономить батарейки. Он сам не знал, зачем ему это, но возможность воспользоваться при нужде светом, пусть слабым, служила утешением.

Стаффорд сломал палец, когда обрушился туннель фуникулера. Палец был разбит и не действовал, но больше не болел, даже не ныл. Он принялся перебирать в памяти случившееся, все равно делать было больше нечего. Этот

парень, священник, наверняка вылез наружу, но никто не пришел их спасать. Потом Эндрюс. Глыба со свистом пролетела вниз и задела крайний вагончик. К счастью, они впятером стояли на площадке в стороне от поезда. Несколько секунд спустя за глыбой последовал Эндрюс, разбитое тело летело, пока не ударилось о воду в нижнем уровне. Обезумев от страха, они возненавидели Мэтисона за то, что он привел их сюда.

Бог ты мой, как он бежал! Как заяц от своры гончих. Один раз они чуть его не поймали, но хитрый сукин сын где-то спрятался, и слабеющие лучи фонарей не смогли добраться до него. Они долго искали, но все зря. Тогда Тримэйн предложил разделиться. Это было большой ошибкой, не стоило его слушать. В беде лучше держаться вместе, а теперь каждый из четверых бродил, трясясь от страха, по этой преисподней, похожей на пчелиные соты, надрывая глотку до хрипоты и слыша в ответ только раскаты эха. Каждый медленно сходил с ума, почти уже дошел до точки. И во всем виноват Мэтисон, чтоб он сдох!

Возможно, все уже погибли, остался только он. Очень даже вероятно. Чувствуя, что снова впадает в панику, он прополз вперед (или назад?) несколько ярдов, потому что неподвижность была еще хуже. Он пробирался на ощупь, вытягивая руки как можно дальше, все время опасаясь, что земля оборвется и он рухнет в бездонное черное озеро.

Стаффорд включил фонарик, желая убедиться, что тот еще работает. И увидел Тримэйна.

Ему потребовалось время, чтобы понять, что это в самом деле его пропавший товарищ. Когда Стаффорд направил на него слабый луч фонарика, к горлу подступила тошнота, но из пустого желудка вырвалось лишь немного желчи. Да, это был Тримэйн.

Сначала Стаффорд подумал, что тот упал и разбился, но упасть было неоткуда. Тело лежало на спине, и по неестественной позе легко было определить, что позвоночник сломан. Даже мертвый, Тримэйн, казалось, старался оттолкнуть от себя что-то невыразимо ужасное. Круглое, ничем не примечательное лицо было все в запекшейся крови, под красной коркой можно было различить глубокие царапины, как будто злобный дикий зверь рвал его когтями. На месте ноздрей зияла дыра до самого рта. Вопль

Стаффорда длился без конца; когда звук угас, рот так и остался разинутым в немом крике. Но не потрясение от вида ран вывернуло внутренности Стаффорда и стиснуло желудок в твердый ком. Причиной тому были глаза Три-мэйна, в которых отразился беспредельный ужас, испытанный перед смертью.

Остеклевшие глаза были подернуты пленкой сланцевой пыли, но если всматриваться в них достаточно долго, они прояснялись и начинали притягивать к себе, так что уже невозможно было оторваться. В них возникало отражение — лицо, глядящее в упор с такой злобой, которая не могла существовать среди людей. Человеческое только по форме, оно было изрезано глубокими морщинами, как кожа какой-нибудь мерзкой рептилии, и искажено яростью, недоступной воображению смертных. Фонарик выскользнул из негнущихся пальцев Стаффорда и откатился в сторону, но даже темнота не могла скрыть этого ужасного лица. Зло, вышедшее из смерти и оставшееся живым — там, под землей, в туннелях и пещерах.

Стаффорд тихо плакал, шаря в темноте в поисках фонарика. Он нашел его поблизости, нажал на кнопку, но не увидел даже и проблеска света. Должно быть, лампочка разбилась. Бросив фонарик, Стаффорд взвыл от отчаяния. Он уже не сомневался, что двое остальных тоже погибли и лежат обезображенные, с проломленными черепами где-то в ужасных лабиринтах. Остался только он и это, за-таившееся во мраке. Оно охотилось за ним, вынюхивая жертву, как преследует обезумевших от страха кроликов забравшийся в нору кровожадный горноста́й.

Он снова пополз, но больше не нащупывал путь перед собой, смерть стала спасительным благом. Иногда он слышал шум, но всякий раз, останавливаясь, чтобы прислушаться, не мог уловить ничего, кроме звука падающих капель и стука собственного сердца.

Руки и колени стерлись до мяса, но пронзительный холод притуплял боль. Он желал остановиться и умереть, но конец предстоял медленный и мучительный, кроме того оно могло найти его первым. Мелькнуло жуткое воспоминание. Пару недель назад он купил в сувенирной лавке дешевую книжку о мерзком, полупрозрачном четвероно-гом чудище, которое веками обитало в кембрийской шах-

те. Боже праведный, это могла быть вовсе не выдумка!

Он пытался взглянуть в непроницаемую тьму, в мозгу вспыхивли образы, видения возникали и снова растворялись в темноте. Поднимался шум, похожий на вой урагана, и вновь все стихало. Появлялись стоячие озера, подернутые рябью при полном штиле. Необъяснимые картины возникали и пропадали прежде, чем он мог их осмыслить. Внезапно Стаффорд почувствовал, что он не один!

Хотя света не было, он увидел фигуру, напоминавшую человека, но не человеческую, то самое лицо, которое он видел в мертвых глазах Тримэйна, лицо, дышащее злобой, как выдыхают пар морозным утром. Ожившая смерть.

Обрывки образов в мозгу соединились, мелькающие картинки слились и образовали форму — человека, который стоял, глядя на него сверху вниз. Восковые фигуры шахтеров в грязных лохмотьях, бледные лица, не скрывавшие страха перед неизвестностью. Теперь их страх перешел к Стаффорду; терзавший два поколения ужас сконцентрировался в нем и, настоянный на времени, стал еще сильнее.

Стаффорд замычал, как животное на бойне, внутренности сжались, будто их вытягивали клещами. Он почувствовал слабость, словно из тела вынули душу, превратив его в послушного робота, мечтающего только об одном — чтобы ему позволили подчиняться. А за ценой он не стоит.

— Я не могу добраться до остальных. Мне нужна твоя помощь.

— Что угодно, я сделаю все, что хочешь.

— Ты еще живой и будешь служить мне. Их нужно выманить из могилы. Времени у нас мало, потому что человек, наделенный Божьей силой, вернется. Расправившись с теми, я смогу уничтожить и его.

Громко стуча зубами, Стаффорд кивнул. Холод усиливался, но страх отпустил. Каким бы отталкивающим ни был этот шахтер, договор с ним гарантировал Стаффорду безопасность. Тримэйн и другие были наказаны за отказ подчиниться.

— Те, кого завалило в пещерах, сделали безмозглую попытку удрать от меня, но им не укрыться от мести Джетро. Я был приговорен блуждать по шахтам, как по чисти-

лишу. За годы мучений надо расплатиться, и тогда я освобожусь от проклятья Кумгильи. Иди за мной, только ты сможешь пробиться и вывести их так, чтобы они ничего не заподозрили, туда, где я буду ждать.

Стаффорд обнаружил, что бредет по узкой и низкой штольне; тот, кто называл себя Джетро, шел на полшага впереди. Стаффорд ничего не понимал и не пытался понять. Кто-то где-то прячется, их нужно выманить, и тогда с ними будет то же, что с Тримэйном. Это его не касалось, да у него и не было выбора.

Он удивился, что сломанный палец и другие раны больше не болят. Какая-то сила вдохнула в него вторую жизнь, влила новую энергию, превратив страх и отчаяние в эйфорию.

Может, это и есть то, что называют перевоплощением: умирая, рождаешься заново. Если так, он очень доволен, что умер.

Глава пятнадцатая

Ральф Рис ушел из деревни в половине пятого. Он пробирался украдкой, стараясь остаться незамеченным. Когда он огибал "Лагерь Карактака", оглядываясь на каждом шагу, в его глазах мелькнул страх, терзавший и без того убогий разум. Куда только девались его наглые повадки; даже пальцами он больше не щелкал.

Она приходила прошлой ночью, когда Ральф спал на раскладушке в гостевой спальне родительского дома. Он и сам чувствовал, что после похорон Джо Льюиса что-то должно случиться. Теперь его страхи подтвердились.

Прошлой ночью Ральф лежал и думал о Ди Энсон, эти мысли побудили его искать удовлетворения единственным известным ему способом. В какой-то момент он чуть не вылез из постели, чтобы отправиться к ней; было бы проще простого забраться на крышу сарая, а оттуда в открытое окно ее спальни, и он оседлает ее прежде, чем она успеет поднять тревогу. Две вещи помешали ему осуществить свои фантазии. Во-первых, отец и мать все еще были внизу и наверняка слышали бы, как он встает. А во-вторых, когда он уже окончательно решил выбраться из дома через окно, спустившись по плюшу, мечты победно завер-

шились мощным излиянием. В сладостных корчах ему было совершенно наплевать, слышат ли его родители, провалились они пропадом. О Господи, это было прекрасно, как будто он перенесся в другой мир, где Ди лежала в его постели, крепко обвивая его очаровательными, стройными ножками и желая удержать его в себе навсегда. А потом он сник, и ему больше не хотелось идти к Ди, и сразу нашлось множество причин, почему ему и не нужно никуда ходить. Он снова забеспокоился о том, что подумали предки, услышав стук и скрип кровати, и вскоре заснул.

Спустя некоторое время Ральф проснулся. В комнате было темно и тихо, но он знал, что не один. Он ощутил ее присутствие так же, как ощущал его каждый раз, когда она появлялась у входа в их пещеру. Раньше она никогда не приходила к нему домой, но он знал, что это не может быть никто другой. Он сел, чтобы чувствовать себя удобней и, наткнувшись на мокрое пятно, застыдился до боли: что, если она догадается, чем он занимался.

И действительно, она была в комнате — маленькая тонкая фигурка напротив смутно очерченного окна; глаза горели в темноте, как у кошки. Ральф содрогнулся, ему вдруг захотелось отвернуться. Раньше она никогда не приходила сюда, даже во сне.

— Ты нам нужен, — проговорила она несвойственным ей прежде, плаксивым голосом. — Он почти добрался до нас. Мы не сможем долго прятаться.

У мальчика перехватило дух, по голове под коротко остриженными волосами пробежал холодок: “Не может быть. Ему такое не под силу”.

— Ему — нет. Но с ним один из тех, что заблудились в штольнях. Этот человек пытается пробить завал. Для этого нужно время, но в конце концов он прорубит к нам ход. Тогда мы и те, что пришли после, станем рабами Джетро и вечно будем рубить сланец.

— Я... не смогу ему помешать. — Сейчас Ральф Рис ничем не напоминал того дурачка, что скалился и кривлялся на деревенской площади, это был совершенно другой человек.

— Приходи завтра до темноты, — она говорила торопливо, словно спешила вернуться, а может, ей вовсе нельзя было приходить сюда. — Ты наша последняя надежда, Раф.

Ральф Рис понял, что остался один, и если бы не слабый кислых запахов, стоявший в спальне, он мог бы подумать, что все это был сон. Он вспотел, ему захотелось спуститься в уборную, что стояла в глубине двора рядом со старой душевой. Вместо этого он с головой укрылся простынями, потому что ему было очень страшно. Сегодня в девочке было что-то зловещее.

Все же ему удалось заснуть, но тревога и мучительные воспоминания не давали покоя и во сне. Он видел все как наяву. Похороны. В церковь никто не пошел, ее все избегали, равно как в курительной "Лагеря" старались держаться подальше от Джо Льюиса. Однако это не помешало им собраться за кладбищенской изгородью; исполненные ненависти, они молча ждали, попыхивая короткими трубками и презрительно сплевывая на дорожку. Туман стал еще гуще, как будто сами небеса хотели скрыть это позорное сборище.

Кто-то запел; это не был голос Брэйтуэйта, в нем звучала затаенная издевка. Снова наступила тишина, и им пришлось довольно долго ждать, прежде чем со стороны церкви послышались шаги. Из процессии то и дело раздавался негромкий смех... плакальчиков? Нет, о Боже, эти никого не оплакивали... В клубящемся тумане Рис увидел их лица, бледные, как у покойников, на месте ртов чернели беззубые впадины, глазницы зияли пустотой. Обезображенные фигуры в ветхих лохмотьях, покрытых сланцевой пылью, горбатые и уродливые, они волочили по земле искалеченные ноги. Впереди несли гроб, на который они то и дело смачно плевали.

Ральф Рис хотел убежать, он не желал участвовать в этом, но ноги словно приросли к месту. Его-таки заставили стать одним из них.

Брэйтуэйта не было видно. Его заменил кто-то другой, ниже ростом, с узловатыми руками, похожими на обрубки, под ногтями чернела грязь. Ральф попытался отвернуться, но не смог; он не хотел видеть злобное лицо с натянутой, иссохшей кожей, готовой порваться в любой момент и обнажить голый череп. В густых усах застряла парша и засохшая слизь, поющий рот издевательски извился.

Они сбросили гроб в открытую могилу, от удара о дно сырая древесина треснула. Участники похоронной процессии встали в полукруг, чтобы наблюдавшие из-за изгороди могли все видеть, и принялись плевать в глубокую яму.

Внизу что-то зашевелилось, мыча от боли. Тогда они стали выхватывать камни из кучи вырытой земли и забрасывать то, что было в могиле. Стоны перешли в тоскливые вопли; из ямы показалась рука, пытавшаяся ухватиться за осыпающийся край.

— Вернись в могилу и сдохни! — В голосе Джетро звучала жажда мщения. Толпа из-за ограды рванулась вперед, увлекая за собой Ральфа. Он вцепился в колючую изгородь, пытаясь удержаться на месте. Нет, только не туда!

Из могилы выглянуло мертвое лицо, все в синяках и ссадинах от ударов камней; мутные глаза искали Ральфа, как будто Джо Льюис знал, что тот здесь. Губы беззвучно шевелились: “Видишь, малыш, что они со мной сделали. То же самое сделают и с тобой, если этот дьявол не будет уничтожен навсегда”.

Они принялись пинать труп, тяжелые башмаки рассекали кожу, как кожуру перезревшего плода, обнажая кости черепа. “Вернись в могилу, Джозеф, и заberi с собой безмозглого щенка”.

Ральфа схватили и потащили к зияющей дыре. Он кричал и упирался, чертя каблуками глубокие борозды. Голос Джетро возвысился до пронзительного торжествующего крика: “В тот день ты спасся, Джозеф, но нынче мы заберем тебя с собой в вечную тьму. Тебя и весь твой род!”

Ральф боролся на краю могилы, отбиваясь от ледяных рук. Черный провал под ним казался бездонным, далеко внизу виднелось запрокинутое лицо Джо Льюиса, он изрыгал проклятья с такой силой, что до мальчика долетало его смрадное дыхание. Когда Ральф рухнул в могилу, в ушах гремел издевательский смех, и град плевков посыпался на него сверху.

Все ушли, бросив его и дядю Джо в грязной черной яме, пахнувшей смертью и сыростью. Не трогай меня, дядя Джо! Ты шпынял меня при жизни, так оставь в покое хоть после смерти.

Ублюдок! Зачатый в грехе и похоти моим сыном, рожденный шлюхой. Твоя смерть снимет проклятье с рода Льюисов, а семя выроodka не оставит потомства.

Теперь Джо Льюис выглядел еще ужасней, чем Джетро, на почерневшем лице ярко горели глаза. Испачканные в земле холодные руки потянулись к мальчику. И Ральф Рис с криком проснулся в мокрых от пота простынях.

Стало быть, его зовут. Тюремщики или пленники, неважно — мертвые Кумгильи призвали его. Тяжело дыша, Ральф стал подниматься по крутому склону, с трудом продираясь сквозь хвойные заросли. В глубине души он знал, что обратный путь ему заказан. Хотя в ночном кошмаре мертвецам не удалось затащить его в могилу, второй раз спасения не будет.

Добравшись до узкого выступа над ущельем, он задумался. Может, на этот раз он поскользнется и упадет на камни, перехитрив их напоследок. Но нет: как лисы утаскивают добычу в свои подземные норы, так и они заберут его, потому что он — тоже их добыча. Он им зачем-то нужен, и когда они сделают то, что задумали, он навечно останется с ними блуждать по лабиринтам Кумгильи.

Он оглянулся и увидел внизу троих людей, поднимавшихся в гору. Когда он разглядел их, небольшие глаза сузились в щелочки. Это были Божий человек и его женщина, а впереди шел пещерник. Ральф всегда опасался, что тот однажды сможет проникнуть в глубину горы. Недоумение отразилось на плоском лице мальчика, он пытался сообразить, зачем они здесь, а когда сообразил, испугался. Они пришли разрушать, но они опоздали, они слишком слабы, чтобы тягаться с теми, кто верховодит в пещерах и туннелях.

Но они, догадался Ральф, наверняка его заметят, когда он будет идти через ущелье. Да верно, они уже знают вход в пещеру, тогда это неважно. Он шагнул вперед и медленно двинулся по узкой тропе.

Один раз он чуть не упал. По всем законам тяготения, он должен был сорваться и лететь вниз, вопя от ужаса, пока не ударится о камни. Он почти хотел этого, но невидимые руки схватили его запястья, отвели назад и при-

печатали пальцы к твердой опоре. Пять минут спустя он в изнеможении прикорнул у входа в большую темную пещеру.

Напрягая мозг, Ральф соображал, как быть дальше. Он пристально вглядывался в темноту, будто ожидая оттуда указаний. Войти в пещеру прямо сейчас или подождать, пока она придет за ним? Если ждать, его догонят те, что идут следом по узкой тропе. Но если он отправится вперед один, то может оступиться в крошечной тьме и упасть в глубокую пропасть, где ему грозит мучительная смерть. Нет, ему не дадут умереть, это они уже доказали.

Дрожа и ежась от страха, Ральф вошел в пещеру. Безмолвие пустоты окружило его; из-за недостатка воздуха было трудно дышать. Ощупывая мокрые шершавые стены в поисках лаза в туннель, он сделал несколько шагов, ударился о выступ и разразился бранью. Когда он, опустившись на колени, потирал ушибленное место, негромкий кашель отозвался жутким эхом и заставил его вскочить. Это была она.

— Я рада, что ты пришел, — в напряженном голосе послышалось облегчение, — время идет, нам надо спешить.

— Кое-кто идет следом за мной, — буркнул он. — Священник и человек, который шарит по пещерам. И женщина.

— Я знала, что священник вернется. Он уже здесь был, его молитвы и святая вода очень опасны.

— Может, он нам поможет... справиться с ним.

— Нет, он идет уничтожить нас всех, даже Джетро знает силу его власти. Поэтому нам нужен ты, чтобы убить священника прежде, чем он примется разрушать. А потом надо заняться Джетро. Как много у нас дел и как мало времени!

— Как я смогу его убить?

— Это будет нелегко, но возможно, он тебя ни в чем не подозревает, считает дурачком. Когда они войдут в пещеру, ты заманишь их туда, куда я покажу... в место, откуда не возвращаются.

Ральф Рис покорно кивнул головой и пошел за девочкой, удивившись про себя, что видит ее в полнейшей темноте. Они спускались по узкому проходу, потом круто свернули направо... и вдруг проход резко оборвался.

Он в ужасе отпрянул от края обрыва; под ним в двадцати футах лежало черное подземное озеро, глубокие воды зловеще поблескивали. Мальчика пробрала дрожь.

— Озеро, — девочка засмеялась из темноты. — Оно было глубокое уже тогда, когда шахты только начинались и нас заставляли разрабатывать нижние уровни. Может быть, оно бездонное. Отправляйся, Раф, и приведи их сюда, да так, чтобы они ничего не заподозрили, пусть их конец будет быстрым, тогда мы сможем забрать их к себе раньше, чем это сделает он.

Ральф Рис понял, что она ушла, и в испуге двинулся обратно на ощупь по узкому туннелю, прочь от ужасного провала. Голова все еще болела от удара о выступ, его тошнило. Он торопился, подгоняемый паническим страхом; ему хотелось поскорей уйти как можно дальше от мертвого озера.

Шаги над головой заставили его остановиться. Несмотря на шумное дыхание, рвавшееся из стесненной груди, он пытался прислушаться. Это не могли быть те трое, они еще не успели добраться сюда. И вдруг он обнаружил, что проход не тот, по которому его вела девочка. Тот шел прямо, а этот был извилистым и узким.

Ральф не знал, что страшней — человек, приближавшийся к нему, или то, что он потерял дорогу. И тут перед ним возникла человеческая фигура; как и тело девочки, она светилась мягким, рассеянным светом.

Это не был священник. И не его женщина, и не лазающий по пещерам парень. Ральф Рис никогда раньше не видел этого мужчину с измученным лицом под защитной каской. Одной рукой он держал кирку, другая, видимо, поврежденная, безвольно повисла вдоль тела. Лицо незнакомца выражало отчаянную решимость; вероятно, ему пришлось напрячь все силы, чтобы дойти до цели.

— Ты кто? — голос звучал пусто, невыразительно.

— Ральф Рис. — Мальчик растерялся, незнакомец путал его планы. — Я... кажись, заблудился. Я хочу выйти отсюда.

— Мы все заблудились, — с угрюмой уверенностью ответил человек. — А выхода отсюда нет.

Нет, есть, я знаю. Ральф облизал губы. Незнакомец вышел из туннеля, который, возможно, ведет в другой, а

оттуда прямо на поверхность. Но он стоял перед Ральфом, нарочно загораживя путь. Однако, этот человек не мог быть одним из них. Он чем-то отличался, хотя тоже светился в темноте. По зловещему блеску в его глазах Ральф понял, что ему не дадут пройти.

— Я хочу спуститься... вот тут, — Ральф Рис показал пальцем, но это был далеко не тот решительный жест, каким он расстреливал воображаемых индейцев и плохих людей на деревенской площади.

Человек молча шагнул вперед и угрожающе поднял кирку. И вдруг откуда-то раздался смех, тот самый, что Ральф слышал во сне прошлой ночью. С м е х Д ж е т р о !

Мальчик бросился бежать, не разбирая дороги, не замечая острых выступов, которые рвали одежду, царапали тело. Эхо подхватило смех, он слышался отовсюду, проклинаящий и богохульный.

Об озере он вспомнил только тогда, когда уже падал. Чернильная вода, хлынув в открытый рот, заглушила крик. Его потянуло вниз, не умея плавать, он отчаянно барахтался. Ему мерещились лица. Вот Джо Льюис тянет к нему руки. Нет, это Джетро; они похожи, что естественно для отца и сына... и для незаконнорожденного ублюдка. Чьи-то руки схватили его и потащили в глубину, как тащили в открытую могилу в том страшном сне.

Сознание быстро покидало Ральфа, но он успел понять, что стал одним из них. Семя Льюисов вернулось в чрево горы, чтобы плодиться там, как форель возвращается по осени в верховья реки метать икру. Зло порождало зло.

В это время наверху человек с киркой методично рубил сланец, работая здоровой рукой.

Глава шестнадцатая

Преподобный Брэйтуэйт знал, куда отправились Саймон Рэнкин и Андреа. Из окна кабинета он наблюдал, как они поднимаются по крутой дороге. На плече у Саймона висела небольшая кожаная сумка; священник не сомневался, что в ней сосуд со святой водой. Последний решительный бой с ужасом Кумгильи приближался!

Брэйтуэйт провел рукою по лбу и перекрестился. Рано или поздно кто-то должен был пойти туда и сделать все необходимое. Будь он помоложе, пошел бы сам, но он понимал, что крутой подъем ему не одолеть. Однако он мог помочь иным способом.

Он чувствовал свою беспомощность и бесполезность в Кумгилье. Он оказался неудачником в глазах Господа, превратившись в жалкое посмешище язычников. Хуже того, их община была даже не языческой, она поклонялась дьяволу. Только сегодня утром новое святотатство было совершенно на разросшемся кладбище: разрушили могилу Джо Льюиса, на свежий холмик вылили несколько галлонов мазута, а на дверях церкви написали краской из баллончика срамное слово. Вздыхая, он взял пальто и черную фетровую шляпу. Сегодня вечером ему надлежит быть в своей церкви, в прямом общении с Господом, творя молитвы о тех, кто вел угодную Ему битву, об их животе и душах, которые в эту ночь каждый миг будут подвергаться опасности.

Он вышел на улицу. На ясном вечернем небе разливался закат. Туман исчез. Однако деревня выглядела угрюмой при любой погоде, злокачественная опухоль росла, покуда не затронула каждого жителя. Даже новенькой, миссис Беллмэн, пришлось уехать. Она была на грани нервного срыва. Если вернется, ей несдобровать.

По дороге в церковь он задумался о своей убывающей пастве. Из самой Кумгильи не было никого, Уодхэмы жили в пяти милях отсюда, Барнсы — в трех. Достаточно далеко, чтобы быть в безопасности.

На другом конце улицы появился человек. Священник поднял голову — и поежился под враждебным взглядом: это был Илай Лилэн из “Лагеря”. Брэйтуэйт вздрогнул и отвернулся. Этот человек был воплощением порока. Ходили слухи, что по вечерам в баре он проповедует свою собственную антихристианскую философию. Правда это или выдумка, нет дыма без огня; владелец заведения был корнем кумгильского зла.

Подойдя к церкви, Брэйтуэйт старался не смотреть на кроваво-красное богохульство на дверях. Он отпер замок и вошел. Ни одна церковь не должна запираться ни днем, ни ночью. Для богобоязненного прихожанина, решившего

в уединении помолиться в храме Божьем, это страшное оскорбление. Однако у священника не было иного выхода: войско дьявола росло с каждым днем.

Склонив голову, Брэйтуэйт медленно шел по проходу. Лучи заката, пробившись сквозь немытые витражи, яркими узорами разукрасили стены. Фигура Христа над алтарем выглядела величественно. Посеребренное распятие блесло...

Преподобный Брэйтуэйт резко выпрямился, словно от удара током. На миг сердце остановилось, кровь отхлынула от лица. Он едва не задохнулся от ужаса, но поборов себя, забормотал молитву, прося Господа о прощении. Трехфутовый крест был перевернут и приклеен к стене изоляционной лентой!

Дрожащими руками Брэйтуэйт оторвал распятие от стены и вернул в прежнее положение. Прочитав еще одну молитву, он невольно огляделся и увидел, что тени удлинились, в церковь начали проникать сумерки, неожиданно стусившиеся, как бывает ранней осенью. Он старался подавить гнев, ибо отмщение принадлежало не ему, но Господу.

Стоя на коленях, он просто смотрел перед собой и думал, не включить ли освещение. Нет, так куда благодетней, да и в храме Божьем ему нечего бояться. Оперевшись на перила, как бы в ожидании паствы, он возвратился мыслями к Саймону и Андреа.

Жаль, что этот молодой человек — иезуит. Ну, бывший, это неважно. Такой замкнутый орден. На целый месяц священники собираются и живут общиной, подчиняясь суровому обету послушания и проводя время в изнурительных медитациях. Никакой свободы. Такая жизнь оказалась не по душе Рэнкину. А эта женщина не носит обручального кольца. Значит, они живут во грехе, но как же человек, который кажется столь набожным... Брэйтуэйт принялся молиться за них обоих. Каковы бы ни были их недостатки, они с лихвой искупили их тем, что намерены совершить сегодня ночью.

В церкви стало почти темно, священник едва различал ряды пустых скамеек. Примерно так же она выглядела по воскресеньям, гимны были едва слышны, потому что многочисленные прихожане стеснялись собственных голо-

сов. По этой причине псалмы не пелись, а проговаривались.

Внезапно у него появилось желание, от лукавого, но он не смог противиться. Он встал и нетвердой походкой направился к аналою. Фантазия, но как приятно окунуться в нее на несколько минут. Он представил себе полную церковь, в темноте он не видел лиц, но взгляды чистых, богобоязненных людей были устремлены на него. Восторженное умиление охватило викария, хоть он и знал, что все это неправда, игра в настоящую церковь для поддержания духа.

— Первый урок мы извлекаем, — голос зазвучал неожиданно сильно, наполняя все здание и уничтожая чувство одиночества и пустоты, — из Евангелия от Матфея, глава четвертая, стих первый. “Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола”...

Смешок прокатился по церкви, как шелест высокой травы на ветру. Послышались тихие, невнятные голоса. Брэйтуэйт попытался взглянуть в темноту, но ничего не увидел; он лишь почувствовал присутствие людей, стоявших рядами, угадывал их лица, ощущал на себе злобные взгляды, и страшная сила исходила от них, обдавая зимним холодом. Игра перестала быть выдумкой.

Ему удалось справиться с нахлынувшим ужасом, призвав на помощь собственную веру. Не здесь... в церкви они и не посмеют. Они входят в храм только для поругания и святотатства.

Брэйтуэиту показалось, что стало светлее. Серый полумрак не позволял подробно разглядеть присутствующих, видны были лишь силуэты. Тесно стоявшие фигуры мужчин и женщин в одежде прошлого века. Они склонялись, но не для молитвы: они слали ему проклятья. Запах пота и тлена исходил от них.

— Давайте... помолимся, — священнику пришлось сделать над собой мучительное усилие, чтобы произнести эти слова, силы медленно покидали его.

Никто не шелохнулся.

Он обернулся к алтарю, ища помощи и поддержки, и сердце его оборвалось и замерло. Распятие было вновь перевернуто и приставлено к стене.

Преподобный Брэйтуэйт стоял на коленях у аналая, закрыв лицо руками, но какая-то чуждая сила заставляла его подглядывать сквозь пальцы. Мужчины, женщины... и дети, лица искажены ненавистью, рты раскрываются одновременно. Они издавали бессвязные звуки, однако если хорошенько прислушаться, это была Молитва Господня... но прочитанная навыворот.

— Как вы смеете! — вскричал Брэйтуэйт, вены на шее напряглись и затвердели. — Я не потерплю богохульства в глазах Господа. Прекратите, говорю вам. Прекратите!

Смех, ругательства. Ряды горящих глаз заставили его упасть ниц, и все-таки он не мог оторвать взгляда от творящегося ужаса. Теперь его вера была подобна осеннему листку, который треплет ветер, побивает дождь, а он все держится на ветке.

Лица странные и вместе с тем знакомые; разные, но одинаково злобные. Он даже не был уверен, что все еще находится в церкви. Мгла сгустилась в непроницаемый мрак и вновь рассеялась.

Церковь исчезла. По крайней мере, то место, где священник находился сейчас, не было его церковью, оно вообще не принадлежало Богу. Это было лишь некое подобие храма со стенами, задрапированными черной тканью, вместо крыши — ночное небо. Обнаженная женщина, связанная по рукам и ногам, лежала на каменном возвышении в нескольких шагах от него. Нежная белая кожа покраснела и кровоточила под грубыми веревками. Она повернула голову к нему, длинные каштановые волосы упали с лица, губы шевелились в немой мольбе о помощи. И тут Брэйтуэйт едва не лишился чувств, но в забытьи ему было жестоко отказано.

Пленницей была Андреа.

Какие-то люди ходили кругом, видны были лишь нагие тела, лица же оставались в тени. Казалось, они не подозревают о присутствии викария. Он попробовал пошевелиться, но ноги не слушались. Возможно, с ним случился удар.

Все затихли, глядя на самую темную из теней, слышался лишь легкий шепот, полный почтения и страха. Вдруг они в ужасе пали ниц.

Странное существо медленно надвигалось из темноты: человек или животное, или же некое бесстыдное сочетание того и другого? Рогатая голова с красными горящими глазами, человеческие руки и ноги заканчивались раздвоенными копытами. Молотя копытами по земле, чудовище медленно выпрямлялось.

Когда пылающие зрачки, повернувшись, уставились на Брэйтуэйта, разум викария оцепенел, но он понял, кто перед ним.

Сам Зверь явился!

За спиной невиданного, отвратительного существа викарий разглядел знакомое лицо. Напрягая ослабевшую память, он никак не мог вспомнить, где раньше видел этого человека, однако чувствовал, что здесь ему не место. Высокий, темноволосый, с подстриженной бородкой. Саймон Рэнкин! Обнаженный и один из них.

Козлище фыркало и бил копытами. Больше он не смотрел на жалобно лепечущего, плачущего священника. Повернувшись, он направился к женщине и встал над нею.

Та кричала, пытаясь вырваться из пут, но не могла отвести глаз от чудовища. Она слишком хорошо знала, что сейчас произойдет.

Все глядели молча, ничего другого им не осталось. Даже те, кто прежде жаждал непотребства, застыли в ужасе, наблюдая невиданное соитие: бешеную дрожь Хозяина, болезненные корчи женщины, она теряла сознание от вони грязного хлева, от совершаемого скотства, от трубных воплей звериного блаженства.

Викарий не заметил, как мерзкое чудовище вновь оказалось у сатанинского алтаря. Повелитель зла одним движением похотливых красных глаз приказал подданным последовать его примеру. Голые тела метнулись в бесстыдной пляске, мужчины выстроились в очередь к связанной жертве, женщины визжали в диком восторге, обнаружив в себе скрытые доселе противоестественные желания.

Первым был Саймон Рэнкин. Он казался олицетворением обезумевшей похоти. Ни нежности, ни даже узнавания не выразило его лицо. Он смотрел на беспомощную женщину, пылая ненавистью, словно она была совершенно чужда ему.

Становилось все темнее и холоднее. Скачущая, извивающаяся толпа и Зверь над ними; два горящих уголька и тошнотворный запах выдавали его присутствие. Потом все отступили, кроме высокого человека в ризах; раньше он скрывался позади. Что-то блеснуло в вытянутой руке — нож с длинным кривым клинком. В другой руке он сжимал огромную чашу. Он подошел к женщине и склонился над нею.

Измученная душа Брэйтуэйта забилась в страхе, но покинуть тело не могла. Священник вынужден был лицезреть сатанинскую оргию до конца. Молочно-белое горло Андреа вмиг превратилось в кровавую рану. Чаша быстро наполнялась. Предсмертные судороги слабели, напоминая трепет умирающей птицы, алая струя текла все медленней.

Наконец доверху наполненная чаша пошла вкруговую. Люди жадно набрасывались на нее, громко хлюпая, рвали ее друг у друга из рук. Жидкость, похожая на виноградное вино, текла по губам и подбородкам, пирующие утирались пальцами и тщательно обсасывали их. Ни одна капля не должна пропасть. Саймон Рэнкин тоже пил, его борода слиплась от крови.

Потом они бросились наземь, и высокий человек, взяв чашу, протянул ее чудовищу, скрывавшемуся в густой тени; потом принял ее обратно и, отвесив поклон, удалился. Снова блеснул залитый кровью нож, кромсая тело на жертвеннике. Все сбились в кучу, хватая липкие куски мяса и с наслаждением набивая рты.

На долю секунды разум престарелого зрителя прояснился. Ужас, как удар дубины, потряс его — и вместе с ним проблеск воспоминания. Священник узнал высокого человека с густой бородой и маленькими, глубоко посаженными глазами. Это был Илай Лилэн, самый страшный из обитателей Кумгильи... выше его находился лишь его Хозяин, почетный гость на отвратительном пиршестве каннибалов. Затем нахлынувшая тьма поглотила священника.

Преподобный Брэйтуэйт вздрогнул, открыл глаза и снова зажмурился: серый свет раннего утра был невыносим. В церкви было пусто и так холодно, что тело священника онемело и не слушалось.

Пусто! В голове мелькали бессвязные мысли, он никак не мог сосредоточиться, засмеялся, потом заплакал. Паства приходила и ушла. Даже Уодхэмы и Барнсы не остались, как обычно, после службы. Служба? Что это было, заутреня или Святое причастие? Судя по времени, скорее всего второе. А может быть, он вчера, после вечерни, лишился чувств и пролежал здесь всю ночь?

Через некоторое время викарий понял, что может двигаться. Ползком он добрался до первого ряда скамей. Каким-то чудом удалось подняться на ноги. Свет смягчился и больше не бил в глаза. Пульсирующая боль в голове ритмично отзывалась на тяжелые удары сердца.

Он обернулся и, не понимая, что делает, лишь повинувшись инстинкту, склонился перед алтарем. На изможденном лице появилась озабоченность. Он чувствовал, что произошло нечто ужасное, но не знал, что именно. Вид перевернутого распятия не дошел до его сознания.

Бесконечно долго он шел к дверям, наконец, задыхаясь, растворил их настежь. Выходило солнце, его первые лучи кроваво-красным отсветом легли на холмы. Самая высокая вершина, Кумгилья, стояла во всем своем мрачном великолепии; ее склоны казались огромной пастью, искаженной во гневе, и гнев этот был направлен против одного несчастного, умалишенного смертного, как будто тот был в чем-то виноват; сгущавшиеся в утренней тиши облака грозили отмщением.

Преподобный Брэтуэйт сумел добраться до покойницкой, прежде чем ослабевшее сердце остановилось навсегда.

Глава семнадцатая

— Проклятый мальчишка Рис! — Малькольм Беллмэн показал на крутой склон, где у входа в пещеру виднелась маленькая коренастая фигурка. — Что он тут делает, черт побери?

— Неисповедимы пути нищих духом, — в ответе Рэнкина слышалось сочувствие.

— Может, да, а может, и нет, — проворчал Беллмэн. — После похорон мальчишка переменился. Он уже не такой придурочный и больше не играет в ковбос и ин-

дейцев. Он замкнулся в себе, как будто задумал кому-то отомстить.

— После чьих похорон?

— Да того старика, Джо Льюиса.

— Что же может связывать Ральфа Риса и Джо Льюиса?

— Не знаю, — исследователь пещер удивился, что его спутника так заинтересовал деревенский дурачок. — Ходят какие-то слухи, но в таком месте, как Кумгилья, чужаку много не расскажут. Говорят, будто сын Льюиса на самом деле не состоит в браке с женщиной, которая считается его женой, а маленький Ральф был зачат и рожден в грехе.

— Значит, он незаконнорожденный внук Джо Льюиса!

— выдохнул Саймон. — О, если б я знал раньше! А теперь может быть слишком поздно.

— Не пойму, нам-то что до того, — буркнул Беллмэн.

“Он — связующее звено между шахтерами прошлого и нынешними обитателями деревни. Он из рода Джетро и, как живительный сок, питает семейное древо зла и мести“.

— Он часто ходит в горы, — продолжал Беллмэн. — Когда только приехали, мы с женой любили гулять здесь по воскресеньям. Пару раз мы заметили мальчишку Риса. Он прятался и подглядывал за нами, думая, что мы его не видим. Но Джун его терпеть не могла и в конце концов перестала приходить сюда.

— Последний кусочек головоломки встал на место, — вздохнул Саймон. — Дух зла продолжает жить в мальчике, а в Джетро и других он уже разлагается. Знай я раньше, я бы подверг Ральфа Риса экзорцизму, и наше дело стало бы легче и безопасней. Теперь он ушел, чтобы присоединиться к своей родне, а нам грозит смертельная опасность!

Он остановился, склонив голову, а когда заговорил снова, голос звучал хрипло: “Малькольм, Андреа... Я не могу просить вас продолжить путь со мной. Покажите мне дорогу и отпустите, дальше я пойду один“...

— Вот уж этого не будет, черт возьми, — Беллмэн принял решительный вид, хотя у него сосало под ложечкой. — Я от вас ни на шаг не отступлю.

— Я тоже, — сказала Андреа. — Таково было мое условие, и ты обещал его выполнить.

— Ну, хорошо, — в голосе Рэнкина звучали одновременно облегчение и тревога. Глядя в глаза Беллмэну, он спросил: — Малькольм, скажите честно, вы верите в Бога?

— Хм... верю, конечно. Правда, я уже несколько лет не был в церкви, но всегда считал, что надо быть добрым христианином.

— Думаю, этого вполне достаточно, — улыбнулся Саймон Рэнкин. — Там, в пещерах, нас спасет только наша вера и непрестанные молитвы.

Они посмотрели вверх, где зиял вход в чрево горы. Ральф Рис исчез — видимо, вошел в пещеру.

— Здесь надо быть начеку, — Малькольм Беллмэн показал на узкий выступ вдоль утеса, — каждый шаг должен быть точным. Но не бойтесь и ни в коем случае не смотрите вниз.

Он пошел первым, за ним Андреа, Саймон замыкал цепочку. Каждая жилка напряглась в теле Андреа, тонкий голосок нашептывал: “Поскользнешься — и все. Ты только взгляни, что там, внизу“. Но она не поддалась искушению, и в конце концов все благополучно добрались до небольшой площадки у входа в пещеру. Андреа оглянулась на пропасть и почувствовала головокружение. Хорошо бы на обратном пути воспользоваться “шахтерским трамвайчиком“. Повторить переход над бездной у нее не достанет мужества.

Малькольм достал из кармана квадратный лист бумаги и расстелил на камне. Это была вычерченная от руки карта подземелий горы Кумгильи. Непосвященному было бы трудно разобраться в переплетениях тонких линий.

— Я позаимствовал этот план в обществе любителей-спелеологов, — объяснил Беллмэн. — Он сделан в середине пятидесятых, за это время некоторые проходы могли превратиться в пещеры или уйти под воду.

Андреа попыталась заглянуть в пещеру, и ей стало не по себе. На нее дохнуло сыростью и холодом, в кромешной тьме ничего нельзя было разглядеть. Ветер стих, все кругом замерло, будто в ожидании.

— Мы находимся вот тут, — Беллмэн ткнул пальцем в карту. — Из пещеры спустимся по туннелю к озеру и обойдем его. На самом деле, здесь два пути: на подходе к озеру туннели перекрещиваются; кривой ведет прямо в

воду. Туда нам никак нельзя! Когда обойдем озеро, перед нами откроется несколько проходов. Я думаю, надо выбрать вот этот, прямой. Он ведет к концу трамвайного маршрута; там сильный уклон, но думаю, справимся. Здесь показан очень крутой проход к глубокому спуску. Но, говорят, нижние уровни затоплены, так что дальше лучше не соваться.

Саймон Рэнкин кивнул: "Чем скорей мы тронемся в путь, тем лучше. И помните, где-то внизу бродит Ральф Рис".

Мощный фонарь Беллмэна осветил пещеру размером с большую комнату. По шершавым стенам текла вода, звук падающих капель жутко отдавался в тишине. Справа они увидели низкий свод туннеля, ведущего в самое сердце горы. Их провожатый снова шел впереди, он двигался медленно, проверяя каждое углубление на пути из опасения оказаться в той самой крутой проходке, что обрывалась в озеро.

— Слева водоем, — эхо усиливало шепот Беллмэна. Луч пробежал по черной поверхности воды и уткнулся в скалистый берег. Ширина озера была примерно тридцать шагов.

— Фью! — Андреа отпрянула назад. — А оно большое. Интересно, какая глубина.

— Трудно сказать, — ответил Малькольм Беллмэн. — Если это грунтовые воды, они могут доходить до самых нижних выработок на глубину несколько сотен футов. Если же это естественное подземное озеро, оно вряд ли глубже футов двадцати-тридцати.

Они уже собрались дальше, как вдруг услышали едва уловимый шум — только потому, что стояли не двигаясь. Странные щелчки, как будто кто-то бросал камешки на галечном пляже... или орудовал шахтерским кайлом.

— Что это? — испуганно спросила Андреа.

— Похоже... — Саймон чуть не сказал "кто-то рубит сланец", но вовремя удержался, — под землей часто возникают странные звуки, правда, Малькольм?

— Правда, хотя сдается, раньше я такого не слышал. На капель не похоже, слишком шумно.

Через несколько шагов они услышали звук, заставивший их замереть на месте. На этот раз сомнений быть не могло: это был гортанный смех, усиленный эхом.

Саймон Рэнкин крепко сжал руку Андреа. Шум смолк так же неожиданно, как возник. Беллмэн оглянулся, он был явно испуган.

— Дьявол его побери! — пробормотал он.

— Прекратите чертыхаться! — прикрикнул Рэнкин. — Здесь это опаснее всего. Вы погубите нас всех!

— Извините, — оробевший Беллмэн повел фонарем по сторонам, будто надеялся разглядеть что-то, притаившееся в тени. — Но что все-таки происходит?

— То, чего мы и ждали. Силы зла окружают нас. — Саймон задумался. Пора было приступить к изгнанию дьявола. Пожалуй, можно начать прямо здесь. Он снял с плеча сумку и уже собирался поставить на землю, как вдруг услышал вдалеке шаги. Они приближались.

— Кто-то идет! — Беллмэн попятился, фонарь дрожал в его руках, освещая проход перед ними. — Может, это мальчишка Рис.

— Может быть, он, — ответил Саймон, — а может, и нет. Сейчас увидим. Будьте бдительны и молитесь вместе со мной. — Он начал негромко читать пятьдесят девятый псалом: “С Богом мы окажем силу, Он низложит врагов наших...”

Из мрака показалась фигура человека. Он остановился на границе света и тьмы. Лицо было густо покрыто сланцевой пылью и его трудно было узнать. В одной руке он держал кирку, другая была повреждена, на пальцах запеклась кровь; защитный шлем был помят.

— Стаффорд! — Саймон Рэнкин не мог скрыть изумления. Он объяснил спутникам, что перед ними один из тех, кого завалило у подножия фуникулера вместе с командой Мэтисона. — Наверное, он с тех пор и блуждает по шахтам.

Пришелец молча смотрел на них, его лицо медленно расплылось в гримасу, которая должна была означать улыбку: “Хорошо, что вы пришли”. Слова прозвучали глухо и невыразительно и завершились болезненным стоном.

— Вы живы, слава Богу! — Саймон шагнул к нему. — А что с остальными?

— Их завалило, когда рухнула кровля. Я почти пробился к ним... может, вы мне поможете.

— Вам нужно отдохнуть, дружище, — Рэнкин заметил рану на руке и ссутулившиеся плечи. — Послушайте, отсюда недалеко до поверхности. Мы...

— Нельзя терять ни минуты, — оборвал Стаффорд. — Еще немного, и они умрут. Втроем мы откопаем за час, — пустой взгляд остановился на Андреа, — леди тоже могла бы помочь.

— Лучше поднимемся за помощью.

— Я сказал, нет времени! — Стаффорд почти кричал.

По спине Саймона пробежал холодок. Что-то здесь было не так. Стаффорд был жив, он несомненно не был привидением, и все же...

— Так и быть, ведите нас к завалу.

Стаффорд повернулся и побрел, пошатываясь. И тут Саймон Рэнкин понял, в чем дело: Стаффорд не освещал себе дорогу и, кажется, не нуждался в этом.

Рэнкин сжал пальцы Андреа, желая предупредить ее. У нее перехватило дыхание: она поняла.

Шедший впереди человек ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, следуют ли они за ним. Он шел, сторбившись, почти согнувшись пополам. Каска то и дело задевала о своды, но он, казалось, не замечал ударов.

В кармане у Саймона лежало небольшое серебряное распятие. Он весь был как натянутая струна, готовый мгновенно действовать в случае необходимости. Силы тьмы подчинили Стаффорда, намеренно оставив его в живых, чтобы он служил приманкой для других жертв.

— Далеко еще? — громко спросил Саймон, замедляя шаг. Они вышли из главного туннеля, миновав несколько просторных пещер, наподобие той, что показывали туристам. Рэнкин надеялся, что Малькольм Беллмэн запомнит дорогу.

— Здесь! — Стаффорд остановился посреди большой, высокой пещеры и указал киркой на противоположную стену. Посветив фонарем, Саймон увидел, что обвал там действительно был. Но вряд ли он произошел недавно, хотя на твердом камне виднелись свежие следы ручного инструмента. Видно, кто-то пытался пробить завал. Не выпуская Стаффорда из виду, Саймон подошел поближе, чтобы как следует разглядеть стену.

— Это ты сделал? — он постарался задать вопрос как можно небрежнее.

— Да, — глаза на почерневшем лице на миг оживились.

— Тогда я уверен, мы сможем помочь. Кирки нам не понадобятся... а вот несколько молитв будут весьма кстати!

— Нет! — раздался умоляющий вопль.

Но Саймон Рэнкин уже громко молился по-латыни. Стаффорд дернулся, как от удара током. В тот же миг поднялась раненая рука и кирка взвилась в воздух.

Мелькольм Беллмэн действовал мгновенно. Годы подземных исследований научили его, что от быстроты реакции зависит все: быть ли погребенным под завалом или выбраться невредимым. Он прыгнул вперед и резиновым футляром от фонаря, как полицейской дубинкой, сильно ударил нападавшего по лицу.

Стаффорд охнул. Кирка царапнула сланец в нескольких дюймах от головы Саймона и упала с лязгом.

— Держите его! — крикнул Рэнкин, ухватив Стаффорда за руку. — Я должен был предвидеть...

Стаффорд сопротивлялся, пинаясь тяжелыми ботинками, казалось, сил у него прибавилось, так что они вдвоем с трудом удерживали его.

— Андреа, — прохрипел Саймон. — В моей сумке... вода, смотри, не разлей — брызни ему в лицо!

Андреа бросилась исполнять приказание. Дрожащими пальцами она отвинтила пробку и налила немного святой воды в ладонь, а потом брызнула ею на искаженное лицо сопротивляющегося человека.

Стаффорд взывал, будто с него сдирали кожу. Выкрикивая ругательства, он извивался, пытаясь укунить руку, осенявшую его крестным знаменем. На губах выступила пена, он был похож на взбесившегося зверя. Поскользнувшись, он упал и был крепко прижат к земле.

Перекрывая безумные вопли, раздался громкий, уверенный голос Саймона: "Господи, Боже всемогущий, Ты — крепкая защита от врага, смертью смерть поправший и победивший того, кто властен над смертью, низвергни Сатану и сотвори так, чтобы расточились силы зла и пало владычество их над этою душою; да войдет в нее Христос". Неожиданно наступила жуткая тишина. В тусклом свете

фонарей трое мужчин застыли в странных позах. Никто не шевелился, даже Стаффорд перестал бороться. Андреа подумала, что он умер.

Саймон Рэнкин выпрямился. Направив на него луч фонарика, она увидела, что его лицо блестит от пота.

— Что с ним случилось? — первым нарушил тишину Беллмэн.

— Он был одержим дьяволом, — вяло ответил Саймон, совершенно обессиленный. — Я изгнал нечистую силу, теперь он спасен.

С отвращением Андреа вспомнила, как сама стала добычей Сатаны, как завладели ее душой и превратили в послушного робота. Стаффорд сел и, широко открыв глаза, недоуменно огляделся: “Что... со мной?”

— Не волнуйтесь, — Саймон помог ему подняться. — Первый раунд в этой долгой схватке мы выиграли. Что вы помните, Стаффорд?

— Я... туннель фуникулера рухнул и раздавил вагоны. Все как с ума сошли. Мы обвиняли во всем Мэтисона. Он стал убегать, мы за ним. Потом разделились и потеряли друг друга, — он испуганно вздрогнул, — и тогда я нашел Тримэйна... он был мертв.

— Постарайтесь об этом не думать, — Рэнкин понял, что здесь, во тьме проклятой шахты, эти слова звучат глупо, но больше ничего не пришло в голову. Усилием воли он взял себя в руки. Ему понадобится вся его сила, битва только началась.

— Что теперь делать? — Беллмэн оглянулся туда, откуда они пришли, всем сердцем желая оказаться сейчас на свежем воздухе. Он был изрядно напуган.

— Слышите! — Стаффорд резко обернулся. — Шум какой-то. Голоса. За этим завалом кто-то есть!

И они слышали знакомые стоны, жалобный плач. Звуки доносились из того самого места за толстой стеной обрушившихся камней, где, по словам околдованного Стаффорда, были пленники.

— Что там? — Стаффорда охватила паника.

— Успокойтесь, — Рэнкин старался говорить уверенно, опасаясь, что Стаффорд бросится бежать. — Именно это место мы искали, здесь много лет томятся в вечной тоске души несчастных. Мы снова должны прибегнуть к экзор-

цизму. Помолимся Господу, дабы нам и впредь сопутствовала удача.

Крики за стеной стали громче, и они расслышали: “Не оставляй нас, Джетро!”

Они стояли в темноте, прижавшись друг к другу, и вдруг почувствовали, как земля задрожала под ногами. Вдалеке раздался грохот, он нарастал, стремительно приближаясь. Стены и потолок ходили ходуном, отовсюду посыпались камни.

— В укрытие! — завопил Саймон, одной рукой крепко прижимая к себе Андреа, а другой сумку с драгоценным сосудом. — Назад в туннель. Пещера может рухнуть каждую секунду. Все повторяется. Джетро хочет снова похоронить свои жертвы под обвалом. И нас вместе с ними!

Они бросились назад, в туннель и достигли его в тот миг, когда стена, отделявшая их от погребенных, со страшным грохотом, как при подземном взрыве, провалилась внутрь, подняв клубы удушливой пыли.

И среди этого грохота они услышали отчаянные крики погребенной рабочей смены, плач детей, осознавших, что им никогда не выйти отсюда.

Глава восемнадцатая

Сразу после полуночи Илай Лилэн незаметно выбрался из “Лагеря Карактака”. Путь его лежал через поле в обход деревни. Лунный свет был достаточно ярок, и он мог не зажигать фонарь. Бородатое лицо выражало угрюмую озабоченность.

Все уже, наверное, собрались и ждут его. Мужчины и женщины, тайком покинувшие свои жилища, возделели тел друг друга, но горе тому, кто посмеет совокупиться до прибытия главаря. Пожилые жаждали омоложения и пытались обрести его на Пути Тьмы; те, что помоложе, стремились к безграничной власти.

Тревожные мысли не оставляли Лилэна по дороге к церковному погосту. Викарий умер явно не ко времени. Разумеется, Лилэн не собирался оплакивать Брэйтуэйта, но его кончина могла привлечь внимание к тому, что творилось в деревне и во что при жизни старика никто не вмешивался. Они постоянно собирались на кладбище, осквер-

няли могилы, но всегда замечали следы. И вот кто-то перестарался. Мазут на могиле Джо Льюиса, ругательство на дверях церкви, перевернутое распятие и еще кое-какие святотатства. Будь Брэйтуэйт жив, беспокоиться бы не пришлось: он бы, не поднимая шуму, сам привел все в порядок — жалкий старик, в одиночку пытавшийся противостоять злу. Теперь все изменилось.

Причина смерти — удар — была вполне естественной, но это не помешало уголовной полиции затеять расследование. В деревне появились любопытные полицейские, они даже в трактир зашли и расспрашивали посетителей. Репортер тут тоже побывал. Возможно, завтрашние газеты выйдут с сенсационным заголовком: “Дьяволопоклонники в Кумгилье“, а воскресные издания, глядишь, добавят подробностей. И начнется охота на ведьм.

Скорее всего, это проделки мальчишки Риса. Его не хотели брать на шабаши — ни одна женщина не подпустит к себе такого паскудника, вот он и решил отомстить. Он ушел в пещеры и заключил договор со своим родственником Джетро. Вдвоем они погубили Брэйтуэйта, призвав на помощь верховную силу. Ничем иным все, случившееся в последние два дня, нельзя объяснить. Отныне могучие силы, обитающие в шахтах, будут направлены на Лилэна и его приспешников. Маги восстанут против магов, и в царстве тьмы разразится междоусобица. Перспектива не из приятных, особенно если Джетро и Ральф Рис действительно заручились поддержкой Хозяина. Он шутить не станет. Лилэн содрогнулся.

Выход был только один, и когда Лилэн увидел его, он едва не повернул назад, бросив собравшихся на кладбище на произвол судьбы. Они должны сами обратиться к Хозяину, заключить с ним мир и обернуть его гнев против тех, кто пытается использовать его в борьбе за власть!

Смерть священника стала ложкой дегтя в бочке меда, она возбудила к ним интерес, и тайное может стать явным. Лилэн остановился у покойницы и затоптал окурки. Пот лил с него ручьями, во рту пересохло. Он надеялся, что ему никогда не придется принимать столь серьезных решений, но дело зашло слишком далеко. Они начали с пустяков, с банальных сексуальных игр, а чтобы придать забаве атмосферу значительности, придумали бормотать

бессмысленные заклинания. А потом вошли во двус. Его опять пробрала дрожь, хотя ночь стояла теплая. Назад пути нет. Им предстоит битва не на жизнь, а на смерть, но дух Джетро может быть побежден только с помощью рогатого божества!

Еще несколько дней назад ничего подобного Лилэну бы в голову не пришло. Но теперь страх, как смертельный недуг, пожирал его. Магия — как электричество, никто в ней толком ничего не смыслит, она может быть и проворной служанкой, и грозной владычицей. И она стала повелевать!

Сегодня был полный сбор, восемнадцать обнаженных людей, затаившись в траве, ждали его появления. Он взглянул на них и понял, что они до смерти напуганы. Горстка трусливых деревенщин никак не годилась для его цели, надо было растормошить их да и самому встряхнуться. Они уже изрядно выпили, оргии обычно начинались с попойки, и это было только к лучшему — подогретые похотью и алкоголем, они были готовы на любые бесчинства. Но даже вино не вышибло из них страх, они знали, что попали на заметку полиции.

— Сегодня мы не можем остаться здесь, — он приветственно улыбнулся, показав крупные, желтые от никотина зубы. — В лесу будет удобнее. Не будем терять времени, нас ждут важные дела.

Слова Лилэна возбудили любопытство; предвкушение новых приключений заглушит страх, а секс и обильная выпивка покончат с ним совсем.

Вереница голых тел, освещенная луной, двинулась прочь от кладбища. Шествие замыкал Лилэн, исподволь разглядывая своих приспешников. Стареющие женщины с обвисшими грудями и морщинистыми животами, у мужчин складки жира трясутся при ходьбе. Взгляд остановился на женщине по имени Шина. Молодая разводка лет тридцати, привлекательная, если не приглядываться слишком пристально; при свете луны, когда не видно угрей, густо обсыпавших кожу, даже красивая. Она переспала со многими мужчинами после того, как муж застал ее с любовником. В Кумгилье ее сторонились. Тогда она пришла к Лилэну и его сообщникам и была принята как своя.

Через полчаса они добрались до небольшой рощицы у подножья горы. Лесок из берез и сосен — единственных деревьев, которые могли выжить на этой скудной земле — был правильной формы, словно специально посажен; или же деревья проросли внутри круга, ограниченного валунами. В давние времена здесь справляли свои обряды друиды. Рощица почему-то не была отмечена на топографических картах, Илай Лилэн случайно наткнулся на заброшенное капище несколько лет назад. Ему нравилась особая атмосфера этого места, ни в чем не уступавшая кладбищенской. Даже если это не совсем так, то нынче ночью он добьется своего!

Лилэн напрягся, сжав нервы в кулак. Он чувствовал себя игроком в покер: все зависит от того, придет ли хорошая карта. Он не хотел думать, что карта может оказаться последней. Ставки были непомерно высоки. Если выиграет, получит абсолютную власть, если проиграет...

— Я надеюсь, тут полиция нас не найдет, — это малодушный Айвор не смог удержаться.

— Не найдет, — усмехнулся Лилэн, надеясь, что его слова прозвучат достаточно убедительно. — И не о полиции нам надо беспокоиться.

Встревоженный ропот раздался в ответ.

— Джетро и мальчишка Рис, — Лилэн говорил медленно, упирая на каждое слово, — пошли против нас, чтобы лишить нас власти. Они осквернили церковь, убили викария и напустили на нас полицию. Они хотят уничтожить нас, как уничтожили Джо Льюиса!

С возгласами ужаса люди прижались друг к другу, как будто в беспорядочных прикосновениях голых тел можно было найти защиту.

— Они обратились к самому Хозяину, — голос Лилэна возвысился до истерического крика, — и мы должны сделать то же самое. Сегодня ночью мы попросим его быть нашим предводителем на Путилевой Руки и разгромить наших врагов!

Он подошел к корзине с бутылками, которую они приволокли с собой: "Сначала выпьем и подготовимся к тому, что нас ждет".

Он наблюдал за ними со стороны. Скоро к ним вернется мужество, этому поможет крепкое красное вино, смешан-

ное со спиртом, — его собственное изобретение; такой коктейль превратит их в безумцев. Однако его голова должна остаться ясной, ибо теперь все зависит от него.

— А что мы будем делать? — седой пятидесятилетний Айвор, утерев рот рукой, задал вопрос, который волновал всех. — У нас нет... жертвы.

— Будет, будет, — надтреснуто засмеялся Лилэн, многозначительно посмотрев на чемодан, который принес с собой. — Но попозже. Сначала сделаем то, что умилюстит Хозяина.

Вино сделало свое дело, они приплясывали, глупо хихикая, натыкаясь друг на друга, мужские пальцы бесстыдно щупали женские тела, в ответ раздавались сладострастные вопли. Лунный свет стал ярче; казалось, и от тел исходит странное, неземное свечение. Они шатались, спотыкались, а упав, не могли подняться без посторонней помощи. Решительный момент приближался.

Сегодня Илай Лилэн не испытывал возбуждения; даже когда все попадали в кучу и началась оргия, он остался безучастным. Шина взывала от наслаждения. Он тихо засмеялся: она была приговорена. Никто другой не подойдет для задуманного. Он так решил!

Извивающиеся тела сплелись, как клубок змей. Лилэну пришлось остановить их. Ночь только начиналась, самое важное было впереди. Сатанистам следовало беречь силы. Он выступил вперед, подняв руку; немедленно все стихли, головы повернулись к нему.

— Время пришло, — сказал он сильным, звучным голосом. — Мы должны немедленно воззвать к Хозяину. — Он надеялся, что сумел скрыть волнение, впрочем, все были слишком пьяны, чтобы его заметить.

— Но у нас нет жертвы, — опять раздался тот же скучный голос.

— Разве? — засмеялся Лилэн. — А я думаю, есть. — Опустившись на колени, он открыл чемодан. В лунном свете взметнулась и повисла, словно ее спустили сверху, десятифутовая пеньковая веревка, на ночном небе обозначился силуэт петли. Послышались негромкие, испуганные возгласы.

— Если Хозяин приходит, он не уходит с пустыми руками, — гремел голос Лилэна. — Так ли это? Отвечайте!

Собравшиеся боязливо поддакнули.

— Мы нуждаемся в Хозяине, чтобы Джетро не объединился с ним для нашего уничтожения. Все ли вы со мной?

— Да...

— Тогда мы сделаем то, что следует. Только жертва умилюстит того, к кому мы взываем... человеческая жертва!

Затаив дыхание, они испуганно переглядывались.

— Возвысим ли мы свой голос, чтобы Хозяин нас услышал, или останемся немые и позволим нас сокрушить, как это случилось с Брэйтуэйтом и Джо Льюисом? И не будем забывать о судьбе тех, кого Сатана и Джетро заманили в шахты, в это преддверие ада. Всем нам грозит та же участь.

Кивки, возгласы согласия: “Мы должны воззвать к Хозяину, Илай, пока не поздно”.

— Прекрасно. Тогда давайте соберемся с духом и найдем жертву, которая порадует его. Итак, желает ли кто-нибудь принести себя в священную жертву и тем самым обрести неоспоримое право войти в чертоги тьмы? Никто не обретет большей любви, чем предложивший свою жизнь Хозяину.

Они смотрели друг на друга в ужасе, каждый надеялся, что найдется смельчак и выйдет вперед. Но все, наоборот, пятились, трясаясь от страха.

— Тогда я сам сделаю выбор! — теперь они были в полной власти Илая Лилэна, он мог казнить и миловать, и никто не осмелился бы оспаривать его права; каждый молился про себя, чтобы жребий пал не на него.

— Есть ли среди нас девственница?

— Нет... нет, — нестройный шепот, и снова наступила тишина.

— Тогда самая молодая из женщин будет наилучшей жертвой.

Испуганные женщины искали глазами Шину и, убедившись, что она на месте, облегченно вздыхали. Их минула чаша сия.

— Шина... Шина... Шина! — возбужденные восклицания становились все громче, Шину схватили и поволокли по земле. Она отбивалась и кричала, пока ей не заткнули рот. Толпа с восторгом предвкушала жертвоприношение.

— Хорошо, — Лилэн стоял, скрестив руки на груди, и довольно улыбался. — Хозяин наверняка будет удовлетворен. У нас нет крови девственницы, но мы можем принести кое-что ничуть не хуже — тело повешенной шлюхи! Не будем медлить.

Мужчины и женщины подчинились в ладостном возбуждении. Связав запястья и лодыжки жертвы, они накинули петлю ей на шею, а другой конец веревки перебросили через толстый сук на высоте в полтора человеческих роста.

В молчанье все вновь обратили взоры в Лилэну, готовые исполнить любой его приказ. Сейчас он заменял Хозяина, был их спасителем; если он сказал, что потаскуха должна умереть, так тому и быть. Грузная женщина с обвислыми, морщинистыми грудями плюнула жертве в лицо. Ее поступок вызвал шумное одобрение, другие женщины стали подходить, чтобы ударить или пнуть приговоренную, припомнив, как их поколачивали мужья. Эта сука должна быть повешена, и если ее смерть обеспечит им благоденствие — тем лучше.

— Хватит! — властный окрик остановил избиение. — Она должна быть в сознании до самого конца. Натяните веревку!

Они с готовностью ухватились за веревку и рванули с такой силой, что сдавленный вопль Шины тут же оборвался булькающим хрипом. В мягком серебристом свете луны ее нагое тело казалось невесомым, даже прекрасным. Широко раскрытые глаза смотрели с мольбой, но было некому внять. Слово Илая было законом, и никто не смел возразить. Их охватило новое желание, разнузданность которого граничила с безумием; в предвкушении убийства они были чужды и разума, и сострадания.

— Повесить ее! К дьяволу эту сифилитичку!

Все не сводили глаз с Лилэна, державшие веревку ждали его команды.

Тот стоял, воздев руки к ночному небу, в лунном сиянии его глаза казались огромными. Он физически ощущал свою власть: в ушах зашумело, кровь в жилах побежала быстрее, сердце отбивало боевой ритм. Когда Лилэн решил разнообразить серое существование кумгильцев, он выдумал и “священные” обряды, призванные помочь участникам оргий позабыть стыд. Неожиданно фантазия стала ре-

альностью, и теперь губы шептали странные, непонятные ему самому слова. Но он был уверен, что именно те самые, которые нужны для прямого обращения к Хозяину Зла.

Тело Шины приподнялось еще выше, когда свободный конец веревки привязали к стоявшей рядом березе, связанные ноги задергались. Палачи поспешили присоединиться к остальным, чтобы лучше видеть раздувшееся, искаженное лицо жертвы, кровь, брызнувшую из прокушенной губы на грудь. Тело медленно качнулось, черный треугольник, казалось, дразнил мужчин, скрывая то, что столько раз в прошлом давало им наслаждение. На этот раз не оргазм потряс тело Шины, но приближение смерти. Хрустнули позвонки искусанной в любовном экстазе шеи.

Заклинания Лилэна потонули в злобных криках. Тело дернулось в последний раз и обвисло; сук заскрипел под тяжестью. Смерть Шины была встречена воем разочарования, но не потому, что ее пожалели: все произошло слишком быстро, и они не успели насладиться мучениями жертвы. Свою злость и досаду они обрушили на безжизненное тело, царапая его ногтями, молотя кулаками; под яростными ударами оно болталось, как боксерская груша. Тем временем Илай Лилэн продолжал монотонно читать заклинания, на лице застыла отрешенность, глаза казались невидящими, словно бельма.

Неожиданно сгустился туман, холодное облако опустилось на рощу, скрыв белой пеленой и луну, и болтавшийся на веревке труп. Все затихли, как по команде. Даже голос Лилэна смолк, хотя губы продолжали безмолвно шевелиться, призывая зло.

Шина была забыта, все с тревогой оглядывались вокруг, испуганно шарахаясь друг от друга. В ужасе они упали на колени и обратили взгляды в Лилэну, крики слились в едином вопле.

Главарь, казалось, оцепенел, протянутые руки что-то искали, но находили лишь пустоту. Он попятился, передвигая ноги, как заводная игрушка, лицо исказила страшная мука, какую не могла причинить даже самая сильная физическая боль. Он согнулся и зашатался, но прежде, чем тело ударилось о землю, он был уже мертв. Едва Лилэн тяжело рухнул на мокрую траву, на том месте, где только что стоял он, возникла из тумана какая-то фигура. Или это вечность прошла? Время исчезло.

Тень постепенно уплотнялась и приняла форму зверя, красные глаза сверкали сквозь туман. Из ноздрей шел пар — то ли морозное дыхание, то ли клубы дыма. Завоняло потревоженным гнилым болотом. Глаза зверя вперились в толпу, лишая мыслей, но не освобождая от ужаса. Если бы люди могли двигаться, то бросились бы бежать без оглядки. Но они застыли, бессмысленно глядя на явленное им. Илай все-таки добился своего!

Сам Сатана откликнулся на его зов!

Но не для их спасения он соизволил явиться. Из-за раздутых ноздрей и горящих глаз поглядывали иные черты — человеческие, но постоянно меняющиеся. Старческое лицо превратилось в юное, однако столь злобное, что оно не казалось неуместным на теле четвероногого. Перед ними было одно из воплощений Хозяина — омерзительно скотское, оно вдохнуло в извращенные души дикую ярость. Опустившись на четвереньки и свирепо рыча, люди превратились в кровожадную стаю невиданных хищников, готовых рвать друг друга.

Началась драка. Ими овладел первобытный инстинкт самосохранения: все кругом были врагами, нужно было уничтожить других, чтобы выжить самому. Вот из чьего-то горла брызнула кровь, и все накинулись на несчастного, а когда тот замер, бросились на следующего. Так убивали друг друга звери в человеческом облике; от воплей, сотрясавших заброшенную рощу, казалось, разлетался туман, луна скрылась за облаками, будто не в силах вынести ужасное зрелище. Они сплелись, как пауки в банке — апофеоз зла.

Но и во тьме безумие не прекратилось; отбрасывая мертвые тела в сторону, живые продолжали истреблять друг друга. Седой Айвор вырвался из схватки с окровавленной мошонкой, дико озираясь. Он мог бы убежать и спастись, но это даже не пришло ему в голову. Он снова кинулся в драку, увидел чьи-то горящие ненавистью глаза и с силой вонзил в них пальцы, пытаясь выдавить из орбит. Перед ним маячило плоское лицо с толстыми губами и поросычьими глазками, невероятная злоба была написана на нем.

Противник отбросил Айвора и подмял его под себя. Деревенский дурачок! Но это невозможно, Лилэн сказал, что мальчишка ушел в шахты... Нет, это был не он, луна, на

мгновение показавшись из-за туч, осветила морщинистое лицо старика. И запах от него шел старческий, затхлый; скрюченные руки сомкнулись на горле Айвора и сжимали, пока он не потерял сознание.

Последнее, что он увидел в черноте ускользящего сознания, было рогатое чудовище: пофыркивая от нетерпения, оно поднялось на задние лапы, красные глаза приказывали Айвору быстрее умереть, потому что зверю не терпелось уйти. До рассвета ему надо было завершить еще одно дело...

Занимался день, когда трое полицейских вошли в рошу. Их привлёк визгливый смех, непрерывно доносившийся из-за деревьев. Они старались держаться вместе, почему-то опасаясь идти поодиночке. Дошли до поляны, раздвинули листву — и обомлели.

— Бог мой! — Рослый сержант с покрасневшими от бессонной ночи глазами отпрянул, на миг ему показалось, что он бредит, и он недоуменно посмотрел на товарищей.

Сук, на котором висело обнаженное женское тело, скрипнул и прогнулся, грозя обломиться. Под ним раскинулось побоище — груды мертвых тел, некоторые еще дергались в агонии.

— Чертова бойня! — констебль помоложе почувствовал, что его вот-вот вырвет. В памяти мелькали фотографии, которые он видел в управлении уголовной полиции. Ритуальные убийства детей на ферме в Болхаузе. Есть ли какая-то связь между этими двумя зверствами? Завтра... нет, уже сегодня кумгильская трагедия выплеснется на полосы газет. На следующий день будут новые фотографии и новые подробности. Публика обожает смаковать кровавые истории в тишине и безопасности собственных домов. Только тут констебль заметил единственного уцелевшего в этой душегубке. Немолодая женщина сидела, привалившись спиной к дереву. Одна из тяжелых грудей была сильно исцарапана; бесстыдно раскинутые, согнутые в коленях ноги как бы призывали любовника. Она была уже за гранью разума.

Но настоящий ужас они испытали, когда нашли чернобородого мужчину. Он, единственный из всех, был одет и

лежал в стороне, у подножья пологого склона. Вытянутые, плотно сжатые ноги указывали направление падения, руки были раскинуты в стороны. Он напоминал перевернутый крест.

Мужчина был сражен единственным ударом, разmozжившим череп и оставившим столь четкий отпечаток, что его было видно за несколько шагов. Мгновенная смерть наступила от удара раздвоенного копыта!

А женщина все смеялась, и в тишине раннего утра смех звучал жутко. Над головами полицейских слышался шум: черные птицы, похожие на стервятников, опускались на деревья неподалеку. Покричав, они затихли и расселись в ожидании своего часа, как будто были кем-то посланы навести порядок, очистить поляну от следов отвратительной бойни.

Глава девятнадцатая

Андреа кричала в ужасе, Малькольм Беллмэн пятился от надвигающейся груды камней. Саймон Рэнкин дрожащими пальцами отвинчивал пробку бутылки со святой водой, громко читая молитву. Обернувшись, он увидел, что рухнувшая стена открыла большую пещеру. Священник посмотрел туда, и ему показалось, он понял все.

Но не было времени раздумывать над тем, что осветил луч фонаря, пробившись сквозь густую пелену пыли. Это не могло быть явью, очередная химера, сотворенная силами зла. Но может быть, все же?..

Он увидел небольшую толпу. Люди сидели или стояли, среди них были и знакомые ему, и никогда не встречавшиеся лица. Взрослые и дети. Все они тупо смотрели перед собой, видимо, напуганные обвалом. Они были совершенно неподвижны, и трудно было понять, живы они или нет.

Рэнкин пригляделся внимательнее, ощутил холодное, проникающее зло, исходявшее от них, и понял, что все это — живые мертвецы, жертвы Джетро Льюиса. Много лет назад первые из них были заточены в заброшенных шахтах. С тех пор все, пропавшие под землей, присоединились к ним, вырванные из жизни, чтобы вечно мучиться в смерти, и от их прежних тел остались только оболочки.

Саймон вздрогнул и едва не выронил бутылку. В толпе он заметил лицо Фрэнсис Майетт, она смотрела с мольбой. Во имя Господа, которому ты служишь, вызволи меня из этой могилы! А вот и Артур Мэтисон, напуганный и недовольный, и рослый юноша, видимо, Дэвид Уомбурн, и те, кого заманили в шахты первые жертвы, чтобы умножить свои ряды и успешней противостоять Джетро. Их поглотила вечная борьба добра и зла, но жажда мести ожесточила затерянные души, и теперь все они принадлежали злу.

Саймон чувствовал, как они надвигаются — опасная сила, полная решимости уничтожить того, кто угрожал ее существованию. Они звали его, уговаривая войти в пещеру, — еще немного, и он бы подчинился. Только его вера могла спасти живых. Фонари погасли — как и тогда, любой свет умирал перед лицом зла. Оно физически ощущалось в наступившей тьме, жило и двигалось, пытаясь добраться до Саймона.

Он вспомнил Дауэр Мэншен. Все повторилось; он снова был со всех сторон окружен врагами, унижавшими его, терзавшими его душу. И снова — позорное поражение. Малькольма и Андреа не было слышно, возможно, они уже погибли, и он опоздал.

Борись во имя Господа! Я верую в Бога!

На этот раз он не сдастся, отстоит свою веру. Толпа взорвалась диким воплем. Недрогнувшей рукой он плеснул из заветной бутылки в сторону пещеры. Пришел черед Римского Обряда, самого могущественного заклятия экзорцистов; оно было таким сильным, что требовало присутствия двух священников. Саймон уже опробовал его на Стаффорде. Настал час самого сурового испытания. Нежить должна быть уничтожена. Иначе ему и его спутникам нет спасения — им придется присоединиться к сонму мертвецов Кумгильи.

Саймон кричал во весь голос, порывы ветра уносили его слова, но не могли отнять их смысл: *"Praecipio tibi, quicumque es, spiritus immunde... et omnibus sociis tuis hunc... deifamulum... — Ледяной ветер начал стихать, в воздухе потеплело. — ... obsidentibus, ut per misteria Incarnationis, Passionis..."* Снова зажглись фонари, их перекрещенные лучи напомнили Саймону о прожекторах

вокруг собора, где так же постоянно чередуются пятна света и тьмы.

Люди в открытой могиле пришли в движение, поняв, какая страшная опасность им грозит. Сбившись в кучу, они вытягивали руки в последней, отчаянной мольбе. "... Resurrectionis et Ascentionis Domini nostri Jesu Christi..."

Запахло плесенью и гнилью. Ветхие одежды рассыпались в прах, плоть начала расползаться, обнажая белеющие кости. Но они не сдавались! Девочка с полусгнившим лицом, искаженным смертной мукой, завопила, это был пронзительный крик страдающей души.

Саймон Рэнкин заколебался на миг, но он знал, что не должен поддаваться жалости: это очередная ловушка, представленная, чтобы прервать обряд.

"...per missionem Spiritus Sancti, et per adventum eiusdem Domini nostri ad iudicium dicas nomen tuum..." Он яростно выкрикивал священные слова, глубоко вонзая их клинок, нанося теперь уже последний удар. "... diem et horam exitus tui cum aliquo signo; et ut mihi..." Девочка рухнула на землю, лицо ее застыло в неподвижности, почти в покое. "...Dei ministro licet indigno, prorsus in omnibus obedias; neque hanc creaturam Dei, vel circum stantes, aut eorum bona ullo modo ofendas"*.

Теперь все они упокоились с миром, тяжело было смотреть на эту противоестественную смерть скелетов. Пыль закружилась над ними: зло изошло и исчезло во тьме.

Саймон прикорнул на полу; обессиленный душевно и физически, он не мог держаться на ногах. Он опять вспомнил Дауэр Мэншен; крепкой веры и мужества — вот чего ему тогда не хватило. Он обернулся, ища взглядом Андреа. Она сидела, прижавшись к Малькольму Беллмэну, оба бессмысленно смотрели в пространство. Страх заставил Саймона подползти к ним; ему почудилось, что их души

* Повелеваю тебе, кто бы ты ни был, дух нечистый, и всем сообщникам твоим, вселившимся в сие чадло Божье, — во имя таинств Воплощения, Страстей, Воскресения и Вознесения Господа нашего Иисуса Христа; во имя миссии Духа Святого, пришествия реченного Господа нашего в Судный день — сообщи имя твое, и день, и час твоей кончины неким знаком; и мне, недостойному именоваться посланником Божиим, повинуйся во всем без остатка; а также не причини никакого зла сему Божьему творению, ни присным его, ни добру его (*лат.*).

не выдержали испытания, и только он остался в живых. Он потряс их за плечи.

— Мы... победили. — Андреа попыталась улыбнуться дрожащими губами.

— Покой снизошел на них, — прошептал Саймон. — Долго же пришлось им ждать. Видимо, тот первый обвал много лет назад создал нечто вроде микроклимата, как в египетской пирамиде, который препятствовал разложению. Тела их сохранились, а души оказались во власти зла, поэтому существование их было ужасно. Здесь скелеты только тех, кто попал в тот давний обвал. Фрэнсис Майетт, Мэтисона и других нет, то, что мы видели, было лишь астральным отражением их земных тел.

— Не могу поверить, — отозвался Беллмэн. — Все это так ужасно!

— Здесь было продолжение ада, но мы его разрушили объединенными усилиями и верой.

— Значит... все кончилось? — шепнула Андреа.

Саймон кивнул — и вдруг замер. Откуда-то из черной пустоты раздался взрыв смеха и вновь повеяло пронизывающим до костей холодом. Беллмэн и Андреа бросились под его защиту, их трясло от страха.

— Джетро и мальчишка Рис! — На этот раз и Рэнкин не смог скрыть охвативший его ужас. — Мы сделали то, чего они добивались от нас, — вскрыли могилу. Но теперь они не могут забрать несчастных, годами томившихся в подземелье, потому что их души освободились. И заберут нас вместо них!

Душа Саймона билась в водовороте страха, грозившем поглотить ее целиком. Вера его была тверда, но предыдущее столкновение со злом лишило сил. Теперь перед ним был главный противник; все сатанинские силы соединились в давно умершем шахтере и мальчике-дебиле, лучшей пары для злодеяния нельзя было найти.

Голова Саймона была как в тумане. Он начал молиться, с трудом выговаривая слова. Он слишком ослабел, чтобы вновь прибегнуть к Римскому Обряду. В панике он обратился с отчаянной мольбой к своим спутникам: "Помогите мне!"

— Как? — в наступившей темноте Андреа схватила его за плечи. — Ради Бога, Саймон, скажи нам, как?

Он попытался сосредоточиться. Бессвязные мысли, обрывки воспоминаний. И вдруг увидел Эдриена и Фелисити, они плакали и просили его о чем-то. Его охватила ярость и желание отомстить силам зла за то, что они сделали с невинными детьми. Это будет отмщение Господа, а не его собственное.

— Мы будем бороться, — пробормотал он, — все вместе. Малькольм, Андреа... — он снова откупорил бутылку, смочил указательный палец и провел по их лбам, обозначив крест. В лютом холоде их теплое дыхание согрело его лицо. Благословение далось ему с трудом, но он почувствовал, как уменьшился страх. Затем внезапно вспыхнули фонари, залив пещеру погребенных желтоватым светом.

Скелеты лежали там, где упали, покой царил над ними, как будто они, отмучившись, наконец погрузились в долгожданный сон. Но позади них чья-то фигура показалась из темноты. Она остановилась в десяти шагах от них. Этот приземистый, уродливый человек мог быть только Ральфом Рисом.

Однако он уже не был деревенским дурачком, которого они знали раньше. Исчезли бессмысленная ухмылка и тупая угрюмость, теперь его лицо было воплощенной злобой. Пепельно-серая кожа, будто он восстал из гроба, глаза пылают ненавистью. Одежда свисала с него лохмотьями, мешковатые штаны были заправлены в потертые гетры.

— Джетро Льюис! — выдохнул Саймон. — Дьявол завладел мальчиком и вселился в новое тело!

Андреа отчаянно пыталась побороть страх. Беллмэн держался из последних сил, чтобы не упасть в обморок. А Саймон Рэнкин не мог унять дрожь, охватившую его перед лицом самого страшного испытания. То же самое зло, только в ином обличье, обратило его в бегство в Дауэр Мэншен. Тогда его не стали преследовать, удовольствовавшись победой, но на этот раз, в случае поражения, спасения не будет. Эта встреча должна стать последней.

Джетро не торопился, он глядел вверх, на темные своды и будто прислушивался к чему-то. Послышалось слабое шипенье и треск. И тут Рэнкин, узнав звук понял, чего он ждет, — огонек бежал по шнуру к заряду пороха!

— Время повернулось вспять! Джетро опять поджег шнур, чтобы обрушить свод и запечатать могилу. Но те-

перь он не убежит, а останется с нами в аду, чтобы мы вечно исполняли его требования!

Мысль о вечной муке в закланной шахте сводила с ума. Они знали, что произошло с первыми погребенными, и не хотели поверить, что то же самое может повториться с ними. Не отрывая глаз, они смотрели на злобную тварь в человеческом облике. Та насмеялась над ними, чувствуя себя неуязвимой в броне зла, пожалованной Князем Тьмы для последней битвы.

Саймон Рэнкин почувствовал, что рассудок покидает его. Голова кружилась, и тоненький голосок, доселе молчавший, прошептал: "Ты не веруешь в Бога!"

Неожиданно Андреа оторвалась от него и встала; подняв руку, она двинулась вперед. Она спешила, но ступала твердо, лицо застыло, как у лунатика, без тени страха. Рэнкин хотел схватить ее и оттащить назад, чтобы они по крайней мере были рядом, когда ужасная судьба постигнет их, но не смог пошевелиться. Он закричал, но крик остался бессловесным.

В правой руке она сжимала бутылку с остатками святой воды. Остановившись в нескольких шагах от Джетро, Андреа заговорила изменившимся до неузнаваемости голосом — спокойно и уверенно, как школьница декламирует стихок, выученный накануне вечером.

— Я изгоняю тебя, о нечистый дух. Пусть все зло покинет это место и никогда больше не потревожит его! Я приказываю силам тьмы возвратиться туда, откуда они пришли. Очистись!

Под ее напором Джетро заметно растерялся, но продолжал с вызовом смотреть вверх. Шнур трещал все громче, огонек приближался к цели.

Рука Андреа описала плавную размашистую дугу. Бросок — и бутылка полетела прямо в лицо приспешнику зла. Удар был так силен, что она разбилась.

Джетро завопил громко и протяжно, голубое пламя охватило его голову, он пытался потушить огонь ладонями. Вой замер, узловатые руки бессильно опустились. Опаленное лицо больше не напоминало Ральфа Риса. Оно мгновенно постарело, кожа иссохла и увяла, над губой показалась щетина. Джетро был Ральфом Рисом, а теперь снова стал собой, но продолжал дряхлеть: это зло было более древним, чем он сам!

Но вот оно покинуло его оболочку, и на лице проступило раскаяние. И ужас! Он невнятно забормотал, подавая какие-то знаки. Смысл их был ясен. Бегите, пока не поздно! Дело сделано. Шнур подожжен, камни сейчас обрушатся и завалят могилу!

Саймон Рэнкин, вновь обретя силы, потянул Андреа назад. Она безучастно повиновалась, словно в трансе.

Уходя, Саймон оглянулся в последний раз; Джетро лежал недвижимо, плоть кусками отваливалась от усохшего тела. Зло, столько лет терзавшее его, ушло, и он на глазах превращался в жалкую грудку костей.

— Эй! — Беллмэн вдруг остановился, за ним остальные. Сзади сердито зашипел догоревший шнур, огонь достиг цели.

Саймон мгновенно впихнул своих спутников в просторную нишу в стене и сам втиснулся туда. Раздался оглушительный грохот, языки разноцветного пламени осветили туннель. Пол пещеры, откуда они только что вышли, провалился, сверху валились огромные камни и, разбиваясь, громоздили непроходимую стену. Новый обвал навсегда запечатал вход во владения Джетро Льюиса.

Наконец все смолкло, и они услышали вдалеке, за толщей сланцевых глыб тихое журчание. Это начали подниматься подземные воды, будто стремясь смыть все следы кумгильской трагедии и навеки уничтожить память о ней.

— А вот и главный проход, — с облегчением воскликнул Малькольм Беллмэн, когда они вышли из узкого туннеля по незаметным постороннему глазу отметкам, сделанным его рукой. — Где-то рядом должно быть большое озеро.

— Я была как в трансе, — Андреа едва удерживала слезы; она шла с трудом, опираясь на руку Саймона. — Не помню, что я говорила этому... не знаю, как его назвать, — ее передернуло. — Слова рождались сами собой, но я знала, это именно те, что нужны. Я почувствовала, как он сник, и тогда бросила в него бутылку.

— Наши молитвы были услышаны, — теперь, когда все было кончено, Саймон испытывал глубокую печаль. — И не нам судить, почему так произошло. Твоя вера была абсолютной, иначе тебе не удалось бы то, что ты совер-

шила. Зло наконец ушло отсюда. Чувствуешь, как спокойно здесь стало? Это потому, что бояться больше нечего.

Они продолжили путь молча, обнявшись.. Он снова вспомнил Эдриена и Фелисити, на самом деле он ни на миг не забывал о них. Теперь их души тоже упокоились с миром, хоть это немного утешало. Как бы то ни было, рана, причиненная гибелью детей, не заживет никогда, и только Андреа в состоянии помочь ему переносить эту боль.

— Мы у озера, держитесь ближе к стене, — луч фонаря Малькольма Беллмэна описал дугу над черной поверхностью воды. Посередине что-то плавало, Беллмэн направил луч туда. — Что... это? — в голосе опять звучал страх.

— Труп! — Андреа уткнулась в грудь Саймона, чтобы не видеть. — Ради всего святого, выберемся скорей из этого проклятого места!

— Да, — направив свет на тело, наполовину погруженное в воду, Саймон заметил непропорционально длинные руки и короткие ноги, — Это Ральф Рис! Вот и он обрел покой. Злу, воплощенному в роду Льюисов, пришел конец. Души тех, кого они терзали, ныне в покое, останки больше не подвластны бесовским чарам. Кумгилья освободилась от проклятия.

Немного погодя они вышли на яркий солнечный свет летнего утра. Остановившись у пещеры, они прислушались, было удивительно тихо.

— Забавно, — Малькольм Беллмэн с удовольствием вдыхал чистый горный воздух, — никогда раньше я этого не замечал. Птицы поют; не припомню, чтобы я раньше слышал птиц в Кумгилье. Одних ворон.

Саймон Рэнкин сжал руку Андреа. Осталось преодолеть последнее препятствие — ущелье, и они смогут покинуть Кумгилью навсегда. Возможно, когда-нибудь все происшедшее здесь станет для них далеким прошлым. Они перешли долину смерти и теперь стояли вдвоем на пороге новой жизни. Эта мысль несла утешение, в котором они нуждались, как никогда.

Краткая биография

Англичанину Гаю Ньюмену Смиту 53 года. Свой жизненный путь после окончания колледжа он начинал как банковский клерк. Своеобразные впечатления от этой работы и от города Бирмингема, где находился банк, отразились во многих книгах Смита (всего он написал с середины 70-х годов более 80 романов, в основном в жанрах “ужасов” и “катастрофы”). Действие большинства из них происходит в старинном сердце Англии — Мидлендских графствах или в Северном Уэльсе. Лучшие из этих произведений, оснащенных зачастую не только увлекательными авантюрными сюжетами в стиле “саспенс”, но и реалистическими бытовыми деталями, готовятся к публикации в нашем издательстве.

Время писателя распределяется между сочинением романов, семьей (Гай Смит женат и имеет семерых детей), управлением собственным магазином приключенческой литературы и фермой на границе Англии и Уэльса. Его хобби — занятия на свежем воздухе (одной из первых и самых известных книг Смита было руководство по сельскому и охотничьему хозяйству), гражданские тяжбы и, по собственному признанию... сон.

ГАЙ НЬЮМЕН СМИТ ПОГРЕБЕННЫЕ

Редакторы

Денисов Ю.М., Глобачев М.О.

Технический редактор Малькова Н.А.

Корректоры: Глобачев М.О., Оксисенко И.Н.

Сдано в набор 1.07.1992 г. Подписано в печать 04.08.1992 г.

Формат 84х108/32. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,5. Уч.-изд. 10,00. Тираж 60000 экз. Заказ № 590. Цена договорная

АО "Фантом Пресс Интер В.М." 123849, Москва, ул. 1905 г., 7.

**Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая, 24.**

ВОЗМОЖНО, КОГДА-НИБУДЬ
ВСЕ ПРОИСШЕДШЕЕ ЗДЕСЬ СТАНЕТ ДЛЯ НИХ
ДАЛЕКИМ ПРОШЛЫМ.
ОНИ ПЕРЕШЛИ ДОЛИНУ СМЕРТИ
И ТЕПЕРЬ СТОЯЛИ ВДВОЕМ
НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ.
ЭТА МЫСЛЬ НЕСЛА УТЕШЕНИЕ,
В КОТОРОМ ОНИ НУЖДАЛИСЬ, КАК НИКОГДА.

GUY N. SMITH

ENTOMBED

ЛЮБАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СЛАБОСТЬ
МОЖЕТ ПОСЛУЖИТЬ
ЛАЗЕЙКОЙ ДЛЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ САТАНЫ
В ЖИВУЮ ДУШУ.
СТОИТ ОСЛАБЕТЬ ВЕРЕ В БОГА -
И ЧЕЛОВЕКОМ ИСКУСНО ОВЛАДЕВАЕТ ДЬЯВОЛ.
ДАЖЕ ЦЕРКОВНЫЕ СТЕНЫ -
НЕ ПРЕГРАДА ДЛЯ САТАНИНСКИХ СИЛ.
А СВОИ ГНЕЗДИЛИЩА ОНИ УСТРАИВАЮТ ТАМ,
ГДЕ КОГДА-ТО СОВЕРШИЛОСЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
НАПРИМЕР, ВО МРАКЕ ЗАБРОШЕННОЙ ШАХТЫ.